ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

Кто он — друг, враг, любовник, или обыкновенный убийца? Или никто из вышеперечисленных?..

ТАЛАНТЛИВЫЙ МИСТЕР РИПЛИ

BLOCKBUSTER

Талантливый мистер Рипли
Патриция Хайсмит

Аннотация
Патриция Хайсмит. Талантливый мистер Рипли
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30

Аннотация

Психологические детективы знаменитой писательницы Патриции Хайсмит интригующи и глубокомысленны. Они держат читателя в напряжении до последней минуты и помогают понять причины поступков героев. Роман о Томе Рипли – наиболее известное произведение, в котором раскрывается темная сторона человеческой души. Не зря он стал настоящим сокровищем для кинематографистов. Роль Тома Рипли в свое время исполнял Ален Делон, эталон европейского красавца мужчины, а в 1999 году в экранизации режиссера Энтони Мингеллы – американский супербой Мэтт Дэймон. Фильм приобрел мировую популярность, в чем несомненная заслуга непревзойденной Патриции Хайсмит.

Патриция Хайсмит
Талантливый мистер Рипли

Глава 1

Оглянувшись, Том увидел, что тот самый тип тоже вышел из «Зеленой клетки» и идет следом за ним. Пришлось прибавить шагу. Точно, его преследуют. Пять минут назад Том заметил: этот тип за соседним столиком приглядывается к нему, словно не совсем, но почти уверен. Он еще успеет залпом проглотить свое виски, расплатиться и унести ноги.

На перекрестке Том свернул и помчался по Пятой авеню. А вот и забегаловка «У Рауля». Рискнуть, что ли, зайти, пропустить вторую рюмочку? Испытать судьбу и прочее? Или продолжить удирать, добраться до Парк-авеню и там отделаться от «хвоста», прошмыгнув в несколько темных подъездов? Том все же зашел к «Раулю».

Направляясь к свободному месту за стойкой, он машинально оглядел зал в поисках знакомых. Увидел долговязого рыжего мужика, чье имя постоянно забывал. Тот сидел за столиком с блондинкой. Рыжий помахал рукой, и Том вяло поднял свою, отвечая на приветствие. Он просунул ногу между перекладиной и сиденьем

высокого табурета и повернулся лицом к двери с деланной небрежностью, скрывающей нетерпеливое ожидание.

— Джин с тоником, пожалуйста, — сказал он бармену.

Похож ли незнакомец на человека, который собирается его арестовать? Он такой, не такой или все же такой? Вроде бы не похож на фараона или сыщика. Скорее на бизнесмена, отца кого-либо из приятелей Тома. Хорошо одет, упитан, седина на висках. И кажется, пребывает в нерешительности. А может быть, именно таких вот и используют для подобной работы: заведут в баре дружескую беседу с жертвой, а потом хоп! — одну руку положат тебе на плечо, другой отвернут лацкан пиджака, показывая полицейский значок: «Том Рипли, вы арестованы». Том внимательно следил за дверью.

Ага, вот и незнакомец. Огляделся, увидел Тома и тут же отвел глаза. Снял соломенную шляпу и уселся по другую сторону стойки.

Что ему все-таки нужно? Может быть, он голубой? Эта мысль уже мелькала в мозгу у Тома, лихорадочно искавшего разгадку. Нащупав только сейчас нужное слово, он спрятался за него: все же лучше голубой, чем полицейский. Голубому

он просто скажет: «Нет, спасибо», улыбнется и пойдет своей дорогой. Том сел на табурет и постарался взять себя в руки. Незнакомец сделал бармену знак пока не наливать и, обогнув стойку, направился к Тому. Вот сейчас… Том оцепенел, не отрывая от него глаз. Больше десяти лет не дадут… Быть может, пятнадцать. Ну, скостят за примерное поведение… Пронзила боль горького, мучительного раскаяния, но тут незнакомец заговорил:

— Извините, вы Том Рипли?

— Да.

— Я Герберт Гринлиф. Отец Ричарда Гринлифа. — Разглядев выражение его лица, Том пришел в большее замешательство, чем если бы мистер Гринлиф направил на него пистолет. Он дружелюбно улыбался и смотрел на Тома с надеждой. — Вы ведь друг Ричарда, не так ли?

Том напряг память. В ней смутно всплыло — Дикки Гринлиф. «Длинный светловолосый парень. Всегда при деньгах».

— Ах да, Дикки Гринлиф. Ну конечно…

— Во всяком случае, вы знакомы с Чарлзом и Мартой Шриверами. Это они сказали, что вы, может быть… гм… Давайте лучше пересядем за столик.

— Хорошо, — с готовностью согласился Том и взял свою рюмку.

Мистер Гринлиф повел его к свободному столику в самой глубине маленького зала. Итак, возмездие отсрочено. Свобода! Его не арестуют! Речь о чем-то другом. Неизвестно о чем, но, во всяком случае, не о крупном хищении, или подлоге, или как там еще они это называют. Вероятно, Ричард влип в какую-то историю и мистеру Гринлифу понадобились помощь или совет. Уж Том найдет что сказать такому вот папаше!

— Я не был уверен, что вы и есть Том Рипли, — начал мистер Гринлиф. — Я видел вас, по-моему, всего однажды. Ведь вы как-то приходили к нам домой с Ричардом?

— Кажется, да.

— Шриверы описали вас. И они и я пытались связаться с вами, потому что Шриверы хотели устроить нашу встречу у себя дома. Кто-то сказал им, что вы иногда заглядываете в бар «Зеленая клетка». Сегодня я впервые отправился искать вас, и мне сразу же повезло. — Он улыбнулся. — На прошлой неделе я послал вам письмо, но вы, наверное, его не получили.

— Нет, не получил. — «Марк не пересылает мне почту, — подумал он. — Черт бы его побрал! А

вдруг там чек от тетушки Дотти?» — Я как раз неделю назад переехал, — добавил он.

— А, тогда понятно. Ничего особенного я не писал. Просто что хочу встретиться и побеседовать с вами. Похоже, Шриверы считают, вы были хорошо знакомы с Ричардом.

— Да, я его помню.

— Но вы с ним не переписываетесь? — Мистер Гринлиф, казалось, был разочарован.

— Нет. По-моему, мы с Дикки не виделись уже года два.

— Он как раз два года назад уехал в Европу. Шриверы отзываются о вас очень хорошо. Они полагают, вы сможете повлиять на Ричарда, если ему напишете. Я хочу, чтобы он вернулся домой. У него здесь определенные обязанности. Но он остается глух ко всему, что пытаемся внушить ему я или его мать.

Том был озадачен:

— А что именно Шриверы обо мне говорили?

— Они говорили, как оказалось немного преувеличив, что вы с Ричардом большие друзья. Они, по-моему, не сомневались, что вы с ним переписываетесь. Видите ли, я теперь совсем не знаю друзей Ричарда… — Он искоса взглянул на Тома. Похоже, собирался угостить его рюмочкой

виски, но Том едва успел пригубить свою.

Он вспомнил, что однажды был с Дикки Гринлифом на коктейле у Шриверов. Вероятно, Гринлифы более дружны с ними, чем он сам, потому-то все и произошло. Ведь он встречался со Шриверами всего три или четыре раза в жизни. А в последний раз помог Чарли Шриверу составить налоговую декларацию. Чарли, режиссер телевидения, совсем запутался с гонорарами за «левые» работы. Он уверовал в гениальность Тома, поскольку тот сумел подтасовать декларацию и уменьшить сумму налога по сравнению с той, которая получилась у самого Чарли, причем все выглядело вполне законно. Наверное, вспомнив именно этот случай, Чарли рекомендовал его мистеру Гринлифу. Оценивая Тома по тому достопамятному вечеру, Чарли наверняка сказал, что он умен, рассудителен, безукоризненно честен и всегда готов помочь. В действительности все было не совсем так.

— Может быть, вы знаете кого-нибудь другого, кто близок с Ричардом и имеет на него хоть какое-нибудь влияние? — спросил мистер Гринлиф чуть ли не жалостно.

Был еще Бадди Ланкено, по Тому не хотелось впутывать его в такое неприятное дело.

— Боюсь, что нет. — Том покачал головой. — Почему Ричард не хочет возвращаться домой?

— Он пишет, ему больше нравится жить в Европе. Но его мать так разболелась… Впрочем, это наши проблемы. Простите, что я пристаю к вам так беззастенчиво. — Мистер Гринлиф смущенно пригладил свои редкие, аккуратно причесанные седые волосы. — Он пишет, что занимается живописью. Что ж, само по себе это неплохо. Но беда в том, что к живописи у Ричарда таланта нет, зато большой талант к проектированию судов, если б только он соблаговолил заняться этим. — Мистер Гринлиф поднял глаза на подошедшего официанта. — Виски с содовой, пожалуйста. Вы еще не допили?

— Нет, спасибо, — сказал Том.

Мистер Гринлиф виновато посмотрел на него:

— Вы — первый из приятелей Ричарда, кто вообще согласился меня выслушать. Они все считают, что я не должен вмешиваться в его жизнь.

Том вполне мог понять такую точку зрения.

— Я рад бы помочь, — сказал он вежливо. Теперь он вспомнил, что своими деньгами Дикки был обязан некоей судостроительной фирме. Парусные лодки. Несомненно, отец хочет, чтобы он вернулся домой и работал на семейном пред-

приятии. Том равнодушно улыбнулся мистеру Гринлифу и допил свой джин. Он приподнялся было, собираясь уйти, по помешало слишком уж очевидное разочарование его визави.

— А где он живет в Европе? — спросил Том, хотя его это ни капельки не интересовало.

— В городке под названием Монджибелло, к югу от Неаполя. Как он пишет, там нет даже библиотеки. Он делит свое время между живописью и морскими прогулками. Купил там дом. У Ричарда своя доля дохода в семейной фирме. Не такая уж большая, но, видно, в Италии на эти деньги можно прожить. Что ж, о вкусах не спорят, хотя лично я не вижу ничего привлекательного в такой дыре. — Мистер Гринлиф улыбнулся. — Разрешите угостить вас, мистер Рипли? — набравшись храбрости, спросил он, когда официант принес ему виски с содовой.

Тому хотелось уйти. Но стало жаль оставить мистера Гринлифа в одиночестве над рюмкой виски.

— Спасибо. Я, пожалуй, выпью, — сказал он, протягивая официанту свою рюмку.

— Чарли Шривер говорил, что вы работаете в страховом бизнесе.

— Работал до недавнего времени. Теперь я…

— Но говорить, что он служит в департаменте налогов и сборов, сейчас было ни к чему. — Теперь работаю в бухгалтерии одного рекламного агентства.

— Ах вот что!

Оба помолчали. Мистер Гринлиф не сводил с Тома жалкого, умоляющего взгляда. Что же еще сказать ему? Ох, не надо было соглашаться пить за его счет!

— Кстати, сколько сейчас Дикки лет?

— Двадцать пять.

Стало быть, они ровесники. Для Дикки это время в Европе, наверное, лучшее в жизни. Твердый доход, дом, яхта. Зачем ему возвращаться?

Теперь лицо Дикки более четко всплыло в памяти Тома: широкая улыбка, светлые вьющиеся волосы, беспечное лицо баловня судьбы. Дикки и вправду такой, а что у него, Тома, за жизнь в двадцать пять лет? Перебивается со дня на день. Счета в банке нет. Теперь вот приходится еще и скрываться от полиции. У него талант к математике. Так какого же черта он не может его продать? Том почувствовал, как его мускулы напряглись, заметил, что спичечный коробок в пальцах сломался, почти сплющился. Надоела ему эта дурацкая история, надоела до чертиков.

Скучно, скучно, надоела! Хотелось вернуться к стойке, остаться одному.

Том отхлебнул из своей рюмки.

— Я с удовольствием напишу Дикки, если вы дадите его адрес, — живо сказал он. — Думаю, он меня не забыл. Помню, нас с ним пригласили в гости на уик-энд в один дом на Лонг-Айленде. Мы насобирали мидий, и потом все ели их на завтрак. — Том ухмыльнулся. — Кое-кого из нас после стошнило, так что уик-энд получился не слишком удачным. Но я припоминаю, что Дикки говорил тогда о предстоящем путешествии в Европу. Наверное, вскоре после этого он и уехал…

— Я помню, — сказал мистер Гринлиф. — Это был последний уик-энд, который Ричард провел на родине. Кажется, он рассказывал мне про мидий. — Мистер Гринлиф рассмеялся, пожалуй, громче, чем следовало.

— А еще я несколько раз был у него дома, — продолжал Том, все больше вдохновляясь (теперь его несло). — Дикки показал мне модели кораблей у себя в комнате, на специальном столике.

Мистер Гринлиф просиял:

— Ну, то всего лишь детские опыты. А он показывал свои каркасные макеты? А свои рисунки?

Ничего такого Том не припомнил, но с живо-

стью подхватил:

— Конечно! А как же! Рисунки пером. Некоторые были просто изумительны.

Том никогда их не видел, зато теперь перед мысленным взором предстали педантичные рисунки профессионального конструктора или чертежника, где тщательно прописана каждая линия, каждый болт и каждый шуруп, а также улыбающийся Дикки, держащий эти рисунки перед его глазами. Он смог бы еще несколько минут описывать их на радость мистеру Гринлифу, но взял себя в руки.

— Да, к этой работе у Ричарда талант, — удовлетворенно заметил мистер Гринлиф.

— Полагаю, что есть, — согласился Том.

Ему по-прежнему было скучно, но в нем как бы переключилась скорость. Это ощущение бывало и раньше. Оно возникало иногда на коктейлях, но чаще всего на ужинах, и в особенности если присутствовали люди, общества которых он отнюдь не жаждал, и вечер тянулся бесконечно. В таких случаях он мог, если необходимо, быть часок-другой очаровательно любезным, по потом внутри словно что-то лопалось и он вылетал прочь, будто подхваченный взрывной волной.

— Жаль, что сейчас я не вполне свободен, а то с

удовольствием сам съездил бы туда и попытался уговорить Ричарда. Возможно, сумел бы на него повлиять, — сказал он только потому, что именно это хотел от него услышать мистер Гринлиф.

— Если вы серьезно… То есть если собираетесь в Европу…

— Нет, не собираюсь.

— Ричард всегда так легко поддавался влиянию приятелей… Если б вы или кто-нибудь вроде вас мог бы взять отпуск, я бы поручил ему съездить в Европу и поговорить с ним. Во всяком случае, проку от этого было бы больше, чем если поехал бы я сам. А нельзя ли вам все же взять отпуск? Или на вашей новой работе вам его никак не дадут?

У Тома вдруг подпрыгнуло сердце. Он сделал вид, будто размышляет. Перед ним открылась Возможность. Сердце почуяло ее и рванулось к ней прежде, чем осознал разум. На самом деле никакой новой работы у Тома не было. И так или иначе, вероятно, вскоре все равно придется уехать из города. Ему очень захотелось покинуть Нью-Йорк.

— Я попробую, — осторожно сказал он все с тем же задумчивым выражением лица, будто перебирал в уме тысячи опутавших его мелких обязательств, которые могли помешать.

— Если и в самом деле поедете, я с радостью возьму на себя все дорожные расходы. Это само собой разумеется. Думаете, вам действительно удастся это устроить? Скажем, нынешней осенью?

Была уже середина сентября. Том уставился на золотое кольцо с полустертой печаткой на мизинце мистера Гринлифа.

— Думаю, что да. Буду рад повидаться с Ричардом, особенно если вы полагаете, что от этого будет прок.

— Я просто не сомневаюсь! Думаю, он к вам прислушается. Может, оно и к лучшему, что вы не слишком хорошо с ним знакомы. Когда будете настоятельно убеждать его вернуться домой, он хоть не заподозрит вас в своекорыстности. Джим Бёрке и его жена — Джим мой компаньон — заезжали в Монджибелло в прошлом году, когда совершали круиз. Ричард обещал вернуться домой в начале зимы. Прошлой зимы. Теперь Джим считает его совсем пропащим. Но разве станет двадцатипятилетний парень прислушиваться к старику, которому за шестьдесят? Возможно, вам удастся то, в чем не преуспели все мы.

— Будем надеяться, — скромно сказал Том.

— Может, выпьем еще? На этот раз доброго

бренди?

Глава 2

Засобирались по домам только за полночь. Мистер Гринлиф предложил подвезти на такси, но Том не захотел показать новому знакомому, что обитает между Третьей и Шестой авеню в запущенном доме из бурого песчаника с табличкой «Сдаются комнаты» в окне. Последние две с половиной недели он жил здесь у Боба Деланси, с которым едва знаком. Но никто из приятелей и знакомых, кроме него, не предложил приюта Тому, оказавшемуся без крыши над головой. Он никого не приглашал в жилище Боба и даже скрывал ото всех, где пристроился. Главным преимуществом этой квартиры было то, что Том мог получать почту на имя Джорджа Мак-Алпина с минимальным риском попасться. Но зато: вонючий незапирающийся сортир в конце коридора; единственная закопченная комната с почерневшим потолком, где, судя по всему, перебывали тысячи разных жильцов, причем каждый оставил после себя свой особый род мусора и никто никогда пальцем не пошевельнул, чтобы его убрать; рассыпающиеся штабеля

старых журналов. И повсюду кричаще шикарные чаши из дымчатого стекла, заполненные клубками бечевки, карандашами, окурками и гнилыми фруктами. Боб был оформителем витрин, но в то время лишь урывками подрабатывал в магазинах старых вещей на Третьей авеню, и в каком-то из них за услуги расплатились этими дымчатыми чашами. Впервые попав сюда, Том был глубоко уязвлен убожеством этого жилища, тем, что кто-то из его знакомых живет здесь. Но он знал, что сам не задержится тут надолго. И вот подвернулся мистер Гринлиф. Всегда что-нибудь да подвернется. Такова была философия Тома.

Прежде чем подняться по ступенькам, Том остановился и внимательно огляделся. Никого, только старуха выгуливает собаку да старик, покачиваясь, огибает угол Третьей авеню. Для Тома всегда самым неприятным было ощущение, будто кто-то идет за ним следом, все равно кто. А в последнее время оно не покидало его. Том взбежал по ступенькам.

Плевать теперь на это убожество! Как только выправит паспорт, отправится в Европу, скорее всего в каюте первого класса. Нажмешь кнопку — и слуга принесет все, что твоей душе угодно. Том представил себе, как переодевается к ужину, как

небрежной походкой входит в большой ресторанный зал, ведет светскую беседу за столиком. Сегодня можно поздравить себя с успехом. Он вел себя правильно. У мистера Гринлифа никак не могло возникнуть подозрение, что Том хитростью выманил у него поручение в Европу. Совсем наоборот. И Том не предаст интересы мистера Гринлифа. Он приложит все силы, чтобы Дикки вернулся домой. Мистер Гринлиф сам настолько порядочен, что не сомневается в порядочности другого. Том уже почти забыл, что подобные люди существуют на свете.

Он медленно снял куртку и развязал галстук, наблюдая за своими действиями словно со стороны. Просто удивительно, как он вдруг распрямился, как изменилось выражение лица. Это была одна из немногих минут в его жизни, когда он был доволен собой. Сунул руку в битком набитый стенной шкаф Боба и энергично раздвинул вешалки, освобождая место для своего костюма. Потом прошел в ванную. Одна струя из старого заржавленного душа била в пластиковую занавеску, другая разбрызгивалась в разные стороны, так что на тело вода почти не попадала. Но все же это было лучше, чем садиться в осклизлую ванну.

Когда Том на следующее утро проснулся, Боба не было дома. Взглянув на его постель, он убедился, что тот вчера вообще не приходил. Том вскочил с кровати, подошел к двухконфорочной плите и поставил кофе. Очень кстати, что Боб ночевать не пришел. Тому не хотелось рассказывать ему о путешествии в Европу. Этот жалкий лодырь все равно не поймет ничего, только то, что Том поедет путешествовать на даровщинку. И Эд Мартин, вероятно, тоже. И Берт Виссер. И все остальные бездельники, его знакомые. Он никому ничего не скажет и не хочет, чтобы его провожали. Том стал насвистывать. Он приглашен на ужин сегодня вечером к мистеру Гринлифу в его квартиру на Парк-авеню.

Через четверть часа, приняв душ, побрившись и облачившись в костюм с полосатым галстуком, который, по его мнению, должен хорошо получиться на фотографии для паспорта, Том расхаживал взад и вперед по комнате с чашкой черного кофе в руке, ожидая утреннюю почту. Получив ее, он отправится выправлять паспорт. А как использовать вторую половину дня? Походить по художественным выставкам и набраться впечатлений для застольной беседы у Гринлифов? Разузнать о «Судостроительной компании

Бёрке и Гринлифа», чтобы показать мистеру Гринлифу, что интересуется его бизнесом?

Через открытое окно Том уловил, как еле слышно брякнул почтовый ящик, и спустился вниз. Подождав, пока почтальон преодолеет ступеньки и исчезнет из виду, Том вытащил адресованное Джорджу Мак-Алпину письмо из уголка, куда его запихнул почтальон. В конверте оказался чек на сто девятнадцать долларов и пятьдесят четыре цента, которые надлежало выплатить сборщику налогового управления. Славная миссис Эдит Сьюперо! Уплатила не пикнув, даже по телефону не позвонила. Это был добрый знак. Том поднялся к себе, разорвал конверт миссис Сьюперо и выбросил клочки в помойное ведро.

Том положил чек в конверт из оберточной бумаги, хранившийся во внутреннем кармане одной из его курток в стенном шкафу. У него уже собралось чеков на тысячу восемьсот шестьдесят три доллара и четырнадцать центов, сосчитал он в уме. Жаль, что нельзя получить по ним деньги. Хотя бы один идиот додумался прислать наличные или выписать чек на имя Джорджа Мак-Алпина. Но до сих пор такого не случалось. У Тома было найденное где-то удостоверение банковского посыльного, правда просроченное,

но можно попробовать переправить дату. Однако он боялся, что попадется при получении денег по чекам, даже если подделает доверенность на нужную сумму. Стало быть, на самом деле все свелось не более чем к розыгрышу. Всего лишь к хорошей шутке. Он ни у кого не украл ни гроша. Перед отъездом в Европу надо будет уничтожить эти чеки.

В его списке было еще семь кандидатов. Не попробовать ли еще разок в те десять дней, что остались до отплытия? Возвращаясь вчера домой после встречи с мистером Гринлифом, Том подумал, что, если миссис Сьюперо и Карлос де Севилья пришлют доплату, он поставит на этом точку. Мистер де Севилья пока доплаты не прислал. Надо будет позвонить ему по телефону и нагнать страху. Миссис Сьюперо оказалась такой легкой добычей, что у Тома возникло искушение сделать еще одну, последнюю попытку.

Том вынул из шкафа свой чемодан, а из него — розовато-лиловый почтовый набор. В коробке лежало несколько листков почтовой бумаги, а под ними множество бланков, которые он прихватил в налоговом управлении, где с месяц назад работал на складе. На самом дне хранился список кандидатов, тщательно подобранных лю-

дей, которые проживали в Бронксе или Бруклине и вряд ли потащились бы в налоговое управление лично, — художников, писателей и других лиц свободных профессий, не уплачивающих постоянно подоходного налога, зарабатывающих от семи до двенадцати тысяч долларов в год. Люди этой категории, рассчитывал Том, редко нанимают специалиста, который составил бы им налоговую декларацию. С другой стороны, они зарабатывают достаточно, чтобы их логично было обвинить в ошибке на две-три сотни долларов при составлении декларации. В списке были: Уильям Дж. Слаттерер, журналист; Филип Робилард, музыкант; Фрида Хосн, книжный иллюстратор; Джозеф Дж. Геннари, фотограф; Фредерик Реддингтон, художник; Френсис Карнеги… Интуиция подсказала выбрать Реддингтона, рисовальщика комиксов. Небось не знает, на каком он свете.

Том выбрал два бланка, озаглавленные: «Уведомление об ошибке в расчете», заложил между ними копирку и стал быстро переписывать данные, содержащиеся в его списке под фамилией Реддингтон. Доход: 11 тысяч 250 долларов. Освобожден от налогообложения. Вычеты: 600 долларов. Кредит: ноль. Денежный перевод: ноль. Проценты (он на мгновение задумался): 2,16

доллара. Итого к уплате: 233 тысячи 76 долларов. Затем Том вынул из папки, где у него хранилась копирка и бумага для пишущей машинки, лист со штампом налогового управления на Лексингтон-авеню, перечеркнул адрес наискосок, а под ним напечатал:

«Уважаемый сэр!

В связи с перегрузкой нашей основной бухгалтерии на Лексингтон-авеню просьба прислать ответ по адресу:

Отдел согласовании (корректировки)

Ответственному Джорджу Мак-Алпину.

187 Е, Пятьдесят первая улица.

Нью-Йорк 22, Нью-Йорк.

Заранее благодарим.

Ральф Ф. Филлер, Ген. директор отдела корректировки».

Том подписал письмо неразборчивой закорючкой. Остальные бланки убрал на случай неожиданного появления Боба и взялся за телефон. Он решил нанести мистеру Реддингтону легкий упреждающий удар. Узнал в справочном бюро номер и позвонил ему. Тот оказался дома. Том коротко объяснил положение вещей

и выразил удивление, что мистер Реддингтон до сих пор не получил уведомления из отдела корректировки.

— Его должны были отправить еще несколько дней назад. Вы наверняка получите его завтра. Нас тут торопят с завершением этих дел.

— Но я уже уплатил налоги. — В голосе на другом конце провода была тревога. — Все мои налоги…

— Такие вещи иногда случаются у лиц свободных профессий, с которых не удерживают постоянного подоходного налога. Мы очень тщательно проверили вашу налоговую декларацию, мистер Реддингтон. Ошибка исключена. И нам бы не хотелось обращаться в учреждение, для которого вы работаете, или к вашему агенту, или куда бы то ни было еще с требованием об удержании ваших денег вплоть до уплаты долга… — Тут он хихикнул. Такое неформальное панибратское подхихикиванье обычно творило чудеса. — Но мы будем вынуждены это сделать, если вы не уплатите в течение сорока восьми часов. Мне очень жаль, что вы до сих пор не получили нашего уведомления. Как я уже сказал, нас торопят…

— А если я сам приеду, я смогу с кем-нибудь поговорить? — с беспокойством спросил мистер

Реддингтон. — Сумма чертовски большая!

— Да, разумеется, сможете. — В этом месте Том всегда переходил на компанейский тон. Как будто это говорил добродушный старый чудак лет шестидесяти с лишком, который выкажет максимум терпения, если мистер Реддингтон явится к нему в офис, однако не уступит ни цента, что бы там мистер Реддингтон ни толковал и ни доказывал. Ведь Джордж Мак-Алпин представлял налоговое управление Соединенных Штатов Америки. — Разумеется, вы сможете поговорить со мной, — произнес Том, растягивая слова, — но не сомневайтесь, мистер Реддингтон, ошибка исключена. Я просто хочу сэкономить ваше время. Приезжайте, если вам так хочется, но вся документация касательно ваших налогов в данную минуту у меня под рукой.

Молчание. Мистер Реддингтон явно не собирался задавать вопросов по документации. Очевидно, не знал, что именно надо спросить. Но если бы он все же попросил каких-либо объяснений, у Тома была наготове длинная путаная речь насчет чистого дохода и нарастающего дохода, балансовых сумм и расчетных смет, а также шести процентов годовых, нарастающих со дня, назначенного для уплаты налога на все сальдо,

и представляющих собой возмещение первоначального налога. И всю эту галиматью он излагал медленно, не давая себя прервать, подавляя противника неумолимо, подобно танку. До сих пор никто еще не упорствовал в намерении явиться лично и вновь прослушать подобную лекцию. Мистер Реддингтон тоже капитулировал. Том понял это по его молчанию.

— Хорошо, — сказал мистер Реддингтон словно в изнеможении. — Я прочту уведомление завтра, когда получу его.

— Прекрасно, мистер Реддингтон, — ответил Том и повесил трубку.

С минуту посидел, ухмыляясь, зажав сложенные ладони между коленями. Потом вскочил, убрал на место машинку Боба, аккуратно причесал перед зеркалом свои светло-каштановые волосы и отправился выправлять паспорт.

Глава 3

— Том, дорогой, здравствуйте! — Голос и интонация мистера Гринлифа предвещали великолепные коктейли, изысканный ужин и ночлег, если гость окажется слишком усталым, чтобы идти домой. — Эмили, это Том Рипли.

— Рада познакомиться с вами, — сердечно сказала хозяйка дома.

— Как поживаете, миссис Гринлиф?

Она выглядела так, как он и ожидал: высокая, стройная блондинка. Держалась с известной долей официальности, не позволявшей ему забывать о хороших манерах, но при этом с тем же наивным доброжелательством ко всем и всему, что и мистер Гринлиф. Хозяин повел их в гостиную. Да, Том действительно побывал здесь с Дикки.

— Мистер Рипли занимается страховым бизнесом, — объявил мистер Гринлиф. Он, по-видимому, уже успел пропустить рюмочку, а может быть, волнуется: ведь Том вчера вечером подробно описал рекламное агентство, где он якобы работает.

— Не слишком интересная работа, — скромно

сказал Том, обращаясь к миссис Гринлиф.

Служанка внесла в комнату поднос с коктейлями и бутербродами на поджаренном хлебе.

— Мистер Рипли уже бывал у нас, — сказал мистер Гринлиф. — Он приходил с Ричардом.

— Вот как? Я вас не помню. — Хозяйка дома улыбнулась. — Вы уроженец Нью-Йорка?

— Нет, я родился в Бостоне, — ответил Том. Это была правда.

Примерно через полчаса — и хорошо, что не раньше, потому что за это время Том по настоянию Гринлифов успел выпить второй и третий мартини, — они перешли из гостиной в столовую, где был накрыт стол на три персоны, горели свечи, лежали большие синие салфетки и уже была подана заливная курица. Но главное, был сельдерей в соусе с майонезом. Любимое блюдо Тома. Во всяком случае, по его заявлению.

— Ричард тоже любит сельдерей, — сказала миссис Гринлиф. — И считает, что наш повар готовит его отменно. Жаль, вы не можете захватить немного для него.

— Отчего же, положу вместе с носками, — улыбнулся Том, на что мистер Гринлиф рассмеялся. Его жена просила Тома отвезти Ричарду несколько пар черных шерстяных носков от «Брукс бразерс»,

какие Ричард всегда носил.

Застольная беседа была вялой, но ужин превосходным. Отвечая на вопрос миссис Гринлиф, Том сказал, что работает в рекламной фирме «Ротенберг, Флеминг и Барнер». Когда он упомянул фирму в другой раз, он нарочно назвал ее «Реддингтон, Флеминг и Паркер». Похоже, что мистер Гринлиф не уловил разницы. В это время они с мистером Гринлифом сидели вдвоем в гостиной после ужина.

— Вы учились в Бостоне? — спросил мистер Гринлиф.

— Нет, сэр. Какое-то время я учился в Принстоне, потом жил у другой своей тетки в Денвере и ходил в колледж там.

Том подождал в надежде, что мистер Гринлиф спросит что-нибудь о Принстоне, но тот не спросил. Том мог свободно рассуждать о методе преподавания истории в Принстоне, о том, что запрещено и что разрешено на его территории, об атмосфере на субботних и воскресных танцах, о политических тенденциях студентов. Прошлым летом Том подружился с одним студентом предпоследнего курса Принстона. Тот только и говорил о своей альма-матер, и под конец Том сам начал его выспрашивать, предвидя, что настанет

время, когда эти сведения ему пригодятся. Том уже рассказал Гринлифам, что его вырастила тетя Дотти в Бостоне. Она привезла его в Денвер, когда ему было шестнадцать, и на самом деле он только кончил там среднюю школу, но в доме у тети Би в Денвере снимал комнату один молодой человек по имени Дон Мизел, так вот он-то учился в Колорадском университете. У Тома было такое чувство, будто он тоже там учился.

— Вы специализировались на чем-нибудь определенном? — спросил мистер Гринлиф.

— Никак не мог выбрать между бухгалтерским делом и английским языком, — ответил Том с улыбкой, зная, что такой ответ слишком банален, чтобы дать пищу для обсуждения.

Вошла миссис Гринлиф с альбомом семейных фотографий, и Том сидел рядом с ней на диване, а она переворачивала страницы. Вот Ричард учится ходить. Вот Ричард на ужасной цветной фотографии во всю страницу, с длинными белокурыми локонами. Альбом заинтересовал Тома, лишь когда пошли фотографии Ричарда лет с шестнадцати: длинноногий стройный юноша с волнистыми волосами. Насколько мог судить Том, между шестнадцатью и двадцатью тремя или двадцатью четырьмя годами, когда были сде-

ланы последние снимки, Ричард мало изменился. Особенно удивило Тома, как мало изменилась его веселая наивная улыбка. Напрашивалась мысль, что Ричард не слишком умен, а может быть, просто любит фотографироваться и думает, что ему очень идет рот до ушей. Но это опять-таки не говорит об уме.

— А наклеить вот эти у меня еще руки не дошли. — Миссис Гринлиф протянула Тому пачку разрозненных фотографий. — Они все из Европы.

Это уже интереснее: Дикки вроде бы в парижском кафе, Дикки на пляже. На некоторых фотографиях он хмурит брови.

— Кстати, вот Монджибелло. — Миссис Гринлиф показала снимок, где Дикки вытаскивал лодку на песчаный пляж. На заднем плане виднелись скалистые горы и цепочка белых домиков вдоль берега. — А вот девушка, которая живет в Монджибелло. Она и Дикки там единственные американцы.

— Мардж Шервуд, — пояснил мистер Гринлиф. Он сидел у противоположной стены, но, подавшись вперед, с напряженным вниманием следил за демонстрацией фотографий.

Девушка в купальном костюме сидела на пляже, обхватив руками колени. С виду здоровая

и простодушная, с взъерошенными, коротко подстриженными волосами. То, что называется «свой парень». Затем последовала очень хорошая фотокарточка Ричарда в шортах. Он улыбался, сидя на парапете террасы.

Но это была уже совсем другая улыбка. На европейских снимках Ричард выглядел более сдержанным.

Том вдруг заметил, что миссис Гринлиф неподвижным взглядом уставилась в ковер. Он вспомнил, как она за столом воскликнула: «Хотелось бы мне даже не знать слова „Европа“!» Мистер Гринлиф взглянул на нее с беспокойством, а потом улыбнулся Тому, словно говоря, что, мол, ничего особенного, такие вспышки у нее бывают. Теперь Том увидел слезы на глазах миссис Гринлиф. Муж поднялся и направился к ней.

— Миссис Гринлиф, — сказал Том мягко, — поверьте, я сделаю все, что смогу, чтобы Дикки вернулся домой.

— Спасибо, Том, спасибо. — Она сжала его руку.

— Эмили, не пора ли тебе ложиться? — спросил мистер Гринлиф, наклонившись над ней.

Миссис Гринлиф встала, тотчас поднялся и гость.

— Надеюсь, Том, вы еще зайдете к нам перед отъездом, — сказала она. — С тех пор как Ричард уехал, в нашем доме почти не бывает молодежи. Мне ее не хватает.

— Я с удовольствием приду, — пообещал Том. Мистер Гринлиф вышел из комнаты вместе с женой. Том остался стоять руки по швам, высоко подняв голову. В большом зеркале на стене он увидел свое отражение и снова распрямился, исполнившись чувства собственного достоинства. Том быстро отвел глаза. Он делает именно то, что нужно, ведет себя так, как нужно. Откуда же это чувство вины? Только что он сказал миссис Гринлиф:

«Я сделаю все, что смогу…» Но ведь он и вправду сделает! Он никого не пытается обмануть.

Тома прошиб пот, и он постарался расслабиться. Из-за чего он вдруг так забеспокоился? Ведь весь вечер чувствовал себя превосходно! Вот только когда он сказал про тетю Дотти…

Том расправил плечи, поглядывая на дверь, но она все еще оставалась закрытой. Да, только в эту минуту за весь вечер он почувствовал себя не в своей тарелке, сам себе показался ненастоящим, будто попался на *лжи*, хотя в действительности изо всего сказанного им сегодня как раз это и

были чуть ли не единственные слова правды:

«Мои родители умерли, когда я был совсем маленьким. Меня вырастила моя тетя в Бостоне».

Мистер Гринлиф вошел в комнату. Тому показалось, что его фигура вибрирует и разрастается. Он сощурил глаза. Мистер Гринлиф внушал ужас и желание напасть первым, прежде чем нападет он.

— А что, если нам попробовать бренди? — предложил мистер Гринлиф, открывая потайной бар в стене рядом с камином.

«Я как будто снимаюсь в кино», — подумал Том. Вот сейчас мистер Гринлиф или кто-либо другой крикнет: «Стоп, съемка закончена!» — и Том расслабится, очутившись снова «У Рауля», а перед ним будет рюмка джина с тоником. Впрочем, нет, он окажется в «Зеленой клетке».

— Или вы уже выпили свою норму? Не пейте, если не хочется.

Том неопределенно кивнул. Он вдруг припомнил случай, происшедший на прошлой неделе в аптеке. Хотя все уже позади, и сейчас ему в самом деле нечего бояться. Он и не боялся. Аптека находилась на Второй авеню. Он давал ее телефон, когда настаивали на том, чтобы позвонить ему и еще раз поговорить о своих налогах. Он говорил,

что это телефон отдела корректировки и застать его по этому телефону можно только по средам и пятницам с пятнадцати тридцати до шестнадцати часов. Эти полчаса Том околачивался в аптеке вблизи телефонной будки и ждал звонка. Во второй раз, когда он туда пришел, аптекарь стал посматривать на него подозрительно, и Том объяснил, что ждет звонка своей девушки. Итак, в прошлую пятницу он, сняв трубку, услышал мужской голос: «Ты знаешь, о чем речь, да или нет? Мы знаем, где ты живешь, можем прийти к тебе на квартиру… Если у тебя есть для нас товар, то и у нас для тебя кое-что найдется». Неизвестный мужчина говорил настойчиво, он чего-то недоговаривал, так что Том заподозрил ловушку и был не в силах ответить ни слова. А тот закончил: «Слышишь, мы придем прямо сейчас. К тебе домой».

Том на ватных ногах вышел из телефонной будки. Аптекарь в ужасе вытаращил на него глаза, и тут разговор стал вдруг понятен: аптекарь торговал наркотиками, а Тома принял за полицейского сыщика, напавшего на его след. Том рассмеялся. Аптеку он покинул с громким хохотом, но все же пошатывался, потому что ноги подкашивались от пережитого им самим страха.

— Размечтались о Европе? — услышал он голос мистера Гринлифа.

Том взял протянутую хозяином рюмку.

— Да.

— Что ж, надеюсь, вы не только сумеете воздействовать на Ричарда, но и получите удовольствие от путешествия. Кстати, вы очень понравились Эмили. Она мне так сказала. Даже не пришлось спрашивать. — Мистер Гринлиф вращал свою рюмку с бренди между ладонями. — Том, у моей жены лейкемия.

— Вот как! Это, кажется, очень серьезная болезнь?

— Да. Она не протянет и года.

— Мне грустно это слышать, — сказал Том.

Мистер Гринлиф вынул из кармана какую-то бумагу.

— Вот расписание теплоходов. Я думаю, вы быстрее всего доберетесь обычным путем через Шербур. Это и самая интересная дорога. В Шербуре пересядете на специальный поезд, который подают к этому теплоходу, на нем доедете до Парижа. Затем спальный вагон через Альпы, до Рима и Неаполя.

— Чудесно. — Затея начинала увлекать Тома.

— От Неаполя до городка, где живет Ричард,

придется добираться автобусом. Я ему напишу про вас. Разумеется, не о том, что вы едете как мой эмиссар, — добавил мистер Гринлиф, улыбаясь, — но сообщу, что мы с вами повстречались. Вероятно, Ричард приютит вас у себя, но, если по какой-либо причине не сможет, в городке есть гостиницы. Думаю, вы с Ричардом отлично поладите. Что касается денег, — мистер Гринлиф улыбнулся отеческой улыбкой, — кроме билетов туда и обратно, я предлагаю вам шестьсот долларов в дорожных чеках. Устраивает? Этих шести сотен вам хватит месяца на два, а если понадобятся еще — стоит только дать мне телеграмму. По-моему, вы не из тех молодых людей, кто швыряет деньги на ветер.

— Этих денег мне вполне достаточно, сэр. Под воздействием бренди мистер Гринлиф становился все более добродушным и веселым, а Том — все более молчаливым и угрюмым. Он жаждал выбраться из этой квартиры. Но жаждал также и поехать в Европу, и произвести хорошее впечатление на мистера Гринлифа. Эти минуты на диване были более мучительными, чем минуты в баре вчера вечером, когда ему было так скучно, потому что сегодня переключения скоростей не происходило. Несколько раз Том вставал с рюм-

кой в руках и прогуливался до камина и обратно, а взглянув в зеркало, заметил, что уголки его губ опустились. Мистер Гринлиф разглагольствовал о том, как они с Ричардом вдвоем были в Париже, когда Ричарду было десять лет. Ничего интересного в этом рассказе не было, и Том начал думать о своем. Случись в ближайшие десять дней какая-нибудь неприятность с полицией, мистер Гринлиф даст ему приют. Он наплетет, что ему срочно понадобилось сдать свою квартиру в поднаем или что-нибудь в этом роде, и здесь переждет опасность. Том чувствовал себя ужасно, его прямо-таки физически тошнило.

— Мистер Гринлиф, мне, пожалуй, пора идти.

— Уже? А я хотел показать вам… Ну да ладно. В другой раз.

Том знал, ему следовало бы спросить, что именно хотел показать хозяин, набраться терпения и посмотреть, чем бы это ни оказалось. Но сие было выше его сил.

— Я хочу пригласить вас на нашу верфь, — не сдавался мистер Гринлиф. — Когда вам удобно? Наверно, только во время ленча? Расскажете Ричарду, что теперь делается на верфи.

— Да… я могу прийти в свой перерыв на ленч.

— Позвоните, когда надумаете, Том. У вас есть

моя визитная карточка с номером прямого телефона. Если позвоните за полчаса, пришлю вам машину. Перекусим, а потом шофер отвезет вас обратно.

— Я вам позвоню, — пообещал Том.

Казалось, еще минута в полутемной прихожей — и он упадет в обморок, но мистер Гринлиф снова захихикал и спросил, читал ли он такую-то книгу Генри Джеймса.

— К сожалению, нет, сэр. Читал другие его книги, но не эту.

— Ладно, не имеет значения, — улыбнулся мистер Гринлиф.

Они пожали друг другу руки, и мистер Гринлиф долго не выпускал руку Тома. Но наконец-то все осталось позади. Однако лицо Тома сохраняло испуганное и страдальческое выражение, в чем он убедился, взглянув в зеркало лифта. Он стоял, забившись в угол кабины и прислонившись к стенке как бы в полном изнеможении, но знал, что стоит лифту остановиться в вестибюле, как он пулей вылетит из него и пробежит не останавливаясь всю дорогу до дома.

Глава 4

День проходил за днем, и Тома все сильнее охватывало странное ощущение. Будто Нью-Йорк то ли потерял реальность, то ли его реальность потеряла значение, и город всего лишь разыгрывал перед Томом спектакль, грандиозный спектакль, в котором участвовали и автобусы, и такси, и торопливые пешеходы на тротуарах, и телевизионные экраны во всех барах на Третьей авеню, и кинотеатры, сияющие огнями средь бела дня. Этот спектакль сопровождался звуковыми эффектами — автомобильными гудками и человеческими голосами, талдычащими нечто бессмысленное. Как будто после того, как теплоход Тома в субботу отчалит, весь город Нью-Йорк с легким шумом обрушится, подобно груде картонных декораций.

А может быть, Том просто боялся. Он ненавидел море. До сих пор еще никогда по нему не плавал, за исключением одного рейса из Нью-Йорка в Новый Орлеан и обратно. Но тогда он работал на грузовом судне, перевозившем бананы, и находился в основном внизу, под палубой, так

что почти не заметил, что плывет. В тех редких случаях, когда он поднимался на палубу, сначала пугался вида моря, а потом подступала тошнота, и он снова убегал вниз, где, в противоположность общепринятому мнению, становилось лучше. Родители Тома утонули в Бостонском заливе, и он всегда считал, что, возможно, именно с этим связана его водобоязнь, ибо, сколько себя помнил, всегда боялся воды и так и не научился плавать. При мысли о том, что менее чем через неделю под ним будет вода глубиною в несколько миль и придется почти все время смотреть на нее, поскольку пассажиры океанских лайнеров обычно почти все время проводят на палубе, у Тома начинало сосать под ложечкой, а ведь ничто так не вредило изысканности и элегантности, как морская болезнь. Том никогда в жизни не страдал ею, но в эти последние дни много раз бывал близок к ней от одной мысли о путешествии в Шербур.

Он предупредил Боба Деланси, что съезжает через неделю, но не сказал куда. Боба, впрочем, это и не интересовало. Живя в одной комнате на Пятьдесят первой улице, они почти не виделись. Том побывал в доме Марка Прайминджера — ключи у него остались, — чтобы забрать кое-какие забытые вещи. Пошел туда в такое время,

когда, по его расчетам, Марка не должно быть дома. Но тут как раз заявился Марк со своим новым сожителем по дому, Джоэлом, тощим пареньком, работавшим в каком-то издательстве. И ради этого Джоэла Марк разыграл спектакль, напустив на себя учтивый вид. Дескать, пожалуйста, пусть будет по-твоему, делай, что хочешь, хотя, не будь здесь Джоэла, он обругал бы Тома в выражениях, которых постеснялся бы и португальский матрос. Марк (кстати, его полное имя Марцеллус) — мужик с на редкость омерзительной харей и не подлежащими огласке доходами. У него было хобби выручать молодых парней, испытывающих временные финансовые затруднения, давая им приют в своем двухэтажном доме с тремя спальнями, и разыгрывать Господа Бога, указывая им, что можно и чего нельзя делать в его жилище, и давая им советы, как жить и работать, обычно дурные. Том прожил здесь три месяца. Почти половину этого срока Марк провел во Флориде, и весь дом находился в распоряжении Тома. Вернувшись, Марк поднял страшный скандал из-за нескольких разбитых стаканов и рюмок. Он снова разыграл Господа Бога, но на этот раз — строгого судию. Том тоже в виде исключения рассердился достаточно, чтобы защищаться и

возражать, после чего Марк вышвырнул его вон, предварительно взыскав шестьдесят три доллара за разбитую посуду. Мерзкий скупердяй! Ему бы родиться старой девой и служить директрисой в женской школе. Том проклинал день и час, когда судьба свела его с Марком. И чем скорее забудет его тупые свинячьи глазки, его безобразные руки в безвкусных перстнях (Марк беспрерывно размахивал ими, пытаясь командовать всеми и каждым), тем будет лучше.

Изо всех приятелей и приятельниц единственной, с кем Тому хотелось поговорить о своей поездке в Европу, была Клио, и в четверг, за два дня до отплытия, он отправился к ней. Клио Добелле, стройная темноволосая девушка (Том не знал, сколько ей лет, можно было дать от двадцати трех до тридцати), жила с родителями на Грэйси-сквер и занималась миниатюрной живописью, сверхминиатюрной в самом буквальном смысле. Она рисовала на маленьких, не больше почтовой марки, кусочках слоновой кости, и рассматривать ее произведения требовалось в лупу. Клио, когда рисовала, тоже пользовалась лупой. «Ты только подумай, как удобно: я могу унести все мои творения в портсигаре! — говорила она. — Другим художникам нужна масса места, чтобы

хранить свои полотна».

Клио жила в глубине родительских апартаментов, в собственной квартире с небольшой ванной и кухней, где всегда было полутемно, потому что окна выходили в садик за домом, а там росли китайские ясени, не пропускавшие света. Создавая ночную атмосферу в любое время суток, у Клио всегда, за исключением вечеринки, на которой они познакомились, горели неяркие лампы. Том находил Клио неизменно в облегающих вельветовых брюках разных цветов и шелковых рубашках в яркую полоску. Они с первой встречи почувствовали друг к другу симпатию, и Клио на следующий день пригласила Тома поужинать у нее. Клио всегда приглашала его к себе, и почему-то ни одному из них не пришло в голову, что он может пригласить ее в ресторан или театр и вообще выказать какую-нибудь любезность, обычную для молодых людей по отношению к девушкам. Клио не ожидала, что Том, придя к ней на коктейль или на ужин, подарит цветы, книгу или конфеты. Но если он иногда все же приносил какой-нибудь маленький подарочек, очень этому радовалась. Клио была единственным человеком, кому Том мог рассказать, что едет в Европу и зачем туда едет. И рассказал.

Как он и ожидал, Клио пришла в восторг. Она слушала, полуоткрыв яркие губы на продолговатом бледном лице, а потом хлопнула себя по обтянутым вельветом бедрам и воскликнула:

— Томми! Но это же великолепно! У меня просто нет слов! Совсем как у Шекспира или вообще в какой-нибудь книге!

Именно так он и сам думал. Именно это и хотел услышать от кого-либо другого.

Весь вечер Клио суетилась вокруг него, спрашивая, а запасся ли он тем-то и тем-то, например бумажными носовыми платками, и таблетками от простуды, и шерстяными носками, потому что в Европе осенью идут дожди, и сделал ли он прививки. Том сказал, что подготовился на все случаи жизни.

— Только не приходи провожать, Клио. Я не хочу, чтоб меня кто-либо провожал.

— Ну конечно нет! — согласилась Клио. Она отлично его поняла. — Ой, Томми, как интересно! Пиши мне все про Дикки. Я впервые вижу человека, который едет в Европу не просто так, а по делу.

Он рассказал о том, как побывал на верфи мистера Гринлифа, где на целые мили протянулись станки, на которых изготовляют блестящие

металлические детали, покрывают их лаком и полируют дерево. Рассказал о сухих доках, где стоят остовы лодок и яхт всех размеров. При этом он щеголял терминами, услышанными от мистера Гринлифа: комингсы, кальсонн, «острые скулы». Он описал второй ужин у мистера Гринлифа, во время которого тот подарил ему часы. Том показал их. Не то чтобы безумно дорогие, но все же отличные часы. И как раз в том стиле, какой предпочел бы Том, если бы покупал их сам: простой белый циферблат в строгой золотой оправе, с тонкими черными римскими цифрами. На ремешке из крокодиловой кожи.

— Стоило дня два назад случайно упомянуть, что у меня нет часов, и вот пожалуйста, — сказал Том. — Можно подумать, я-то и есть его родной сын.

Изо всех знакомых только ей он мог сказать это.

Клио вздохнула:

— Ну и везет же вам, мужчинам! С девушкой никогда не могло бы случиться ничего подобного. Мужчины так свободны.

Том улыбнулся. Ему-то часто казалось, что все обстоит как раз наоборот.

— Что-то горит, уж не бараньи ли отбивные?

Клио, взвизгнув, вскочила.

После ужина она показала пять или шесть своих новых работ: два романтических портрета юноши, их общего знакомого, в белой рубашке с расстегнутым воротом; три придуманных пейзажа, что-то вроде джунглей, хотя они были навеяны китайскими ясенями под окном. Особенно удались волоски, покрывающие тело маленьких обезьянок в джунглях. У Клио было много кисточек с одним-единственным волоском, да они еще и различались по толщине. Клио с Томом выпили около двух бутылок красного вина из бара ее родителей, и Тому так захотелось спать, что он готов был улечься прямо тут, на полу. Им и раньше случалось спать рядышком на двух больших медвежьих шкурах перед камином. Еще одна из удивительных особенностей Клио состояла в том, что она никогда не хотела и не ожидала, чтобы он к ней приставал, и он этого никогда не делал. И все же без четверти двенадцать Том заставил себя встать и распрощаться.

— Я больше не увижу тебя, ведь так? — грустно спросила Клио, уже в дверях.

— Ну что ты! Я же вернусь через полтора месяца, — ответил Том, хотя на самом деле совсем так не думал. Вдруг он наклонился и по-братски

крепко поцеловал ее в щеку цвета слоновой кости. — Я буду скучать по тебе, Клио.

Она стиснула его плечо — насколько Том мог припомнить, до этого Клио никогда не прикасалась к нему — и сказала:

— Я тоже буду скучать.

На следующий день Том выполнил поручение миссис Гринлиф, купив в магазине «Брукс бразерс» дюжину пар черных шерстяных носков и купальный халат. Миссис Гринлиф не сказала, какого цвета он должен быть, положившись на вкус Тома. Он выбрал халат из темно-бордовой фланели с темно-синими поясом и отворотами. С точки зрения Тома, он не был самым красивым в магазине, но интуиция подсказывала, что именно такой выбрал бы себе Ричард и он будет в восторге. Носки и халат Том записал на счет Гринлифов. Ему приглянулась спортивная рубашка из толстого льняного полотна с деревянными пуговицами. Ничего не стоило бы и ее записать на счет Гринлифов. Но он этого не сделал, купил за свои собственные.

Глава 5

Утро отплытия, которое Том предвкушал с таким радостным волнением, началось отвратительно. Стюард показал ему каюту, и Том облегченно вздохнул, подумав, что твердость, с какой он отклонил попытки Боба его проводить, принесла плоды. Однако стоило переступить порог, как его встревожил жуткий галдеж.

— Том, где шампанское? Мы ждем!

— В какую же конуру тебя загнали! Потребуй каюту поприличнее!

— Томми, возьми меня с собой! — Это предложила подружка Эда Мартина, которую Том на дух не переносил.

Они были здесь все, по большей части омерзительные приятели и приятельницы Боба. Развалились на койке Тома, расселись на полу. Каюта была битком набита. Боб докопался-таки, что Том сегодня отплывает в морское путешествие, но Тому и в голову не могло прийти, что приятель выкинет такую шутку. Том с трудом удержался, чтобы не процедить ледяным тоном: «Никакого шампанского вам не будет». Однако с

усилием поздоровался, изобразив улыбку, хотя на самом деле готов был расплакаться, как ребенок, и уставился на Боба испепеляющим взглядом. Но тот был уже хорош, неизвестно, когда успел набраться. Том подумал в свое оправдание, что вообще-то он вовсе не такой уж неженка и плакса, но не переносит подобных дурацких сюрпризов. И каким для него ударом было то, что эти отбросы общества, хамы, вульгарные тупицы, от которых он, как полагал, избавился навсегда, взойдя по трапу, осквернили отдельную каюту, где ему предстояло провести ближайшие пять дней!

Том подошел к Полу Хаббарду, единственному приличному человеку среди присутствующих, и сел рядом с ним на коротенький встроенный диванчик.

— Привет, Пол, — тихо сказал Том. — Извини за этот бардак.

— Да уж! — Пол саркастически улыбнулся. — Ты надолго?.. Что с тобой, Том? Тебе нехорошо?

Это было ужасно. Дурацкий галдеж и хихиканье не умолкали. Девчонки ощупывали постель, заглядывали в туалет. Хорошо хоть, что Гринлифы не пришли его провожать! Мистер Гринлиф уехал по делам в Новый Орлеан, а миссис Гринлиф, когда Том сегодня утром заехал к ней попрощаться,

сказала, что плохо себя чувствует и не в силах его проводить.

В конце концов Боб или кто-то другой вытащил бутылку виски, и они все стали пить из двух стаканов, взятых в ванной, а потом появился стюард с рюмками на подносе. Том пить отказался. Он обливался потом, пришлось даже снять куртку, чтобы не испачкать. Подошел Боб и силой втиснул рюмку ему в руку. Том увидел, что Боб не шутит, и понял почему: ведь он, Том, целый месяц пользовался его гостеприимством, так что пусть уж хоть сделает любезное лицо. Но сделать любезное лицо Тому было так же не под силу, как если бы его физиономия была высечена из гранита. А если они даже и возненавидят его после этого, ну так что? Невелика потеря!

— Я могу поместиться здесь, Томми, — хихикнула все та же девчонка, очевидно твердо решив поместиться где угодно, лишь бы уехать вместе с ним. Она втиснулась боком в узенькую нишу, размером примерно с чуланчик для веника.

— Вот будет потеха, когда у Тома в каюте застукают женщину! — рассмеялся Эд Мартин.

Том кинул на него свирепый взгляд.

— Давай выберемся отсюда, подышим воздухом, — тихо сказал он Полу.

Остальные так галдели, что никто не заметил их ухода. Они стояли у поручней на корме. День был пасмурный, и город справа от них уже сейчас был похож на ту окутанную серой дымкой дальнюю землю, на которую Том посмотрит с моря, когда — слава богу! — эти подонки уже не будут хозяйничать в его отдельной каюте.

— Где ты скрывался? — спросил Пол. — Мне позвонил Эд и сказал, что ты уезжаешь. Я-то сам не видел тебя много недель.

Пол был одним из тех, кому Том выдавал себя за внештатного корреспондента Ассошиэйтед Пресс. Том сочинил великолепную историю о командировке, в которую он ездил. Дал понять, что это был Средний Восток. Напустил на себя таинственный вид.

— К тому же в последнее время у меня было много ночной работы, — добавил Том. — Так что появляться на людях было некогда. Спасибо тебе, что пришел меня проводить.

— Сегодняшним утром у меня не было уроков. — Пол вынул изо рта трубку и улыбнулся. — Впрочем, я, наверное, все равно пришел бы. Придумал бы какую-нибудь отговорку.

Том тоже улыбнулся. Пол зарабатывал на жизнь преподаванием музыки в женской школе

в Нью-Йорке, но любимым его занятием в свободное время было самому сочинять музыку. Том уже не помнил, где и когда они познакомились, но не забыл, как однажды с целой компанией был в воскресенье на позднем завтраке у Пола в квартире на Риверсайд-Драйв и тот играл на рояле собственные сочинения, которые Тому очень понравились.

— Я с удовольствием угостил бы тебя. Пойдем поищем бар, — предложил Том.

Но в этот самый момент стюард ударил в колокол и закричал:

— Провожающих прошу сойти на берег! Провожающие, просьба сойти на берег!

— Это про меня, — сказал Пол.

Они пожали друг другу руки, похлопали по плечам, пообещали писать открытки. И Пол ушел.

«Боб и его компания останутся до последней минуты, — подумал Том, — как бы не пришлось выдворять их силой». Он вдруг повернулся и взбежал по узкому трапу. Наверху была еще одна палуба, огороженная цепью, на которой висела табличка «Только для пассажиров второго класса», но он смело перекинул ногу через цепь и ступил на палубу. «Запрещение вряд ли относится к пассажирам первого класса», — подумал он.

Еще раз увидеть Боба и его компанию казалось невыносимым. Он заплатил Бобу за две недели и на прощанье подарил хорошую рубашку и галстук. Чего же еще надо этому подонку?

Только когда судно пришло в движение, Том решил вернуться в свою каюту. Вошел в нее с опаской, но каюта была пуста. Опрятное голубое покрывало на постели без единой морщинки. Пепельницы чистые. Ни следа чьего-либо пребывания. Том расслабился и улыбнулся. Вот это сервис! Добрые старые традиции компании «Кьюнард», честь британского моряка и всякое такое! На полу рядом с кроватью стояла большая корзина. Том нетерпеливо схватил маленький белый конверт. Вынул карточку с посланием:

«Доброго пути и спасибо вам. Том. Желаем вам всего самого наилучшего.
Эмили и Герберт Гринлиф».

Корзина с длинной ручкой была покрыта желтым целлофаном, а под ним — яблоки, груши, виноград, две шоколадки и несколько маленьких бутылочек с ликером.

Том никогда в жизни не получал подарочных корзин. Он только видел их в витринах магазинов и смеялся над сумасшедшими ценами. И потому

почувствовал, как на глаза навертываются слезы. Он закрыл лицо руками и заплакал.

Глава 6

Во время плавания Том был спокоен и доброжелателен, но не общителен. Нужно было время, чтобы подумать, и не хотелось знакомиться ни с кем из других пассажиров, хотя, когда случайно встречался с соседями по столику в ресторане, он любезно здоровался и улыбался. На корабле он начал играть роль серьезного молодого человека, которому предстоит важная работа. Был вежлив, сдержан, воспитан и поглощен своими мыслями. По внезапной прихоти купил в галантерейном киоске голубовато-серую кепку из мягкой английской шерсти в консервативном вкусе. Когда дремал — или делал вид, что дремлет, — в шезлонге на палубе, опускал козырек так низко, что тот закрывал почти все лицо. Изо всех головных уборов кепка — самый универсальный, думал Том, удивляясь, почему раньше никогда не приходило в голову обзавестись ею. В кепке он мог выглядеть и как респектабельный провинциал, джентльмен из сельской местности, и как головорез-убийца, а также англичанином, французом, простоватым американским чудаком — в зави-

симости от того, как ее надевал. Том развлекался, примеряя все эти варианты перед зеркалом у себя в каюте. Он всегда считал свою физиономию самой банальной, совершенно незапоминающейся, с выражением послушания, непонятно кому или чему, а также подспудного страха. Это выражение Том тщетно пытался согнать. Лицо истого приспособленца. Кепка все это переменила. Теперь его вид вызывал в памяти сельскую Америку — Гринвич, Коннектикут, кантри. Теперь он был молодым человеком, живущим на доходы от землевладения, возможно, неподалеку от Принстона. Том купил еще и трубку, она подходила к кепке.

Он начал новую жизнь. Говорил «прости-прощай» всем этим второсортным людишкам, вокруг которых ошивался и которым позволил ошиваться вокруг себя в эти последние три года в Нью-Йорке. Наверное, так чувствуют себя эмигранты, плывущие в Америку, бросив все в какой-то чужой стране, покинув друзей и родных, оставив позади все свои прежние ошибки. Жизнь начинается с чистой страницы! Чем бы ни кончилась история с Дикки, он, Том, выполнит свой долг наилучшим образом и заслужит уважение мистера Гринлифа. Когда деньги ми-

стера Гринлифа кончатся, все равно не вернется в Америку. Найдет интересную работу, например в каком-нибудь отеле, где наверняка требуются толковые молодые люди с привлекательной внешностью и знанием английского языка. Или сумеет сделаться представителем какой-нибудь европейской фирмы и начнет разъезжать по всему миру. Или случайно встретится с кем-нибудь, кому нужен именно такой молодой человек, как он, умеющий водить машину, хорошо считать, развлекать старую бабушку. Он сможет сопровождать хозяйскую дочь на танцы. Его способности многообразны, а мир велик! Том поклялся себе, что, если уж найдет работу, будет упорен в продвижении к цели. Терпение и труд! Вперед и выше!

— У вас есть «Посол» Генри Джеймса? — спросил Том в библиотеке первого класса. Книги на полке не оказалось.

— К сожалению, нет, сэр, — сказал дежурный офицер.

Том был разочарован. Именно про эту книгу спрашивал мистер Гринлиф. Том счел своим долгом ее прочесть. Он пошел в библиотеку второго класса и нашел-таки книгу, но, когда ее стали записывать и он назвал номер каюты, служа-

щий извинился и сказал, что пассажиры первого класса не имеют права брать книги в библиотеке второго. Том с самого начала боялся, что так и будет. Он послушно поставил книгу на место, а ведь мог с легкостью, ну просто с невероятной легкостью подойти близко к полке и незаметно сунуть книгу под куртку.

По утрам он прогуливался по палубе, несколько раз обходил судно кругом, да так медленно, что другие пассажиры, пыхтя совершавшие свой утренний моцион, пока он успевал обернуться один раз, обгоняли его дважды или трижды. После прогулки усаживался в шезлонг на палубе, выпивал бульон и погружался в мысли о собственной судьбе. После ленча блаженствовал в своей каюте, наслаждаясь уединением, комфортом и ничегонеделанием. Иногда сидел в почтовом салоне и на фирменной почтовой бумаге с грифом теплохода писал письма Марку Праймипджеру, Клио, Гринлифам. Письмо Гринлифам начиналось с учтивого приветствия и выражения благодарности за корзину с фруктами и комфортабельные условия путешествия. Он развлекался тем, что добавлял датированный более поздним числом и основанный на чистейшей фантазии абзац о том, как он разыскал Дикки и

живет вместе с ним в его доме в Монджибелло, как медленно, но неуклонно и успешно продвигается к цели, убеждая Дикки вернуться домой, как они плавают, удят рыбу, посещают кафе. Том увлекался, исписывал страницу за страницей. Зная, что это письмо все равно не отправит, писал о том, что Мардж не интересует Дикки как женщина (далее следовала подробная характеристика Мардж), так что, вопреки предположениям мистера Гринлифа, Дикки остается в Европе не из-за нее, и так далее и так далее. Он фантазировал до тех пор, пока весь стол не покрылся исписанными листками и не прозвучал первый звонок, приглашающий на обед.

В другой раз он написал вежливое послание тете Дотти.

«Дорогая тетушка!

(Он очень редко называл ее так в письмах и никогда — при личном общении.)

Как ты видишь по грифу на почтовой бумаге, я нахожусь сейчас в открытом море. Я получил неожиданное деловое предложение, о котором пока не могу рассказать. Мне пришлось отбыть внезапно, так что я не имел возможности заехать к

тебе в Бостон, о чем очень сожалею, ведь отсутствовать я буду много месяцев, а может быть, и лет.

Пишу, чтобы ты не беспокоилась, а также чтобы не посылала мне больше чеков, за которые я тебе очень благодарен. Большое спасибо за последний, который я получил примерно с месяц назад. Думаю, что с тех пор ты мне уже ничего не посылала. Я чувствую себя хорошо и очень счастлив.

Любящий тебя Том».

Желать здоровья ей излишне, и без того здорова как бык. Том добавил:

«P.S. Я сам еще не знаю, какой у меня будет адрес, поэтому не даю его тебе».

От этих слов сразу поднялось настроение: они решительно отрезали его от тетки. Теперь уже не нужно сообщать ей, где он живет. Конец его фальшивым выражениям любви, хитрым сравнениям между ним и его отцом, пустячным чекам на странные суммы в шесть долларов и сорок восемь центов или двенадцать долларов девяносто пять центов, как будто у нее осталось

немного денег после оплаты последнего счета или похода по магазинам и она швырнула ему их, точно объедки. Как подумаешь, сколько могла бы присылать тетя Дотти, при ее-то доходах, эти чеки кажутся просто оскорблением. Тетя Дотти утверждала, будто его воспитание ей стоило больше денег, чем принесла страховка за жизнь его отца. Возможно, так оно и было, но зачем все время этим попрекать? Да и кто попрекает ребенка такими вещами? Множество тетушек и даже вообще посторонних растят ребят задаром и еще получают от этого удовольствие.

Написав тете Дотти, Том вышел на палубу и для разрядки стал мерить ее большими шагами. Когда писал тетке, его всегда охватывала ярость. Необходимость быть с ней любезным вызывала в нем негодование и обиду. Но до сих пор он всегда старался, чтобы она знала его адрес, потому что нуждался в ее пустячных чеках. Пришлось написать ей два десятка писем, сообщая свои новые адреса. Но теперь ее деньги не нужны. Он отныне от нее не зависит и не будет зависеть никогда.

Внезапно вспомнился один летний день. Ему было лет двенадцать, они ездили по стране с тетей Дотти и ее подругой, и где-то их машина попала в пробку. День был жаркий, и тетя

Дотти послала его на бензоколонку набрать в термос воды со льдом. Но тут вдруг пробка стала рассасываться. Он помнил, как бежал бегом, окруженный огромными, медленно ползущими автомобилями. Дверца тетиной машины была все время почти рядом, но дотянуться до нее он никак не мог, потому что тетка не желала хоть немного замедлить ход, подождать хоть минуту и все время вопила из окна: «Ну давай же, что ты ползешь, как улитка!» Когда он наконец догнал машину и забрался в нее, заливаясь слезами бессильной ярости, она весело сказала, обращаясь к подруге: «Маменькин сынок! Маменькин сынок до мозга костей. В точности как его папаша». При подобном обращении удивительно, что он вырос хоть таким, какой есть, могло быть и похуже. Интересно, почему тетя Дотти считала его отца маменькиным сынком? Могла ли она привести хоть одно доказательство? Такого никогда не было.

Лежа в шезлонге на палубе, черпая моральную силу в роскоши окружающей обстановки, а физическую — в изобилии вкусно приготовленной пищи, Том пытался объективно оценить свою прошлую жизнь. Нельзя отрицать, что последние четыре года он по большей части растратил

впустую. Ряд случайных работ, долгие перерывы между ними, когда работы вовсе не было, и полное отсутствие денег так пугали и так расшатывали его моральные устои, что он связывался с жалкими и глупыми людьми, лишь бы не чувствовать себя одиноким и еще потому, что они могли хоть ненадолго чем-то его выручить, как, например, Марк Прайминджер. Гордиться было нечем, а ведь он приехал в Нью-Йорк с надеждой на большое будущее. Хотел стать актером, он в свои двадцать лет совершенно не представлял себе, как это трудно. У него не было подготовки, да и таланта тоже. Он-то думал, что талант есть, стоит лишь показать какому-либо продюсеру самим придуманные представления — пародии, своеобразный «театр одного актера», например, как миссис Рузвельт делает запись в своем дневнике после посещения клиники для незамужних матерей, и дело в шляпе. Но первые же три провала убили всякое мужество и надежду. Денег на черный день припасено не было, и он нанялся на пароход, возивший бананы, что по крайней мере дало возможность на время уехать из Нью-Йорка. А то он опасался, что тетя Дотти обратится в полицию с просьбой разыскать его в Нью-Йорке, хотя он в Бостоне ничего не натворил, просто сбежал,

чтобы пойти в жизнь своим путем, как сделали до него миллионы молодых людей.

Его главной ошибкой, думал он, было то, что у него слишком легко опускались руки. Вот как, например, когда он работал в бухгалтерии магазина. Из этого могло бы что-то выйти, кабы не обескураживала медленность продвижения по служебной лестнице. В какой-то мере за недостаток упорства в достижении цели он винил тетю Дотти, которая никогда не верила в него, чем бы он ни занимался. Взять хоть бы сортировку газет, которой он подрабатывал в тринадцать лет. Он тогда получил от газеты медаль «За обходительность, добросовестный труд и надежность». Вспоминать себя тогдашнего было все равно что смотреть на другого, совсем постороннего мальчишку: тощего бедолагу с вечным насморком, который, однако же, сумел завоевать медаль «За обходительность, добросовестный труд и надежность». Когда у него случался насморк, тетя Дотти особенно сильно его ненавидела. Вытирала ему нос так свирепо, что чуть не отрывала напрочь.

Вспоминая об этом, Том корчился в своем шезлонге, но корчился изящно, поправляя при этом складку на брюках.

Он вспомнил, как еще в восемь лет дал себе обет

обязательно убежать от тети Дотти. Вспоминал дикие сцены, которые рисовал в своем воображении: как тетя Дотти пытается удержать его в доме, а он бьет ее кулаками, швыряет на землю, душит и, наконец, срывает с платья большую брошку и много раз вонзает ей в горло. В семнадцать лет он сделал попытку убежать, но его вернули. В двадцать повторил попытку, на этот раз успешно. С удивлением и жалостью Том вспоминал, каким он был тогда наивным, как мало знал о жизни и ее законах, словно так много времени потратил на ненависть к тете Дотти и тайные планы побега от нее, что времени учиться и становиться взрослым у него уже не оставалось. Как было обидно, когда в первый месяц пребывания в Нью-Йорке его выгнали с работы в продуктовом магазине! Он не продержался там и двух недель, потому что не хватало сил таскать корзины с апельсинами восемь часов кряду. Старался как мог и выкладывался до конца, чтобы только удержаться на этой работе, но его все-таки выставили, что он воспринял как вопиющую несправедливость. Тогда Том сказал себе, что в этом мире правят жестокие негодяи и, чтобы не умереть с голоду, надо стать скотом, таким же грубым, как те гориллы, с которыми работал грузчиком в магазине. Сразу

же после увольнения он украл в отделе товаров по сниженным ценам булку и, придя домой, с жадностью поглотил ее, чувствуя, что мир задолжал ему эту булку, да и не ее одну.

— Мистер Рипли? — Над ним наклонилась англичанка, которая на днях оказалась рядом на диване в гостиной во время чая. — Мы хотели спросить вас, не хотите ли составить партию в бридж? Собираемся в игровом салоне через пятнадцать минут.

Том учтиво приподнялся на шезлонге:

— Большое спасибо, но мне хочется побыть на воздухе. Кроме того, я не силен в бридже.

— И мы тоже не сильны. Ну ладно, в другой раз. — Она улыбнулась и отошла.

Том снова откинулся на спинку шезлонга, натянул кепку на глаза и сложил руки на животе. Он знал, что, сторонясь других пассажиров, вызывает пересуды. Еще бы, он ведь ни разу не пригласил танцевать какую-нибудь дуреху из тех, что поглядывали на него с надеждой и хихикали во время вечерних танцев. Немудрено представить себе, как они про него судачат. Неужто он и вправду американец? Да, вроде бы так, но ведет себя не по-американски, верно? Обычно американцы такие шумные. Этот же просто до ужаса серьез-

ный, а ведь ему не дашь больше двадцати трех. Не иначе как обдумывает что-то очень важное.

Так оно и было. Он обдумывал настоящее и будущее Тома Рипли.

Глава 7

Он увидел Париж лишь мельком из окна железнодорожного вокзала: освещенный фасад кафе, идеального парижского кафе с полосатым тентом, столиками на тротуаре, кабинами, разделенными живой изгородью. Все в точности так, как на картинке рекламного плаката туристического агентства. А в остальном только длинные перроны, по которым он шел за кряжистыми малорослыми носильщиками, несшими его вещи, и в конце перронов спальный вагон до самого Рима. Париж посмотрит в другой раз. Сейчас он рвался в Монджибелло.

На следующее утро Том проснулся уже в Италии. И тут с ним случилось весьма приятное происшествие. Он сидел и смотрел на пейзаж за окном, а в коридоре за дверью его купе разговаривали какие-то итальянцы, и Том вроде бы распознал слово «Пиза». Поезд проезжал по какому-то городу, но большая его часть находилась по другую сторону. Том вышел в коридор, чтобы получше разглядеть город, и машинально пытался отыскать глазами падающую башню, хотя не был

уверен, что этот город действительно Пиза и что башня будет видна от железнодорожной линии. И все же он в самом деле ее увидел: толстая белая колонна торчала среди низких известняковых домиков, и она падала! Наклонилась под таким углом, что он глазам своим не поверил! Том, признаться, подозревал, что угол падения Пизанской башни сильно преувеличивают. И тут же подумал: это доброе предзнаменование, знак того, что Италия и в остальном не обманет его ожиданий, и в этой истории с Дикки все будет хорошо.

В тот же день к вечеру он прибыл в Неаполь, а ближайший автобус в Монджибелло отходил только завтра в одиннадцать утра. Паренек лет шестнадцати в грязных рубашке и штанах, в солдатских ботинках, увидев на вокзале, как Том меняет доллары, прицепился к нему, обещая невесть что — то ли девочек, то ли наркотики, — несмотря на протесты Тома, влез к нему в такси и сказал водителю, куда ехать, а потом продолжал нести свою тарабарщину, выставив вверх большой палец в знак того, что собирается устроить Тома наилучшим образом. Том сдался и сердито забился в угол, скрестив руки. Наконец такси остановилось перед большой гостиницей с видом на залив. Такой великолепный отель

нагнал бы на Тома страху, если б оплатить счет должен был он сам, а не мистер Гринлиф.

— Санта Лючия! — с торжеством в голосе сказал мальчишка, указывая в сторону моря.

Том кивнул. В конце концов, мальчишка, по-видимому, желал ему добра. Том расплатился с водителем, а мальчишке дал сто лир, что, по его расчетам, равнялось шестнадцати с чем-то центам и было, если верить статье об Италии, которую Том прочитал на корабле, приличными для этой страны чаевыми. Однако мальчишка выглядел оскорбленным. Том дал еще сто лир и, хотя вид у мальчишки не изменился, помахал ему рукой и вошел в гостиницу вслед за двумя портье, которые подхватили его вещи.

В этот вечер Том пообедал в прибрежном ресторане под названием «У тетушки», рекомендованном администратором гостиницы, говорившим по-английски. Он с большим трудом сделал заказ, и в результате на первое принесли маленьких осьминогов такого глубокого фиолетового цвета, будто их варили в чернилах, которыми было написано меню. Том попробовал кончик одного щупальца. Он оказался омерзительным, похожим на хрящ. Второе блюдо тоже оказалось ошибкой — тарелка с жареной рыбой разных

видов. В качестве третьего блюда, заказанного Томом на десерт, принесли пару маленьких красноватых рыбок. Неаполь есть Неаполь! Бог с ней, с едой. Выпитое вино настроило Тома на снисходительный лад. Далеко вверху, слева от него, над зазубренным бугром Везувия плавала луна. Том глядел на вулкан равнодушно, будто видел уже тысячи раз. В том месте полоса берега делала поворот, и там, позади Везувия, находился городок, где жил Ричард.

На следующее утро, в одиннадцать, он сел в автобус. Дорога шла вдоль берега через маленькие городки, где автобус делал короткие остановки. Торре-дель-Греко, Торре-Аннунчата, Кастелламаре, Сорренто… Том жадно вслушивался в названия, которые объявлял водитель. После Сорренто дорога сузилась почти до тропы, прорезанной в скалистом склоне, который Том видел на фотографиях у Гринлифов. Кое-где внизу, у самой воды, мелькали деревушки: дома, похожие на белые хлебные крошки, и крапинки — головы купальщиков. Том увидел большой валун посреди дороги, очевидно скатившийся обломок скалы. Водитель лихо обогнул его.

— Монджибелло!

Том вскочил и сорвал с полки чемодан. Второй

чемодан ехал на крыше, его снял помощник водителя. Автобус продолжил путь, а Том со своими чемоданами остался один на обочине. Над ним карабкались по склону горы дома, и под ним тоже были дома, их черепичные крыши вырисовывались на фоне синего моря. Не упуская из виду чемоданы, Том зашел в домик через дорогу с вывеской «Почта» и спросил у служащего в окошечке, где тут дом Ричарда Гринлифа. Не подумав, заговорил по-английски, по служащий, вероятно, понял его, потому что поднялся, стоя в дверях, показал Тому в сторону, откуда он приехал на автобусе, и сказал по-итальянски, очевидно считая это достаточным объяснением:

— Sempre seeneestra, seeneestra![1]

Том поблагодарил и попросил разрешения оставить на время в почтовой конторе свои чемоданы; служащий, казалось, и это понял, помог Тому их занести.

Ему пришлось еще двоих спросить о доме Ричарда Гринлифа. Казалось, весь город знал его, ибо третий из встреченных смог даже показать этот дом — большой, двухэтажный, с железными воротами, выходящими на дорогу, и террасой,

---

[1] Примечания: 1

Все время нале-е-во, нале-е-во! (ит.)

нависшей над крутым обрывом. Том позвонил в колокольчик рядом с воротами. Из дома, вытирая руки о передник, вышла итальянка.

— Мистер Гринлиф? — с надеждой в голосе спросил Том.

Женщина, улыбаясь, долго говорила что-то по-итальянски, показывая вниз, в сторону моря. Тому послышалось, что она все время повторяет слово «еврей».

Том кивнул:

— Спасибо.

Идти как есть или переодеться в пляжный костюм, чтобы встреча выглядела случайной? Или подождать, пока наступит время чая или коктейля? Или попытаться предварительно позвонить Дикки по телефону? Том не привез пляжного костюма, а здесь без него не обойтись. Он зашел в одну из лавчонок поблизости от почты, где в крошечной витрине были выставлены рубашки и трусы. Перемерив несколько пар трусов, которые ему не подошли или, во всяком случае, сидели недостаточно хорошо, чтобы можно было показаться на пляже. Том купил черно-желтые плавки едва ли шире той ленты, что остается на исполнительнице стриптиза в конце представления. Свернув свою одежду в аккуратный узелок,

упакованный в плащ, Том вышел на улицу босиком. Но сейчас же спешно вернулся обратно. Булыжник обжигал, как раскаленные угли.

— Ботинки? Сандалии? — спросил он хозяина.

В этой лавке обувью не торговали.

Том снова надел ботинки и, перейдя дорогу, направился на почту, чтобы оставить там узелок с одеждой вместе с чемоданами. Но почта оказалась закрытой. Вообще-то он слышал, что в некоторых европейских странах учреждения закрываются на перерыв с полудня до четырех часов. Он повернулся и пошел по мощенной булыжником улочке, которая, как он предположил, вела к морю. Спустился по десятку крутых каменных ступеней, пошел по другой покатой, мощенной булыжником улочке, мимо магазинчиков и домов, и снова по ступенькам. Наконец оказался на ровной поверхности широкой набережной, слегка возвышающейся над пляжем. На ней ютились несколько кафе и ресторан со столиками на открытом воздухе. Загорелые итальянские подростки, сидевшие на деревянных скамейках на краю набережной, неторопливо оглядели его с ног до головы. Ему стало стыдно за массивные коричневые ботинки и свое бледное, как у мертвеца, тело. За все лето он ни разу не

искупался. Он терпеть этого не мог. Дощатая дорожка вела от набережной к середине пляжа, наверняка раскаленного, словно адская сковорода. Недаром же все лежали на полотенцах или на чем-нибудь еще. Но Том все-таки снял ботинки и немного постоял на горячих досках, спокойно разглядывая ближайшие группки людей. В них никто не был похож на Дикки, а тех, кто находился далеко, Том не мог разглядеть, потому что от жары воздух мерцал и переливался. Том ступил одной ногой на песок и тут же отдернул ее. Потом набрал воздуху в легкие, стремительно добежал до конца дорожки, рванул через песок и блаженно погрузил ноги в прохладное мелководье у кромки моря. Теперь он мог идти.

Того, кого искал, Том увидел издалека и сразу же узнал, хотя Дикки загорел до шоколадного цвета, а его вьющиеся волосы были светлее, чем запомнилось Тому. С ним была Мардж.

— Дикки Гринлиф? — улыбаясь, спросил Том.

Дикки поднял глаза:

— Да?

— Я — Том Рипли. Мы познакомились в Штатах несколько лет назад. Вспоминаешь?

Дикки, казалось, был озадачен.

— Твой отец вроде бы говорил, что напишет

обо мне.

— А, ну да! — сказал Дикки, коснувшись пальцем виска: дескать, ну и дурак же он, что позабыл. Он встал. — Том… как, ты говоришь, твоя фамилия?

— Рипли.

— Это Мардж Шервуд, — сказал Дикки. — Познакомься, Мардж, это Том Рипли.

— Привет, — сказал Том.

— Привет.

— Надолго сюда? — спросил Дикки.

— Еще не знаю. Только что приехал. Надо будет разобраться, что это за городок.

Дикки между тем старался разобраться, что представляет собой Том, и, кажется, в восторг не пришел. Он стоял скрестив руки и погрузив худые шоколадные ноги в горячий песок. Похоже, обжигающего жара они не чувствовали. А Том снова сунул ноги в ботинки.

— Собираетесь купить дом?

— Не знаю, — сказал Том с сомнением, словно уже подумывал об этом.

— Сейчас самое время купить, если собираетесь провести здесь зиму, — сказала девушка. — Те, кто приезжал на лето, почти все уже разъехались. Нам было бы веселее, если б зимой здесь жил еще

один американец.

Дикки промолчал. Он снова сел на большое полотенце рядом с девушкой и явно ждал, чтобы Том попрощался и ушел. Том стоял перед ним, чувствуя себя таким же бледнокожим и голым, как в миг рождения. Он терпеть не мог плавки вообще. А эти к тому же почти ничего не закрывали. Том не без труда выудил из своей куртки, завернутой в плащ, пачку сигарет и предложил Дикки и девушке закурить. Дикки взял сигарету, и Том дал прикурить от своей зажигалки.

— Ты, кажется, не помнишь меня по Нью-Йорку, — сказал Том.

— Честно говоря, нет, — ответил Дикки. — Где мы с тобой познакомились?

— По-моему… если не ошибаюсь, у Бадди Лапкено.

Они познакомились в другом месте, но Дикки был знаком с Бадди Ланкено, вполне респектабельным молодым человеком.

— Вот как? — сказал Дикки неуверенно. — Извини. Насчет того, что в те времена было в Америке, у меня просто провал в памяти.

— Глубокий провал, — подхватила Мардж. — И чем дальше, тем глубже. Когда вы приехали, Том?

— Час назад. Оставил чемоданы на почте, — рассмеялся Том.

— Может, присядете? У нас есть еще одно полотенце. — Она расстелила рядом с собой на песке белое полотенце поменьше.

Том с благодарностью принял приглашение.

— Пойду окунусь, а то очень жарко, — сказал Дикки, вставая.

— И я, — сказала Мардж. — Пошли в воду, Том?

Том пошел вместе с ними. Дикки и девушка, очевидно, были превосходными пловцами и заплыли очень далеко, Том же побултыхался возле берега и вышел из воды гораздо раньше. Когда пловцы вернулись с полотенцем, Дикки сказал, очевидно по настоянию девушки:

— Мы уходим. Не хочешь ли подняться в дом и составить нам компанию за ленчем?

— Что ж, пожалуй. Большое спасибо. — Том помог им собрать полотенца, солнечные очки, итальянские газеты.

Том думал, они никогда не доберутся до цели. Дикки и Мардж шли впереди, медленно и неуклонно поднимаясь по бесконечным каменным лесенкам, шагая через две ступеньки. Том обессилел от солнца. Ноги дрожали даже на ровных площадках. Плечи уже порозовели, и он

надел рубашку, чтобы прикрыться, но голову солнце жгло сквозь волосы, проникая прямо в мозг, вызывая дурноту и головокружение.

— Что, досталось вам? — спросила Мардж. Она ни чуточки не запыхалась. — Ничего, привыкнете, если решите остаться здесь. Посмотрели бы, что делалось в июле, в самую жару.

Том так задохнулся, что не смог ответить.

Через четверть часа он почувствовал себя лучше. Успел принять прохладный душ и сидел в удобном плетеном кресле с бокалом мартини в руке. По совету Мардж опять надел плавки, а сверху рубашку. Пока он принимал душ, стол на террасе был накрыт на три персоны, и теперь из кухни доносился голос Мардж, которая по-итальянски говорила с прислугой. Тому было интересно, живет ли Мардж здесь. Места в доме наверняка хватало. Насколько Том успел заметить, мебели было не много, в стиле обстановки мило смешивались итальянская старина и американская богема. В холле Том заметил два наброска Пикассо — подлинники.

Мардж вышла на террасу со своим бокалом мартини.

— А вот там мой дом. — Она указала рукой. — Видите? Белый, квадратный, крыша более

темного красного цвета, чем у соседних.

Различить дом среди других было невозможно, но Том притворился, что видит.

— Вы давно здесь?

— Год. Я провела тут всю прошлую зиму, и что это была за зима! Целых три месяца дождь лил каждый день, за редким исключением.

— Да что вы!

Мардж потягивала мартини и с довольным видом озирала городок. Она тоже снова надела купальный костюм цвета томата, а сверху — полосатую рубашку. Мардж выглядела совсем недурно, даже фигура неплохая — на любителя полноватых. Том таких не любил.

— Насколько я понял, у Дикки есть яхта, — сказал Том.

— Ну да, «Мышка». Это уменьшительное от «Летучей мыши». Хотите, покажу?

Она снова указала рукой на нечто неразличимое внизу у маленького причала, видного с террасы. Отсюда все яхты казались совершенно одинаковыми, но Мардж сказала, что у Дикки яхта двухмачтовая и больше почти всех других.

Появился Дикки и налил себе коктейль из кувшина на столе. Он был в плохо отглаженных белых брюках и терракотовой рубашке под цвет

его загара.

— Извини, что безо льда. У меня нет холодильника.

Том улыбнулся:

— Я привез тебе купальный халат. Твоя мать сказала, что ты просил халат. И несколько пар носков.

— Ты знаком с моей матерью?

— Незадолго до отъезда я случайно встретил твоего отца и он пригласил меня на ужин.

— Ах вот что! Ну и как ты нашел маму?

— В тот вечер она была очень оживленной, все хлопотала. Такое впечатление, что она быстро устает.

Дикки кивнул:

— На днях я получил письмо. Она пишет, что ей вроде бы получше. По крайней мере, какого-то заметного ухудшения сейчас нет. Это правда?

— По-моему, да. Мне кажется, месяц назад твой отец беспокоился больше. — После минутного колебания Том добавил: — А еще он немного обеспокоен тем, что ты не едешь домой.

— Герберт всегда найдет повод для беспокойства, — сказал Дикки.

Мардж и прислуга принесли из кухни дымящееся блюдо спагетти, большую миску салата и

хлеб на тарелке. Дикки и Мардж стали обсуждать реконструкцию одного из ресторанов на берегу. Хозяин расширял террасу, чтобы посетителям было где танцевать. Мардж и Дикки входили в мельчайшие подробности, обсасывали эту тему, как обыватели маленького городка, которым интересны даже самые незначительные перемены, происходящие по соседству. В этой беседе Том участвовать не мог.

Он коротал время, разглядывая перстни на руках Дикки. Оба ему поправились: большой прямоугольный зеленый камень в золотой оправе на среднем пальце правой руки и кольцо с печаткой на мизинце левой, крупнее и более затейливо украшенное, чем кольцо мистера Гринлифа. Руки у Дикки были длинные, костистые, пожалуй, похожие на руки Тома.

— Кстати, твой отец перед моим отъездом показывал мне вашу верфь. Он сказал, что внес много новшеств с тех пор, как ты ее видел в последний раз. Верфь произвела на меня большое впечатление.

— Наверное, он еще и предлагал тебе работу. Папаша в вечном поиске многообещающих молодых людей. — Дикки поворачивал в руках вилку, накручивая на нее спагетти, а потом отправил

всю массу в рот.

— Нет, не предлагал. — Беседа шла хуже некуда. Может быть, мистер Гринлиф, не скрывая, написал Дикки, что Том специально приедет поучить его жить, надоумить вернуться домой? Или Дикки просто не в духе? Он определенно изменился с тех пор, как Том виделся с ним в последний раз.

Дикки принес начищенную машину — кофеварку-эспрессо чуть ли не в метр высотой — и включил ее в розетку на террасе. Незамедлительно появились четыре чашечки кофе, одну из них Мардж отнесла на кухню прислуге.

— В какой гостинице вы остановились? — спросила Мардж Тома.

Том улыбнулся:

— Пока ни в какой. Что вы посоветуете?

— Лучшая гостиница — «Мирамаре». А через дорогу — «У Джордже». В городке только и есть эти две гостиницы, но у Джорджо…

— Говорят, у Джордже в кроватях водятся блохи, — перебил Дикки.

— У Джорджо дешевле, — серьезно сказала Мардж, — но сервис там…

— Отсутствует, — докончил за нее Дикки.

— Ты сегодня не с той ноги встал, верно? — сказала Мардж и бросила в Дикки крошкой сыра.

— В таком случае попытаю счастья в «Мирамаре», — сказал Том, вставая. — Мне пора.

Его не удерживали. Дикки проводил Тома до ворот. Мардж осталась. Том размышлял, состоят ли Дикки и Мардж в любовной связи, одной из тех давних связей, faute de mieux[2], которые не всегда заметны постороннему взгляду, потому что ни он, ни она особой страстью не пылают. Нет, скорее Мардж влюблена в Дикки, а он выказывает такое же безразличие, как если бы вместо нее рядом сидела его пятидесятилетняя прислуга-итальянка.

— Я бы с удовольствием посмотрел как-нибудь твои картины, — сказал Том.

— Хорошо. Думаю, встретимся где-нибудь. — Похоже, он прибавил последние слова, вспомнив о халате и носках.

— Спасибо за ленч. Пока, Дикки.

— Пока.

Лязгнули железные ворота.

---

[2] Примечания: 2
За неимением лучшего (фр.)

Глава 8

Том снял номер в «Мирамаре». Когда принес вещи с почты, было четыре часа, и у него едва хватило сил вынуть и повесить на вешалку свой лучший костюм. Потом повалился на кровать. Голоса итальянских мальчишек, болтавших под окном, доносились так же отчетливо, как если бы они находились рядом с ним в комнате. От нахального гогочущего смеха, которым то и дело разражался один из них, взрывая скороговорку слов, Тома передергивало и корежило. Ему представлялось, что они обсуждают его вылазку к синьору Гринлифу и строят всякие нелестные предположения насчет того, что будет дальше.

Что он здесь делает? Без друзей, не зная языка… А вдруг заболеет? Кто будет за ним ухаживать?

Том встал, почувствовав, что его сейчас вырвет, но не слишком торопился. До туалета добраться все равно успеет. В туалете извергнул свой ленч, а также, как ему показалось, и съеденную в Неаполе рыбу. Затем снова улегся в постель и мгновенно заснул.

Когда проснулся, слабый и разбитый, его но-

венькие часы показывали половину шестого. Он подошел к окну и выглянул, машинально отыскивая среди белых и розовых домиков, которыми был испещрен горный склон перед его глазами, большой дом Дикки с нависшей над обрывом террасой. Он разглядел массивную красноватую балюстраду, которой была обнесена терраса. Там ли еще Мардж? Обсуждают ли они его, Тома? До него донесся смех, перекрывший не слишком сильный уличный шум, смех оживленный, звонкий и до того американский, что прозвучал, словно фраза на родном языке. На мгновение мелькнули Дикки и Мардж, они пересекли пространство между домами у дороги и завернули за угол. Том подошел к окну в другой стене, откуда надеялся разглядеть их получше. Вдоль гостиничной стены, прямо под его окном, шла узкая улочка, и Дикки с Мардж появились на ней. Он в своих белых брюках и кирпичной рубашке, она в юбке с блузкой. Значит, заходила к себе домой. А может быть, держит часть своей одежды в доме у Дикки. Они дошли до маленького деревянного причала. Дикки поговорил с каким-то итальянцем, дал ему денег, после чего итальянец, приложив палец к фуражке, отвязал яхту от причала. За их спиной, слева, оранжевое солнце

погружалось в море. Том слышал, как смеется Мардж, как Дикки что-то крикнул по-итальянски кому-то на причале.

Том понял, что таково их обычное времяпрепровождение, самый обычный день, похожий на все другие. Вероятно, сиеста после позднего ленча, потом, на закате, морская прогулка на яхте Дикки. Потом аперитивы в каком-нибудь кафе на берегу. Они с удовольствием проводили время по заведенному порядку, как будто его, Тома, вовсе и не существовало. С чего бы вдруг Дикки захотелось возвращаться обратно в мир подземок и такси, крахмальных воротничков и работы с девяти до пяти? Пусть даже у него будет там машина с шофером и возможность провести отпуск во Флориде или Мэне. Разве это идет хоть в какое-то сравнение с возможностью ходить под парусом на яхте в поношенных рубашке и брюках и ни перед кем не отчитываться в том, как ты проводишь время, и жить в собственном доме, где добродушная служанка заботится обо всем необходимом. И вдобавок иметь достаточно денег, чтобы съездить куда угодно, если захочется. Дикки — баловень судьбы, а он, Том, несчастный горемыка. Небось сам же отец и написал Дикки про Тома как раз то, чего не следовало. Лучше б

Том просто встретился с Дикки где-нибудь в кафе на берегу и завязал якобы случайное знакомство. Тогда ему, может быть, и удалось бы рано или поздно убедить Дикки вернуться домой. Но так, как оно получилось, ничего у него не выйдет. Надо же было именно сегодня оказаться таким болваном и занудой! Когда Том подходил к чему-нибудь слишком серьезно, он всегда терпел неудачу. Он заметил это еще много лет назад.

Теперь надо выждать несколько дней. Но так или иначе, для начала необходимо понравиться Дикки. Во что бы то ни стало.

Глава 9

Том переждал три дня. На четвертое утро, ближе к полудню, он пошел на пляж и нашел Дикки в одиночестве на том же месте, где и в первый раз, — у серых скал, глубоко заходивших на пляж с суши.

— Привет! — окликнул его Том. — А где Мардж?

— Здравствуй, здравствуй. Мардж, наверное, заработалась. Она придет.

— Заработалась?

— Она писательница.

— Вот это да!

Дикки затянулся итальянской сигаретой, которую держал в уголке рта.

— Куда ты запропастился? Я думал, ты уехал.

— Приболел, — сказал Том небрежно, бросив свое свернутое полотенце на песок, однако же не слишком близко к полотенцу Дикки.

— Наверное, расстройство желудка, как поначалу у всех, кто сюда приезжает?

— Витал между жизнью и туалетом, — улыбнулся Том. — Но теперь в полном порядке.

Он и вправду был все это время так слаб, что даже не выходил из гостиницы, но зато ползал по номеру вслед за лучами солнца, падавшими на пол из окон, чтобы в следующий раз появиться на пляже уже не таким белым. Остатки своих слабых сил посвятил изучению итальянского разговорника, купленного в холле гостиницы.

Том спустился к морю, уверенно вошел в воду до пояса и стал плескать себе на плечи. Зашел поглубже, до подбородка, немножко подержался на воде и вышел на берег.

— Я хотел бы угостить тебя виски у себя в гостинице перед ленчем, — сказал Том, — И Мардж тоже, если она придет. Вообще-то хочу отдать тебе халат и носки.

— А, конечно. Спасибо. Я с удовольствием выпью. — И Дикки снова уткнулся в свою итальянскую газету.

Том растянулся на полотенце. Часы в деревне пробили час.

— Похоже, что Мардж уже не придет, — сказал Дикки. — Пожалуй, мне пора.

Том встал. Они направились к «Мирамаре». За всю дорогу обменялись лишь двумя словами: Том пригласил Дикки на ленч, а тот отказался, дескать, прислуга уже приготовила ленч дома. Они

поднялись к Тому в номер, и Дикки примерил халат и приложил носки к своим босым ступням. И халат и носки оказались впору, и, как и предвидел Том, Дикки пришел в восторг от халата.

— И еще вот это. — Том вынул из ящика комода квадратную коробочку в аптечной упаковке. — Твоя мать посылает тебе капли для носа.

Дикки улыбнулся:

— Они мне больше не нужны. У меня был гайморит. Но я возьму их, чтоб у тебя не валялись.

Теперь Дикки получил все, и Тому больше нечего было ему предложить. Сейчас, он знал, Дикки откажется с ним выпить. Он проводил Дикки до двери.

— Знаешь, твой отец ужасно переживает из-за того, что ты не возвращаешься домой. Просил поговорить с тобой, вразумить, чего я, конечно, делать не собираюсь. Но все же что-нибудь ответить ему я должен. Я обещал написать.

Дикки, уже взявшись было за ручку двери, обернулся:

— Не знаю, что папаша себе вообразил. Что я тут спиваюсь или еще что. Может, и слетаю домой на несколько дней этой зимой, но оставаться там не собираюсь. Здесь мне лучше. Если я вернусь насовсем, папаша начнет приставать, чтобы я работал

на его верфи. Не даст заниматься живописью. А я люблю заниматься именно живописью и ничем другим. И хочу жить своим умом.

— Понимаю. Но он сказал, что не будет пытаться заставлять тебя работать в его фирме, разве что ты сам захочешь трудиться в конструкторском отделе, а это, он говорил, тебе нравится.

— Ну ладно, мы с папашей уже обсуждали все это. Тебе-то все равно спасибо, что передал папашино поручение и шмотки. Очень мило с твоей стороны. — И Дикки протянул ему руку.

Том не мог заставить себя пожать ее. Это был полный крах, провал. Это означало, что с мистером Гринлифом все кончено. И с Дикки тоже.

— Должен сказать тебе еще кое-что, — проговорил он с улыбкой. — Твой отец специально прислал меня сюда, чтобы я уговорил тебя вернуться домой.

— В каком смысле? — Дикки нахмурился. — Оплатил тебе дорогу?

— Да.

Это была последняя возможность: сейчас он либо позабавит Дикки, либо оттолкнет его. Сейчас Дикки или расхохочется, или выйдет, возмущенно хлопнув дверью. Но вот появилась улыбка, рот Дикки растянулся до ушей. Старая улыбка,

запомнившаяся Тому.

— Оплатил тебе дорогу! Ну, знаешь ли… На такую, значит, пошел крайнюю меру?

Дикки снова закрыл дверь и остался в номере.

— Он подошел ко мне в одном баре в Нью-Йорке, — сказал Том. — Я говорил ему, дескать, я совсем не так уж близко с тобой знаком, но он настаивал, что, если я поеду в Европу, это может помочь. Я сказал, мол, попытаюсь.

— А как он вышел на тебя?

— Через Шриверов. Я с ними почти не знаком, но тем не менее… Я, дескать, твой приятель и могу на тебя хорошо повлиять.

Они оба рассмеялись.

— Не думай, я не собираюсь обирать твоего отца, — сказал Том. — Найду работу в Европе и со временем верну ему проездные. Он оплатил билет туда и обратно.

— Пусть это тебя не волнует! Он запишет эти деньги на счет расходов фирмы. Воображаю, как папаша подходит к тебе в баре! Что это был за бар?

— «У Рауля». Точнее, он увидел меня в «Зеленой клетке» и оттуда шел за мной.

Том хотел прочитать на лице Дикки, говорит ли ему что-нибудь название «Зеленая клетка»,

ведь бар очень популярный. Но нет. Судя по лицу Дикки, это название ему ничего не говорило.

Они спустились выпить в гостиничный бар. Выпили за здоровье Герберта Ричарда Гринлифа.

— Да, ведь сегодня воскресенье, — вспомнил Дикки. — Мардж была в церкви. Пошли к нам на ленч. По воскресеньям у нас всегда цыпленок. Ты же знаешь, старая американская традиция — есть но воскресеньям цыпленка.

Дикки предложил зайти за Мардж — вдруг она еще дома. Они взобрались на несколько крутых ступенек, ведущих от шоссе, пересекли часть чужого сада и вновь поднялись по крутым ступенькам. Дом у Мардж был замызганный, одноэтажный, выходивший в запущенный сад. Вдоль тропки, ведущей к двери, в беспорядке валялись два ведра и поливальный шланг, а на присутствие женщины указывал томатного цвета купальник, вывешенный сушиться. Через открытое окно Том увидел заваленный бумагами стол с пишущей машинкой.

— Привет, — сказала Мардж, открывая дверь. — Здравствуйте, Том! Где вы пропадали все это время?

Она предложила им выпить, но оказалось, что джина у нее в бутылке на донышке.

— Не важно, сейчас все равно пойдем ко мне, — сказал Дикки. Он расхаживал по комнате, служившей Мардж и гостиной и спальней, с таким хозяйским видом, будто и сам наполовину живет здесь. Наклонился над цветочным горшком, в котором росло какое-то крошечное растеньице, нежно тронул пальцем его листик. — Сейчас Том тебя рассмешит, — сказал он. — Расскажи ей, Том.

Том набрал воздуху в легкие и заговорил. Он сумел рассказать эту историю очень смешно, и Мардж хохотала так, будто в жизни не слышала ничего более забавного.

— Когда я увидел, что он входит к «Раулю», я был готов спастись бегством через туалет!

Том молол языком, не напрягаясь, и одновременно думал о том, как высоко поднялись его акции у Дикки и Мардж. Это было видно по их лицам.

Дорога к дому Дикки и вполовину не показалась такой длинной, как в первый раз. Восхитительный запах жареного цыпленка долетел до террасы. Дикки приготовил коктейли. Том принял душ, потом Дикки принял душ и, выйдя на террасу, налил себе коктейль, в точности как в прошлый раз, но атмосфера была совершенно

другой.

Дикки сел в плетеное кресло, перекинув ноги через подлокотник.

— Расскажи еще что-нибудь, — сказал он, улыбаясь. — Чем ты вообще-то занимаешься? Говорил, хочешь найти работу?

— А что, ты можешь предложить мне работу?

— Не то чтобы…

— Я могу делать многое. Утюжить мужские костюмы, сидеть с детьми, вести бухгалтерские книги. У меня непризнанный талант ко всяческой цифири. Как бы ни надрался, ни один официант не обсчитает. Умею подделывать подписи, водить вертолет, играть в кости, изображать кого угодно, стряпать… Могу устроить «театр одного актера» в ночном клубе, если штатный затейник болен. Хватит или продолжить? — Том, подавшись вперед, загибал пальцы, перечисляя свои таланты. Он мог и продолжить.

— Что за «театр одного актера»?

— А вот, — Том вскочил, — вот, например. — Он принял позу: уперся рукой в бок, выставил вперед ногу. — Леди Ослиц опробует американскую подземку. В Лондоне она в метро ни ногой, но теперь хочет привезти домой как можно больше американских впечатлений.

Том разыграл целую пантомиму: показал, как дама ищет монетку, но оказывается, что она не пролезает в щель автомата, дама покупает жетон, запутывается в поисках нужной лестницы. Показал смятение и страх, в которые приводят леди шум и сама долгая поездка без остановки, и как она снова запутывается в поисках выхода (в этом месте на террасу вышла Мардж, и Дикки сказал, что это, дескать, англичанка в подземке, но Мардж, похоже, не поняла и спросила: «Что-что?»), проходит в дверь, которая, несомненно, ведет в мужской туалет, судя по тому, как ее всю передергивает от ужаса, когда натыкается то на одно, то на другое. Ужас все нарастает, и дело заканчивается обмороком. Том изящно упал в обморок на диван-качалку.

— Блеск! — завопил Дикки и захлопал в ладоши.

Мардж не смеялась. Она, казалось, была озадачена. Ни Том, ни Дикки не потрудились объяснить ей, в чем соль. Том подумал: скорее всего, юмор такого сорта все равно не в ее вкусе.

Том отхлебнул мартини, очень довольный собой.

— Вам я как-нибудь покажу что-нибудь другое, — сказал он, обращаясь к Мардж, но на самом

деле хотел дать понять Дикки, что у него есть и еще кое-что в запасе.

— Ленч готов? — спросил Дикки у Мардж. — Я умираю с голоду.

— Чертовы артишоки еще сырые. Ты же знаешь свою печку. — Она улыбнулась Тому. — Дикки любит все старомодное, разумеется, если не ему самому приходится этим пользоваться. У него здесь только печка, которая топится дровами. И еще он отказывается купить холодильник.

— Это одна из причин, но которой я сбежал из Америки, — сказал Дикки. — Покупать все эти вещи в стране, где нет проблем с прислугой, все равно что выбрасывать деньги на ветер. Если Эрмелинда сможет приготовить обед за полчаса, ей нечем будет себя запять. — Он встал. — Пошли, Том, покажу свои картины.

Следом за Дикки Том прошел в большую комнату, куда заглядывал пару раз по дороге в душ и обратно. Комнату с двумя окнами, под которыми стояла длинная кушетка, и большим мольбертом посередине.

— Это портрет Мардж, сейчас я как раз над ним работаю.

Том изобразил живой интерес. По его мнению, портрет был плохой. Вероятно, другого

мнения и не могло быть. Он не передавал непосредственной восторженности ее улыбки. Лицо было красное, как у индианки. Не будь Мардж единственной блондинкой в округе, никто бы не понял, что это именно она.

— И еще куча пейзажей, — сказал Дикки со смешком, притворно скромничая, хотя явно ждал от Тома комплиментов, ибо нескрываемо гордился своими пейзажами. Все они были сделаны наспех, как попало, и все ужасно одинаковые. Почти в каждом сочетание кирпичного и цвета электрик: кирпичные крыши и скалы, яркое, цвета электрик, море. Того же цвета были глаза на портрете Мардж.

— Мои опыт в сюрреалистическом стиле, — сказал Дикки, разворачивая на коленях еще одно полотно.

Том поморщился. Ему было стыдно, будто он сам написал такую картину. Несомненно, это тоже был портрет Мардж, хотя и с длинными, похожими на змей волосами. И что хуже всего, в одном глазу был крошечный пейзаж Монджибелло с горами и домами, в другом — пляж, на котором теснились маленькие красные человеческие фигурки.

— Вот это мне нравится больше всего, — сказал

Том.

Да, мистер Гринлиф верно оценил способности сына. Занятия живописью заполняли жизнь Дикки, уводя его от реальных тягот и забот, так же как заполняли они жизнь тысяч других бездарных дилетантов в Америке. Но отцу-то было обидно, что Дикки попал в этот разряд людей. Он жаждал для сына совсем другого будущего.

— Великим художником мне не бывать, — сказал Дикки. — Но заниматься живописью для меня большое удовольствие.

— Ну да. — Тому хотелось поскорее забыть эти картины, забыть, что Дикки занимается живописью. — Может, покажешь мне дом?

— Ну конечно! Ты еще не видел гостиную?

Дикки открыл дверь в коридор, ведущий в большую комнату с камином, диванами, книжными полками и окнами на три стороны: одно выходило на террасу, другое на участок позади дома, третье — в сад перед домом. Дикки сказал, что летом он не пользуется этой комнатой, оставляет ее на зиму в качестве перемены декорации. Комната походила не на гостиную, а скорее на приют интеллектуала-книгочея. Такую комнату Том не ожидал здесь увидеть. Он посчитал Дикки не слишком умным парнем, который большую

часть своей жизни проводит в играх и забавах. Возможно, в этом он ошибся. Но вряд ли ошибся в другом — в интуитивном ощущении, что сейчас Дикки скучает и нуждается в человеке, который бы его развлекал.

— А наверху что? — спросил Том.

Наверху не было ничего интересного: спальня Дикки в углу дома над террасой, скудно обставленная, почти голая. Кровать, комод и кресло-качалка как бы затерялись каждый по отдельности в этом пустом пространстве. Кровать узкая, чуть пошире односпальной. Остальные три комнаты на верхнем этаже вообще не обставлены, во всяком случае, не приспособлены для жилья. В одной хранились дрова и лежала груда обрезков холста. И нигде ни малейших следов пребывания Мардж, в том числе и в спальне Дикки.

— Как насчет того, чтобы как-нибудь прошвырнуться в Неаполь? — спросил Том. — По дороге сюда я мало что увидел.

— Отлично, — одобрил Дикки. — Мы с Мардж как раз собираемся туда в субботу. Ужинаем там почти каждую субботу, а вернуться позволяем себе на такси или нанимаем извозчика. Присоединяйся.

— Я-то имел в виду поехать утром и в будний

день, чтобы посмотреть город, — сказал Том, стараясь избежать участия Мардж в экскурсии. — Или ты целыми днями рисуешь?

— Нет. По понедельникам, средам и пятницам ходит двенадцатичасовой автобус. Если хочешь, поедем завтра.

— Вот и чудесно, — сказал Том, все еще опасаясь, что Дикки пригласит девушку. — Мардж католичка? — спросил он, когда они спускались но лестнице.

— Да еще какая! Полгода назад ее обратил в веру один итальянец, в которого она по уши втрескалась. Вот был мастер молоть языком! Он провел здесь несколько месяцев, поправляясь после несчастного случая на лыжах. Потеряв Эдуарда, Мардж утешается в объятиях его религии.

— А я подумал, она влюблена в тебя.

— В меня? Что за глупости!

Когда они вернулись на террасу, ленч был уже готов. Мардж собственноручно испекла песочное печенье.

— Ты знал в Нью-Йорке Вика Симмопса? — спросил Том у Дикки.

У Вика был этакий светский салон, где собирались художники, писатели, артисты балета. Но Дикки его не знал. Том назвал еще два-три имени.

Тот же результат.

Том надеялся, что после кофе Мардж уйдет. Но она осталась. Когда она на минуточку вышла, Том сказал:

— Как насчет поужинать у меня в гостинице сегодня вечером?

— Спасибо. Когда прийти?

— Давай в половине восьмого. Попьем еще коктейлей перед ужином. Раз уж за все платит твой папаша, — добавил Том с улыбкой.

Дикки рассмеялся.

— Чудесно. Коктейли и бутылка доброго вина. Мардж, — обратился он к девушке, как раз в это время вернувшейся на террасу, — мы сегодня ужинаем в «Мирамаре», нас любезно приглашает мой папаша Гринлиф-старший.

Значит, Мардж тоже придет, тут уж ничего не поделаешь. Но в конце концов, ведь счет оплачивает отец Дикки.

Ужин получился приятный, однако в присутствии Мардж Том не мог говорить свободно, о чем хотелось. Более того, в ее присутствии отказывало остроумие. Но Мардж была знакома кое с кем из посетителей ресторана и после ужина, извинившись, пересела со своей чашечкой кофе за другой столик.

— Сколько собираешься здесь пробыть? — спросил Дикки.

— Наверное, неделю. А может, и подольше.

— Дело в том, что… — Скулы у Дикки порозовели. Кьянти привело его в доброе расположение духа. — Если собираешься побыть здесь подольше, отчего бы тебе не перебраться ко мне? Зачем тебе жить в гостинице, если, конечно, для этого нет особой причины?

— Большое спасибо.

— В комнате прислуги, которую я тебе не показывал, есть кровать. Эрмелинда уходит ночевать к себе домой. В доме достаточно мебели, чтобы обставить тебе комнату, если захочешь переехать.

— Ну разумеется, хочу. Кстати, твой папаша дал мне на расходы шестьсот долларов и около пятисот у меня еще осталось. Я считаю, на эти деньги мы оба должны немного развлечься. Как ты насчет этого?

— Пять сотен! — сказал Дикки уважительно, будто сроду не видал такой кучи денег. — На них можно купить небольшой автомобиль.

Том не поддерживал идею покупки автомобиля. Ему хотелось слетать на самолете в Париж. Но тут вернулась Мардж.

На следующее утро состоялся переезд.

В одну из комнат наверху Дикки с Эрмелиидой водворили шкафчик и несколько стульев, и Дикки прикрепил к стенам кнопками несколько репродукций с мозаичным портретом в соборе Святого Марка. Том помог Дикки перетащить наверх узкую железную кровать из комнаты прислуги. Еще до полудня все было готово. У обоих слегка кружилась голова от фраскати, которое они потягивали но время работы.

— Мы все-таки едем в Неаполь? — спросил Том.

— Обязательно. — Дикки посмотрел на часы. — Сейчас без четверти. Успеем на двенадцатичасовой автобус.

Они не взяли с собой ничего, кроме курток и Томовой книжки дорожных чеков. Когда подошли к почте, автобус только что подъехал. Они стояли у двери, поджидая, пока пассажиры выйдут. Вдруг Дикки бросился к одному из них, рыжему парню в яркой спортивной рубашке, американцу.

— Дикки!

— Фредди! — завопил Дикки. — Что ты здесь делаешь?

— Приехал повидаться с тобой! И с семейством Чекки. У них я и остановлюсь на несколько дней.

— Бесподобно! Сейчас мы с приятелем едем в Неаполь. Том! — Дикки поманил к себе Тома и познакомил с приезжим.

Американца звали Фредди Майлз. Том нашел его омерзительным. Он терпеть не мог рыжих, в особенности именно такого типа — морковного цвета волосы, белая кожа и веснушки. Карие с рыжим оттенком глаза Фредди так и бегали. Иногда казалось даже, что он косит. А возможно, он был просто из тех, кто не может смотреть в глаза людям, с которыми разговаривает. И еще он был толстый. Том отвернулся, ожидая, когда приятели закончат разговор. Из-за них задерживался автобус. Дикки с Фредди говорили о катанье на лыжах, уславливались встретиться тогда-то и тогда-то в декабре в каком-то городе, о котором Том никогда не слыхал.

— В Кортино соберется целая компания, человек пятнадцать, — сказал Фредди. — Отлично проведем время, не хуже чем в прошлом году. И пробудем там три недели. Хватило бы только денег.

— Я-то продержусь, — сказал Дикки. — Увидимся вечером, Фред.

Том влез в автобус вслед за Дикки. Сидячих мест не было. Они втиснулись между тощим мужчи-

ной, от которого разило, и двумя крестьянками, от которых разило еще сильнее. На выезде из деревни Дикки вспомнил, что Мардж сегодня придет, как обычно, на ленч, ибо вчера они подумали, что из-за переезда Тома экскурсия в Неаполь не состоится. Автобус остановился, пронзительно взвизгнув тормозами и накренившись так, что все стоявшие пассажиры потеряли равновесие. Дикки высунул голову в окно и позвал:

— Джиио! Джино!

Маленький мальчик, игравший на дороге, подбежал к автобусу и взял протянутую ему бумажку в сто лир. Дикки сказал что-то по-итальянски, мальчик ответил: «Subito[3], синьор!» — и побежал вверх по дороге, Дикки поблагодарил шофера, автобус снова тронулся.

— Я велел ему сказать Мардж, что мы вернемся вечером, но, скорее всего, очень поздно, — сказал Дикки.

— Правильно.

Автобус высадил пассажиров на большой шумной площади в Неаполе, и их тотчас же окружили ручные тележки с виноградом, инжиром, печеньем, пирожными, арбузами; подростки

---

[3] Примечания: 3
Сию минуту (ит.)

пронзительными голосами предлагали свой товар — авторучки и заводные игрушки. Толпа расступалась перед Дикки.

— Я знаю подходящее место для ленча, — сказал он. — Настоящую неаполитанскую пиццерию. Ты любишь пиццу?

— Люблю.

Эта пиццерия находилась на такой крутой и узкой улочке, что машина не смогла бы проехать. Дверь была занавешена длинными нитями бисера, на каждом столике стоял графин с вином, а столиков во всем заведении было только шесть. Заведение, где можно сидеть и потягивать вино часами, и никто тебя не потревожит. Дикки с Томом просидели там до пяти, пока Дикки не сказал, что пора идти в Галерею. Дикки извинился, что не повел Тома в Музей искусств, где, по его словам, были представлены подлинники Леонардо да Винчи и Эль Греко, но, сказал он, туда они могут сходить в другой раз. Все это время Дикки говорил о Фредди Майлзе, и Том находил эту беседу столь же неинтересной, сколь и внешность самого Фредди. Отец Фредди был воротилой гостиничного бизнеса, а сам он — драматургом, но, по-видимому, самозваным, потому что написал всего две пьесы и ни одна из них не

увидела подмостков Бродвея. У Фредди был дом в Капьсюрмер, и Дикки гостил у него с месяц перед приездом в Италию.

— Вот это я люблю, — с чувством сказал Дикки, когда они пришли в Галерею. — Сидеть за столиком и наблюдать за прохожими людьми. Это так расширяет кругозор. Англосаксы совершают большую ошибку, что не наблюдают за людьми, сидя за столиком на тротуаре.

Том кивнул. Это он уже слышал. От Дикки же ожидал чего-нибудь более глубокого и оригинального. Дикки был неординарно красив: продолговатое лицо с тонкими чертами, живые умные глаза, достоинство в осанке и манерах, независимо от того, как он одет. Сейчас на нем были стоптанные сандалии и грязноватые белые брюки, но, глядя, как он сидит, как болтает по-итальянски с официантом, принесшим кофе, можно было подумать, что вся Галерея принадлежит ему.

— Чао! — крикнул он молодому итальянцу, проходившему мимо.

— Чао, Дикки!

— У этого пария Мардж по субботам меняет свои дорожные чеки, — объяснил Дикки Тому.

Хорошо одетый итальянец поздоровался с

Дикки за руку и подсел к их столику. Том прислушивался к их беседе по-итальянски, время от времени понимая отдельные слова. Он начал ощущать усталость.

Вдруг Дикки обратился к нему:

— Хочешь съездить в Рим?

— Конечно, — ответил Том. — Прямо сейчас?

Он встал и полез в карман за мелочью, чтобы оплатить счета, которые официант подсунул каждому под кофейную чашку.

У итальянца был длинный серый «кадиллак» с занавесками на окнах, музыкальным гудком и орущим радио, которое они с Дикки с удовольствием старались перекричать. Дорога до окраин Рима заняла часа два. Когда проезжали по Аппиевой дороге, Том, полулежавший на сиденье, выпрямился. Итальянец сказал, что выбрал этот маршрут исключительно ради Тома, дабы показать достопримечательность, которую тот еще не видел. Местами машину сильно трясло. Итальянец объяснил, что здесь намеренно оставлена в первозданном виде древнеримская брусчатка, чтобы современные автомобилисты знали, каково было римлянам ездить по этой дороге. По обе стороны тонули в полумраке плоские поля, похожие, как показалось Тому, на заброшенные

кладбища, где лишь кое-где сохранилось какое-нибудь надгробие или руины склепа. Итальянец высадил их посреди улицы где-то в Риме и коротко попрощался.

— Он очень спешит, — объяснил Дикки. — У него свидание с любовницей, а в одиннадцать возвращается ее муж. Вот тот самый мюзик-холл, куда я хотел тебя повести. Заходи.

Они купили билеты на вечернее представление. До начала оставался еще час, и они пошли на Виа Венето, сели за столик на тротуаре перед кафе и заказали аперитив. Том отметил, что в Риме у Дикки не было знакомых или, по крайней мере, никто из них не прошел мимо, хотя вообще-то проходили сотни итальянцев и американцев. В спектакле мюзик-холла Том, хоть и очень старался, почти ничего не понял, Дикки предложил уйти, не дожидаясь конца представления. Потом они наняли извозчика и совершили прогулку по городу, от одного фонтана к другому, через Форум и вокруг Колизея. Взошла луна. Том по-прежнему чувствовал некоторую сонливость и одновременно был возбужден первым свиданием с Римом. Оба ощущения сливались в особое состояние восприимчивости и размягченности. Они с Дикки сидели в одинаковых позах — тяжело развалив-

шись на сиденьях, закинув ногу на ногу, оба в сандалиях, — и, когда Том взглядывал на ногу Дикки, касавшуюся его сиденья, ему казалось, что он смотрит в зеркало. Они с Дикки были одного роста и примерно в одной весовой категории. Может быть, Дикки чуть потяжелее. У них был один и тот же размер купального халата, носков и, вероятно, рубашек тоже.

Том расплатился с кучером, и Дикки сказал:

— Спасибо, мистер Гринлиф.

К часу ночи после ужина, за которым распили полторы бутылки вина на двоих, настроение стало еще лучше. Они брели, распевая, обняв друг друга за плечи, и, завернув в темноте за угол, умудрились налететь на девушку и сбить ее с ног. Рассыпавшись в извинениях, помогли ей подняться и предложили проводить до дому. Она отказывалась, они настаивали, подхватив ее под руки с двух сторон. Она сказала, что ей надо успеть на такой-то номер трамвая. Дикки и слышать об этом не хотел, он остановил такси. Дикки и Том благопристойно сидели, скрестив руки, на откидных сиденьях, как два лакея, и Дикки забавлял ее беседой, заставляя смеяться. Том понимал почти все, что говорил Дикки. Улочка, где они остановились, была такая узенькая, будто

приятели вернулись в Неаполь. Они помогли девушке выйти из машины, она сказала «grazie tante»[4] и попрощалась с обоими за руку, потом исчезла в черноте подъезда.

— Ты слышал? — сказал Дикки. — Она никогда еще не встречала таких симпатичных американцев, как мы.

— Сам знаешь, как поступило бы в подобном случае большинство американских наглецов. Ее бы изнасиловали.

— Интересно, где мы находимся? — спросил Дикки, поворачиваясь кругом.

Ни тот, ни другой понятия не имели, где находятся. Они прошли несколько кварталов, но не обнаружили никакого ориентира или знакомого названия улицы. Справили малую нужду у какой-то темной стены, потом наобум пошли дальше.

— Когда рассветет, увидим, где мы, — весело сказал Дикки. Он посмотрел на часы. — Осталось каких-нибудь два-три часика.

— Ну вот и отлично.

— А зато проводили домой симпатичную девушку. Ведь правда, мы не внакладе? — спросил Дикки. Он слегка пошатывался.

---

[4] Примечания: 4
«Большое спасибо» (ит.).

— Ну конечно нет. Я люблю девушек, — сказал Том, хотя вид у него был недовольный. — Хорошо, что Мардж не поехала с нами. Уж тогда бы мы никак не могли проводить девушку домой.

— Это еще неизвестно, — раздумчиво сказал Дикки, глядя вниз, на свои заплетающиеся ноги. — Вообще-то Мардж не такая…

— Я в том смысле, что, будь она с нами, мы бы постарались устроиться на ночь в гостинице. Наверно, мы бы и сейчас сидели в этой паршивой гостинице. И половины не увидели в Риме!

— Это уж точно!

Дикки грубо тряс его за плечо. Том старался освободиться из его хватки пли поймать его руку. «Дик-ки-и-и!» Том открыл глаза. Перед ним был полицейский.

Том приподнялся и сел. Он находился в парке. Дикки сидел рядом с ним на траве и очень самоуверенно втолковывал что-то полицейскому по-итальянски. Том на ощупь проверил, на месте ли квадратик его дорожных чеков. Да, они были у него в кармане.

— Passporti! — снова грозно произнес полицейский, и снова, так же самоуверенно, Дикки пустился в объяснения.

Том понимал все, что говорил Дикки. Что они

американцы, а паспортов у них при себе нет, ибо они только на минутку вышли полюбоваться звездами. Тома разбирал смех. Он встал, и оба отправились восвояси, хотя полицейский продолжал орать им вслед. Дикки оглянулся и что-то сказал ему, учтивым тоном разъясняя то, чего тот еще не понял. Во всяком случае, полицейский не стал их преследовать.

— Ну и вид у нас, — сказал Дикки.

Том кивнул. На брюках на колене была длинная прореха. Вероятно, он где-то упал. У обоих костюмы мятые, в пятнах от травы, пропитавшиеся пылью и потом, хотя сейчас Тома и Дикки знобило. Они зашли в первое попавшееся кафе и заказали кофе с молоком и сладкие булочки. Потом выпили по нескольку рюмок итальянского бренди, противного на вкус, но согревшего. После чего их разобрал смех. Приятели все еще были пьяны.

К одиннадцати часам добрались до Неаполя и как раз успели на автобус, идущий в Монджибелло. Они с наслаждением предвкушали, как еще раз приедут в Рим, но уже при полном параде, и посетят все те музеи, куда не попали в этот раз.

И с таким же наслаждением предвкушали, как, растянувшись на пляже в Монджибелло, будут

загорать на послеполуденном солнце. Но на пляж так и не попала. В доме у Дикки вымылись под душем, потом повалились каждый в свою кровать и проспали до четырех часов, когда их разбудила Мардж. Она была недовольна, что Дикки не сообщил ей телеграммой о своем намерении провести ночь в Риме.

— Конечно, ты не обязан отчитываться, где ты проводишь ночи. Но ведь я думала, ты в Неаполе, а в Неаполе может случиться всякое.

— О-о-о, — протянул Дикки, переглянувшись с Томом. Он в это время готовил им всем троим «Кровавую Мэри».

Том хранил загадочное молчание. Уж он-то не собирался рассказывать Мардж, что они делали. Пусть себе воображает все, что взбредет в голову. Дикки не скрывал, что они очень здорово повеселились. Мардж оглядывала Дикки, не одобряя его похмелья, его небритого лица, как и того, что он продолжает пить. Когда Мардж бывала очень серьезна, в ее глазах появлялось выражение, придававшее ей умудренный и старообразный вид, вопреки немного детской манере одеваться, растрепанным ветром волосам и всему скаутскому облику. Сейчас она смотрела взглядом матери иди старшей сестры, выражающим из-

вечное женское неодобрение разрушительным играм, в которые играют маленькие мальчишки и взрослые мужчины. Мол, уж эти мне бабники! А может, она ревнует. Догадывается, что за эти сутки у Дикки с ним, Томом, именно потому, что он тоже мужчина, сложилась связь более тесная, чем та, которая когда-либо могла бы соединить ее с Дикки, даже если бы он ее любил. А он не любил. Однако скоро она расслабилась, и этот особый взгляд исчез. Дикки ушел, оставив Тома и Мардж на террасе. Том спросил Мардж, что за книгу она пишет. Она сказала, что пишет книгу о Монджибелло с фотографиями, которые сама снимает. Мардж рассказала, что она из Огайо, и показала фотографию родительского дома, которую всегда носит с собой в сумочке. Обычный деревенский коттедж, но это родной дом, сказала она с улыбкой. Ее речь казалась Тому отвратительной и по лексике, и по произношению. Но он постарался быть с ней особенно милым. Ведь все преимущества теперь на его стороне. Он проводил ее до ворот, и они дружески распрощались. Но ни он, ни она ни словом не обмолвились о встрече сегодня вечером или завтра. Без сомнения, Мардж немного сердилась на Дикки.

Глава 10

В следующие три или четыре дня они виделись с Мардж лишь на пляже, и во время этих встреч она была с ними обоими заметно холоднее обычного. Улыбалась, говорила столько же, сколько и раньше, а возможно, и больше, но теперь, казалось, только из вежливости, желая скрыть холодок. Том заметил, что Дикки это небезразлично, хотя, очевидно, он не настолько обеспокоен, чтобы объясняться с Мардж без свидетеля. Ведь с тех пор, как Том переехал к Дикки, они наедине не виделись. Том с Дикки не расставались ни на минуту.

Наконец Том, желая показать, что тоже заметил нечто касающееся Мардж, упомянул мимоходом, что она ведет себя странно.

— С ней бывает. Она человек настроения, — сказал Дикки. — Может быть, у нее хорошо пошла работа. Когда выдается такая полоса, она ни с кем не общается.

Отношения Дикки и Мардж явно были именно такими, как Том и предположил с самого начала. Мардж была гораздо больше привязана к Дикки,

чем он к ней.

Во всяком случае, Том не давал Дикки скучать. У него в запасе была масса историй про людей, которых он знавал в Нью-Йорке. Подчас правдивых, а подчас и выдуманных. Каждый день они вдвоем выходили в море на яхте Дикки. О предстоящем отъезде Тома больше не упоминалось. Дикки явно нравилось его общество. Когда Дикки хотелось порисовать, Том не попадался ему на глаза, сам же всегда был готов бросить любое занятие, чтобы пойти с Дикки погулять, или покататься на яхте, или просто посидеть и поболтать. Похоже, Дикки нравилось и то, что Том серьезно занимается итальянским. Он ежедневно проводил два-три часа за грамматикой и разговорниками.

Том написал мистеру Гринлифу, что вот уже несколько дней живет у Дикки, что Дикки упоминал о своем намерении слетать зимой в Америку и к тому времени, возможно, Тому удастся убедить его побыть дома подольше. Это письмо, сообщавшее, что он живет у Дикки, выглядело более обнадеживающим, чем предыдущее, где говорилось, что Том остановился в гостинице в Монджибелло. Он писал также, что, когда кончатся деньги, он постарается устроиться на работу,

вероятно, в одну из двух местных гостиниц. Это мимоходом брошенное замечание преследовало две цели: напомнить мистеру Гринлифу, что шестьсот долларов не бесконечны, а также показать, что он, Том, не дармоед какой-нибудь, а молодой человек, готовый и стремящийся заработать себе на жизнь собственным трудом. Тому хотелось произвести такое же выгодное впечатление и на Дикки, и перед тем, как запечатать письмо, он дал ему прочитать.

Прошла еще одна неделя с благодатной погодой, с днями упоительного безделья, когда самым большим физическим усилием для Тома было ежедневно взбираться по крутым ступеням, возвращаясь с пляжа, а умственным — болтать по-итальянски с Фаусто, двадцатитрехлетним парнем, которого Дикки специально нанял в городке трижды в неделю заниматься с Томом.

Как-то раз они отправились на яхте на Капри. Остров находился довольно далеко, из Монджибелло его не было видно.

Том многого ожидал от этой поездки, но Дикки был не в духе, что с ним иногда случалось, и расшевелить его так и не удалось. Он повздорил с хозяином причала, где они привязали «Летучую мышь». Дикки даже не захотел прогуляться по

чудесным улочкам, расходившимся в разные стороны от площади. Посидели в кафе на площади, выпили по две-три рюмки мятного ликера, а потом Дикки захотел уехать обратно, чтобы засветло добраться до дому, хотя Том выражал готовность оплатить счет в гостинице, если б Дикки согласился переночевать. Том решил, что это не последняя их поездка на Капри, а сегодняшний день надо списать со счетов и забыть.

Пришло письмо от мистера Гринлифа (оно разминулось с письмом от Тома), где тот повторял свои доводы в пользу возвращения Дикки домой в Штаты, желал Тому успеха и просил незамедлительно сообщить о результатах. Том послушно взялся за перо еще раз. Письмо мистера Гринлифа было выдержано в отвратительно деловом стиле, ну точно как если бы он ревизовал на верфи партию доставленных деталей, и Тому было нетрудно выдержать свой ответ в таком же стиле. Он был навеселе, когда писал письмо, потому что сел за него как раз после ленча, а они всегда были навеселе после ленча, за которым пили вино. Восхитительное легкое опьянение, которое легко как преодолеть при помощи двух-трех чашечек черного кофе и непродолжительной прогулки, так и усилить, выпив еще стакан за неспешными

будничными послеполуденными занятиями. Смеха ради Том подпустил в свое письмо толику надежды. Подражая стилю мистера Гринлифа, написал:

> «…Если не ошибаюсь, Ричард уже не столь тверд в своем намерении провести здесь еще одну зиму. Как я и обещал Вам, сделаю все, что в моих силах, чтобы отговорить его от этого намерения, и со временем, хотя, возможно, это произойдет только ближе к Рождеству, по-видимому, сумею убедить его остаться в Штатах, куда он собирается полететь в гости».

В этом месте Том невольно улыбнулся. На самом деле они с Дикки обсуждали, не отправиться ли им этой зимой в круиз по греческому архипелагу, и Дикки отказался от мысли слетать домой хотя бы на несколько дней, если только к тому времени матери не станет уж совсем худо. Они обсуждали также возможность провести январь и февраль — самые неприятные в Монджибелло месяцы — на Мальорке. И Том был уверен, что Мардж с ними не поедет. Обсуждая планы путешествий, ни он, ни Дикки никогда не упоминали о ней, хотя Дикки сделал ошибку, проговорив-

шись ей мимоходом, что они с Томом собираются куда-нибудь поехать зимой. Ох уж этот Дикки с его дурацкой откровенностью!

И теперь, хотя Том знал, что Дикки по-прежнему тверд в своем намерении поехать только вдвоем с ним, Дикки был более обычного внимателен к Мардж именно потому, что понимал: жестоко с их стороны не пригласить ее тоже. Оба старались прикрыть эту жестокость, внушая ей, что собираются путешествовать по дешевке и, значит, в наихудших условиях. На судах, перевозящих скот, будут спать на палубе вместе с крестьянами и всякое такое. Условия вовсе не подходящие для девушки. Но Мардж по-прежнему выглядела удрученной, и Дикки старался загладить свою вину тем, что теперь чаще приглашал ее на ленч или на ужин. Иногда, когда они поднимались с пляжа в гору, Дикки подавал ей руку, чтобы помочь, хотя Мардж чаще всего тут же отнимала свою. Порой она высвобождала руку с таким видом, будто на самом деле готова умереть за то, чтобы Дикки держал ее руку в своей.

А когда они пригласили Мардж поехать с ними в Геркуланум, она отказалась.

— Думаю, мне лучше остаться дома. А вы развлекайтесь в своей мужской компании, — сказала

она, с трудом изобразив улыбку.

— Что ж, на нет и суда нет, — согласился Том и тактично ушел в дом, чтобы Дикки с Мардж могли поговорить на террасе наедине, если им захочется.

Том стоял у большого окна в мастерской Дикки, скрестив на груди руки, и смотрел на море. Он любил смотреть в окно на голубое Средиземное море и думать о том, как они с Дикки поплывут по нему, куда им вздумается. Танжер, София, Каир, Севастополь… К тому времени, как у него кончатся деньги, думал Том, Дикки, возможно, так привяжется и привыкнет к нему, что сочтет само собой разумеющимся, чтобы они продолжали жить вместе. Они вдвоем вполне могут прожить на пятьсот долларов — ежемесячный доход Дикки. С террасы доносились голоса. Дикки говорил просительным тоном, Мардж отвечала односложно. Потом закрылись ворота. Мардж ушла. А ведь собиралась остаться на ленч. Том перемахнул через подоконник и вышел к Дикки на террасу.

— Она рассердилась на что-нибудь? — спросил Том.

— Нет. Думаю, считает, будто мы не принимаем ее в компанию, что-то в этом роде.

— Но мы как раз ее приглашали.

— Речь не только об этом случае. — Дикки медленно ходил взад и вперед по террасе. — Она теперь даже не хочет ехать со мной в Кортино.

— Ну, до декабря еще передумает.

— Сомневаюсь, — сказал Дикки.

Мардж явно изменила свое решение насчет Кортино из-за того, что он, Том, тоже поедет туда. Дикки пригласил его на прошлой неделе. Когда они вернулись из поездки в Рим, Фредди Майлза уже не застали: Мардж сказала, что ему внезапно пришлось отправиться в Лондон. Но Дикки обещал написать Фредди, что приедет с приятелем.

— Дикки, может быть, ты хочешь, чтобы я уехал? — спросил Том, уверенный, что Дикки этого не хочет. — Боюсь, я каким-то образом расстроил ваши с Мардж отношения.

— Что за глупости! Какие такие отношения?

— Ну, если смотреть с ее точки зрения.

— Нет, просто я чувствую себя в моральном долгу перед ней. А в последнее время я вел себя не слишком красиво. Мы с тобой вели себя не слишком красиво.

Дикки наверняка имел в виду, что они с Мардж вместе коротали прошлую долгую зиму с ее смертельной скукой, когда, кроме них, в деревне не

было американцев, и не следовало ему пренебрегать ею теперь только потому, что появился еще кто-то.

— Может, мне поговорить с ней насчет Кортино? — предложил Том.

— Тогда она уж точно не поедет, — бросил Дикки и пошел в дом.

Том услышал, как он велел Эрмелииде повременить с ленчем: ему еще не хочется есть. Хотя Дикки говорил по-итальянски, Том явственно расслышал, как он сказал: ему не хочется. Дал понять, что он, Дикки, единственный хозяин в доме. Дикки вернулся на террасу, прикрывая рукой зажигалку, от которой прикуривал сигарету. У Дикки была красивая серебряная зажигалка, но при малейшем ветерке она начинала барахлить. Кончилось тем, что Том вытащил свою безобразную, но тут же ярко вспыхнувшую зажигалку. Такую же безобразную и такую же надежную, как пушка или танк. И дал ему прикурить. Хотел предложить Дикки выпить, но вовремя спохватился: это не его дом, хотя три бутылки гилби, стоящие сейчас на кухне, он купил на свои деньги.

— Сейчас третий час, — сказал Том. — Может, прогуляемся? По дороге зайдем на почту.

Луиджи иногда открывал почту в половине

третьего, а иногда только в четыре. Кто его знает, а вдруг она открыта…

Они молча спустились с холма. Том пытался догадаться, что же именно Мардж сказала о нем Дикки. Его вдруг придавило тяжестью вины, даже лоб покрылся испариной. Чувство вины было неопределенным, но очень сильным, как если бы Мардж уличила его в воровстве или каком-либо другом постыдном поступке. Дикки не стал бы вести себя так, как сейчас, только из-за того, что Мардж была с ним холодна. Как всегда, спускаясь с холма, Дикки шел наклонившись вперед, высоко выбрасывая костистые колени. Том непроизвольно перенял эту его походку. Сейчас Дикки вдобавок еще и низко опустил голову и засунул руки глубоко в карманы шорт.

Единственный раз он нарушил молчание, чтобы поздороваться с Луиджи и поблагодарить за письмо, которое тот ему передал. Для Тома почты не было. Письмо, полученное Дикки, было из банка в Неаполе: бланк с впечатанной на машинке суммой — $500.00. Дикки небрежно сунул бланк в карман, а конверт выбросил в мусорную корзину. Вероятно, извещение о том, что ежемесячная сумма поступила на счет. Дикки как-то упомянул, что его банк в США переводит ему деньги через

Неаполитанский банк. Они пошли дальше вниз, и Том подумал, что они, как обычно, спустятся на шоссе в том месте, где оно огибает отвесную скалу на другой стороне, но Дикки остановился у каменных ступенек, ведущих к дому Мардж.

— Пожалуй, я поднимусь, поговорю с Мардж, — сказал он. — Я ненадолго, но ты меня не жди.

— Отлично, — ответил Том, вдруг почувствовав себя покинутым и несчастным.

Он проводил глазами Дикки, взбиравшегося по крутым ступенькам, вырубленным в каменной стене, затем резко развернулся и пошел обратно к дому.

На полпути остановился, внезапно ощутив желание спуститься к Джордже и выпить (но мартини у Джорджо был всегда омерзительный) и в то же время другое — пойти к Мардж под предлогом, что хочет извиниться перед ней, и отомстить им, застав врасплох и вызвав у них раздражение. Он вдруг почувствовал, что вот сейчас, в это самое мгновение Дикки обнимает ее или, по крайней мере, прикасается к ней, и ему захотелось увидеть это своими глазами, хотя от одной мысли о том, что увидит, его затошнило. Он опять развернулся и пошел к дому Мардж. Осторожно закрыв за собой калитку, хотя дом

находился намного выше и они, наверное, все равно не услышали бы, Том через две ступеньки побежал вверх. На последнем пролете замедлил шаг. Он скажет: «Послушай, Мардж, если это я виноват, что все так получилось, извини меня. Мы ведь тебя приглашали сегодня с нами, и это было от чистого сердца. По крайней мере, я приглашал тебя от чистого сердца».

Дойдя до этого места, откуда просматривалось окно Мардж, Том остановился, увидев, что Дикки обнимает ее за талию. Дикки целовал ее. Нежно чмокал в щечку и улыбался ей. До окна не было и пяти метров, но в комнате темновато, а снаружи все залито ярким солнцем, так что Тому приходилось всматриваться с напряжением. Вот Мардж, словно в экстазе, приблизила свое лицо вплотную к лицу Дикки. Самое омерзительное, подумал Том, что Дикки-то целует ее понарошку, он просто пользуется дешевым, легким, шитым белыми нитками приемом, чтобы удержать ее дружбу. Нет, самое омерзительное — это ее толстый зад, обтянутый юбкой в крестьянском стиле, бугром выступающий из-под руки, которая обнимает ее за талию. Но Дикки! Кто мог ожидать от него такого?

Том повернулся и побежал по ступенькам

вниз. Ему хотелось завопить. Всю дорогу домой он бежал бегом и, войдя наконец в ворота, запыхавшись, прислонился к ограде. Несколько минут посидел на кушетке в мастерской Дикки, сбитый с толку, ошеломленный. Этот поцелуй… не похоже, что он был первым. Том подошел к мольберту Дикки, инстинктивно стараясь не смотреть на скверную картину, схватил резинку, лежавшую на палитре, и, в ярости швырнув ее в окно, проследил глазами, как она, описав дугу, исчезла из виду где-то по направлению к морю. Схватил со стола Дикки еще несколько резинок, металлические перья, угольные карандаши, обломки пастели и один за другим стал швырять эти мелкие предметы в угол или выбрасывать в окно. Его тело словно бы вышло из-под контроля, в то время как мозг работал невозмутимо и логично. Он выбежал на террасу, собираясь вскочить на перила и исполнить на них танец или встать на голову. Но вид бездны по ту сторону остановил его.

Том поднялся в комнату Дикки и несколько минут мерил ее шагами, засунув руки в карманы. Когда же наконец Дикки придет домой? А вдруг он останется там до вечера? Вдруг решил вправду переспать с Мардж? Том распахнул дверцу

платяного шкафа. Наткнулся на отлично отглаженный, по виду новехонький серый костюм: Том никогда не видел его на Дикки. Он вытащил костюм. Снял шорты и надел серые брюки. Переобулся в ботинки Дикки. Открыв нижний ящик гардероба, вынул чистую рубашку в синюю и белую полоску.

Он выбрал темно-синий шелковый галстук и тщательно завязал узел. Расчесал волосы и сделал пробор в другом месте — там, где у Дикки.

— Мардж, ты должна понять, что я тебя не люблю, — сказал Том своему отражению в зеркале голосом Дикки, с присущим тому повышением тона на словах, какие хотел подчеркнуть, с негромким и коротким гортанным призвуком в конце фразы, который мог быть милым или неприятным, доверительным или холодным в зависимости от настроения Дикки.

— Мардж, прекрати!

Том внезапно повернулся и сделал движение, будто схватил Мардж за горло. Он тряс ее, душил, а она поникала все ниже. Наконец безжизненно опустилась на пол, и тогда он оставил ее в покое. Том тяжело дышал. Он повел рукой по лбу, как это часто делал Дикки, полез в карман за носовым платком и, не найдя его там, взял платок из верх-

него ящика. Потом снова занял свое место перед зеркалом. Даже его полуоткрытый рот был в точности такой же, как у Дикки, когда тот, бывало, наплавается до изнеможения: с чуть отвисшей нижней губой, обнажавшей зубы.

— Ты знаешь, почему мне пришлось это сделать, — сказал он, все еще тяжело дыша. Он обращался к Мардж, хотя смотрел в зеркало на себя, наблюдал за собой. — Ты встала между мной и Томом… Нет, у нас совсем не то, что ты подумала! Но все же мы тесно связаны друг с другом.

Он повернулся, переступил через воображаемый труп и крадучись подошел к окну. За поворотом дороги разглядел неясные очертания лесенки, ведущей наверх к дому Мардж. Дикки не было видно ни на ступеньках, ни на той части дороги, которая попадала в поле его зрения. Может быть, в это самое мгновение они спят друг с другом, подумал Том, и отвращение еще туже сдавило ему горло. Он представил себе, как это происходит. Неуклюжие, топорные движения, Дикки не удовлетворен, а Мардж в восторге. Она будет в восторге, даже если он станет мучить ее! Том метнулся обратно к гардеробу и взял с верхней полки шляпу. Это была маленькая серая тирольская шляпа с двумя перьями — зеленым и

белым. Том надел шляпу, лихо сдвинул ее набекрень. Он был поражен: теперь, в головном уборе, он стал точной копией Дикки. Что их различало, так это цвет волос — у Тома они были темнее. А так нос, но крайней мере его общие очертания, узкий подбородок, брови, если он сдвинет их нужным образом…

— Что ты делаешь?!

Том повернулся кругом. В дверях стоял Дикки. Вероятно, когда Том выглядывал в окно, Дикки находился прямо под ним, у ворот.

— Так… развлекаюсь, — сказал Том проникновенным голосом, к которому всегда прибегал, когда его застигали врасплох. — Не сердись, Дикки.

Дикки приоткрыл было рот, потом снова закрыл его, будто от ярости слова застряли в горле. Но Том и так знал, что слова эти самые резкие. Дикки сделал шаг в комнату.

— Дикки, прости меня, если…

Дикки с такой силой захлопнул дверь, что Том умолкнул. Дикки, сердито хмурясь, стал расстегивать рубашку, как будто Тома здесь вовсе не было. Но ведь и в самом деле это была его комната, и неизвестно, что здесь делает Том.

— Снимай мои вещи, — приказал Дикки.

Том начал раздеваться. Пальцы от унижения одеревенели. Слова Дикки были для него большим ударом, потому что до сих пор тот все время предлагал ему поносить то одно, то другое из своей одежды. Теперь уже не предложит никогда. Дикки посмотрел Тому на ноги.

— И ботинки тоже? Ты что, совсем рехнулся?

— Нет. — Вешая костюм в шкаф, Том постарался овладеть собой. Потом спросил: — Ну что, помирился с Мардж?

— У нас с Мардж все в порядке, — отрезал Дикки, и тон его говорил: а ты не лезь, ты нам посторонний. — И вот еще что я хочу, чтобы ты усек, — добавил он, буравя Тома глазами. — Я не голубой. Если ты так обо мне думаешь, ошибаешься.

— Голубой? — Том слабо улыбнулся. — Мне никогда и в голову не приходило, что ты голубой.

Дикки хотел что-то сказать, но передумал. Он выпрямился и расправил плечи, да так, что на загорелой груди проступили ребра.

— Мардж считает, ты сам голубой.

— Почему? — Том почувствовал, как кровь отливает от его лица. Слабым движением ноги сбросил второй ботинок и поставил оба в шкаф. — Почему она так думает? Разве я дал повод? — Он почувствовал дурноту. Ему еще никогда не

говорили об этом прямо в глаза, открыто.

— По тому, как ты себя ведешь, — рявкнул Дикки и вышел из комнаты.

Том поспешил влезть в собственные шорты. До сих пор он прятался от Дикки за дверцей шкафа, хотя и был в трусах и майке. Только потому, что Дикки к нему хорошо относится, Мардж грязно оболгала его, думал Том. А у Дикки не хватило мужества возмутиться и опровергнуть это.

Он спустился на террасу, где Дикки, стоя у бара, готовил себе коктейль.

— Дикки, я хочу раз и навсегда прояснить этот вопрос. Я тоже не голубой и не хочу, чтобы про меня так думали.

— Ну и ладно, — отрезал Дикки.

Примерно таким же тоном Дикки отвечал, когда Том спрашивал, знает ли он такого-то и такого-то в Нью-Йорке. Кое-кто из ребят, о которых он спрашивал, и вправду был голубым, и Том часто подозревал Дикки в том, что он ему соврал, а на самом деле знал их. Ну и ладно! Как бы то ни было, кто первый заговорил на эту тему? Сам Дикки. Том молчал, мозг его перебирал и отбрасывал варианты фраз, которые он бы мог произнести. Резких, примирительных, приятных, враждебных. В его памяти всплыли некоторые

нью-йоркские компании и люди, с которыми он одно время общался, но в конце концов прекратил всякое знакомство. Со всеми без исключения. А теперь он считал, что лучше бы ему никогда не знать их. Они ему покровительствовали, потому что он их развлекал, но у него никогда ничего не было ни с кем из них! Двое или трое приставали к нему, но он отверг их домогательства. Правда, вспомнил, как потом старался загладить это. Приносил лед для виски, подбрасывал на такси, хотя ему было совсем не по дороге с ними. Как боялся потерять их расположение! Ну и дураком же он был! И еще вспомнил тот унизительный случай, когда Вик Симмонс сказал ему: «Ох, ради бога, Томми, заткнись!» Это было в компании, и он, Том, возможно в третий или четвертый раз в присутствии Вика, заявил: «Я никак не могу разобраться, кто мне нравится — мужчины или женщины, так что решил не иметь дело ни с теми, ни с другими». Том врал, что ходит к психоаналитику, потому что все остальные ходили. Сочинял ужасно забавные небылицы о своих сеансах у психоаналитика, чтобы развлечь публику на вечеринках. И эта фраза насчет мужчин и женщин вполне годилась для развлечения публики, он преподносил ее очень смешно. Но

вот Вик велел ему ради бога заткнуться, и Том уже больше никогда не повторял ее, да и психоаналитика больше никогда не поминал. Сейчас он подумал: а вообще-то в этой шутке была большая доля правды. По сравнению с другими он — самый невинный и чистый человек на свете. В этом-то и вся парадоксальность нынешней ситуации с Дикки.

— У меня такое чувство, что я… — начал Том, но Дикки даже не стал его слушать. У его губ появилась суровая складка, он отвернулся и ушел со своим коктейлем в угол террасы.

Том шагнул за ним с некоторым страхом: а вдруг Дикки вышвырнет его с террасы в буквальном смысле или просто повернется к нему и скажет: «Пошел вон из моего дома»? Том тихо спросил:

— Ты влюблен в Мардж, Дикки?

— Нет. Но мне ее жалко. Я к ней хорошо отношусь. Она всегда была очень мила со мной. Нам случалось отлично проводить время вместе. Тебе этого не понять.

— Отчего же, я понимаю. Я с самого начала так и подумал, что с твоей стороны отношение чисто дружеское, а она в тебя влюблена.

— Да, так и есть. Знаешь, как оно бывает: дабы

не причинить боли женщине, которая в тебя влюблена, делаешь порой то, что вовсе не в твоем духе.

— Само собой. — Том снова помедлил, тщательно подыскивая слова. Он по-прежнему внутренне трепетал от страха, хотя видел: Дикки больше на него не сердится, не собирается выгонять из дому. И сказал уже более спокойно: — Могу себе представить, что в Нью-Йорке вы не встречались бы так часто… Или вообще бы… Но в этой дыре так одиноко…

— Ты попал в самую точку. Я с ней не спал и не собираюсь. Но постараюсь сохранить ее дружбу.

— А чем же я помешал вашей дружбе? Я ведь тебе сказал, если из-за меня расстроится твоя дружба с Мардж, лучше уж я уеду.

Дикки посмотрел на него:

— Нет, не то чтоб ты помешал чем-то определенным, но невооруженным глазом видно, тебе не по вкусу ее общество. Когда ты делаешь усилие, чтобы сказать ей любезность, невооруженным глазом видно, что ты делаешь усилие.

— Виноват… — сказал Том сокрушенно. Да, он был виноват: сделал недостаточное усилие, схалтурил там, где надо было выдать первоклассную работу.

— Ладно, не будем об этом говорить. У нас с Мардж все в порядке, — сказал Дикки с вызовом. Он отвернулся и стал смотреть на море.

Том пошел на кухню сварить себе кофе на плите. Ему не хотелось использовать эспрессо, потому что Дикки трясся над своим аппаратом и не любил, чтобы им пользовался кто-нибудь, кроме него самого. Том собирался взять чашку кофе к себе наверх и посидеть над итальянским в ожидании прихода Фаусто. Сейчас не время искать примирения с Дикки. Пусть потешит свою гордость. Он не будет разговаривать с Томом час-другой, а в пять, посидев недолго за мольбертом, поднимется к нему, и все будет так, будто эпизода со шмотками никогда и не было. В одном Том был уверен: Дикки рад его присутствию. Надоело жить одному, и Мардж тоже надоела. От щедрот мистера Гринлифа у Тома еще осталось триста долларов, и на эти деньги они здорово погуляют в Париже. Без Мардж. Дикки очень удивился, когда Том сказал, что в Париже был только проездом, не покидая вокзала.

Пока кофе не вскипел, Том убрал еду, предназначавшуюся для их сегодняшнего ленча. Поставил две-три кастрюльки на большие кастрюли с водой, чтобы до них не добрались муравьи. В

кухне нашел брикетик свежего масла, два яйца и пакет с четырьмя булочками. Все это Эрмелинда купила им на следующий день на завтрак. Им приходилось покупать каждый день понемногу, поскольку не было холодильника. Дикки хотел потратить на холодильник часть денег своего отца, несколько раз заводил об этом разговор. Том надеялся, что он передумает, потому что тогда у них останется совсем мало на путешествие, а сам Дикки на свои пятьсот долларов жил очень аккуратно. В каком-то смысле он знал счет деньгам, хотя на причале и в городке раздавал налево и направо огромные чаевые и каждому нищему подавал по бумажке в пятьсот лир.

К пяти часам Дикки пришел в норму. Судя по тому, что последний час он у себя в мастерской насвистывал, ему сегодня хорошо работалось. Дикки вышел на террасу, где Том учил итальянскую грамматику, и стал поправлять его произношение.

— Они редко ясно выговаривают «voglio»[5], — сказал он. — Говорят «io vo'presentare mia amica Marge»[6]. — Дикки протянул свою длинную руку

---

[5] Примечания: 5
Хочу (ит.).

[6] Примечания: 6
Я хочу представить мою подругу Мардж (ит.).

в сторону и назад. Разговаривая по-итальяиски, он всегда жестикулировал. Изящно, словно дирижировал оркестром, исполняющим легато. — Ты бы поменьше зубрил грамматику и побольше прислушивался к Фаусто. Я научился итальянскому на улицах.

Дикки, улыбаясь, вышел в сад и зашагал по дорожке, навстречу Фаусто, который как раз входил в ворота.

Том напряженно вслушивался в итальянские фразы, которыми, смеясь, обменивались эти двое, старался разобрать каждое слово.

Фаусто, улыбаясь, появился на террасе, сел в кресло, положив на перила босые ноги. Он всегда или улыбался, или хмурился, причем выражение его лица менялось ежеминутно. Дикки сказал, что он один из немногих в городке, кто говорит на правильном итальянском языке, а не на южном диалекте. Фаусто вообще-то жил в Милане, а в Монджибелло приехал на несколько месяцев погостить у тетки. Он приходил неукоснительно и пунктуально три раза в неделю между пятью и половиной шестого, и они сидели на террасе, прихлебывали вино или кофе и болтали примерно час. Том изо всех сил старался запомнить все, что Фаусто говорил о скалах, море, о политике

(Фаусто был коммунистом, членом коммунистической партии, и, как утверждал Дикки, очень любил демонстрировать американцам свой партбилет. Его забавляло их удивление, ибо он не производил впечатления человека, у которого может быть партбилет), о бурной сексуальной жизни некоторых из местных — ни дать ни взять коты с кошками. Иногда Фаусто с трудом находил тему для разговора и тогда просто таращил глаза на Тома и хохотал. Но Том делал большие успехи. Впервые в жизни занятия доставляли ему удовольствие, и он проявлял недюжинное упорство. Хотел говорить по-итальянски не хуже Дикки и полагал, что для этого потребуется еще один месяц, если он будет заниматься так же усердно.

Глава 11

Том словно на крыльях перемахнул через террасу и вбежал в мастерскую Дикки.

— Хочешь поехать в Париж в гробу?

— Что-о-о? — Дикки оторвал глаза от очередной акварели.

— Я договорился с одним итальянцем у Джорджо. Мы отправимся из Триеста, поедем в гробах в багажном вагоне в сопровождении нескольких французов. И получим по сто тысяч лир на брата. По-моему, это связано с наркотиками.

— Наркотики в гробах? Разве этот трюк еще не устарел?

— Мы говорили по-итальянски, так что я не все понял. Но он сказал, что там будет три гроба и, возможно, третий с настоящим покойником. В него же они спрячут наркотики. Как бы там ни было, а мы в выигрыше: доберемся до Парижа, да еще обогатим свой жизненный опыт. — Том стал вынимать из карманов пачки «Лаки страйк», которые купил для Дикки у уличного торговца. — Что скажешь?

— Считаю, что это грандиозная затея. Не каждо-

му так повезет — прокатиться в Париж в гробу!

На лице Дикки появилась странная усмешка, будто он морочит голову Тому, прикидываясь, что вроде бы клюнул на это предложение, тогда как на самом деле и не думает его реализовывать.

— Я серьезно, — сказал Том. — Он вправду искал двух парией, которые согласились бы ему помочь. В гробах якобы находятся тела французов, убитых в Индокитае. Сопровождающие французы — это якобы родственники одного из них или, возможно, всех троих.

Он не совсем точно передал объяснения того итальянца, но все же достаточно похоже. И ведь двести тысяч лир — это больше трехсот долларов, масса денег на гульбу в Париже. А Дикки, когда речь заходила о Париже, все время увиливал от прямого ответа.

Дикки внимательно посмотрел на него, вынул изо рта кривой бычок, оставшийся от итальянской сигареты, которую курил, и открыл пачку «Лаки страйк».

— Может, тот парень, с которым ты говорил, сам накачался наркотиками?

— Ты в последние время такой осторожный, аж противно, — рассмеялся Том. — Куда девалась твоя решительность? Похоже, просто мне не

веришь. Пошли, покажу того человека. Он ждет меня у Джордже. Его зовут Карло.

Дикки не двинулся с места.

— Тот, кто предлагает такую работенку, никогда не станет раскрывать все карты. Возможно, им и в самом деле нужно отправить парочку бандюг из Триеста в Париж, но я не понимаю зачем.

— Хочешь, пойдем вместе, поговорим с ним. Если ты мне не веришь, хоть поглядишь на него.

— Само собой. — Дикки вдруг встал. — Я даже считаю это своим долгом, раз мне предлагают сто тысяч лир.

Прежде чем выйти из мастерской вслед за Томом, Дикки закрыл томик стихов, лежавший переплетом вверх на кушетке. У Мардж было много стихотворных сборников. В последнее время Дикки пристрастился к их чтению.

Тот человек сидел за столиком в углу бара Джордже, там же, где его оставил Том. Том улыбнулся и кивнул:

— Привет, Карло! Posso sedermi?[7]

— Si, si[8], — ответил итальянец, указав на стулья вокруг столика.

---

[7] Примечания: 7
Можно я сяду? (ит.)

[8] Примечания: 8
Да, да (ит.).

— Это мой приятель, — старательно выговорил Том по-итальянски. — Он хочет знать, с работой все в порядке? Все точно насчет этой поездки по железной дороге?

Том наблюдал, как итальянец смерил взглядом Дикки с головы до ног, и молниеносно раскусил его. Это было просто поразительно: темные, жесткие, как мозоли, глаза итальянца не выразили ничего, кроме вежливого интереса, но за долю секунды он, казалось, сумел вобрать в себя оценить подозрительное, несмотря на легкую улыбку, выражение лица Дикки, его загар, какой можно приобрести, лишь лежа месяцами на пляже, его поношенные тряпки итальянского производства и американские кольца.

Улыбка раздвинула бесцветные вялые губы итальянца, и он глянул на Тома.

— Allora?[9] — поторопил с ответом сгоравший от нетерпения Том.

Итальянец поднял рюмку сладкого мартини и выпил.

— С работой-то все точно. Только, думаю, твой дружок для нее не годится.

Том посмотрел на Дикки. Тот наблюдал за

---

[9] Примечания: 9
Ну? (ит.)

итальянцем настороженно, с тою же неопределенной улыбкой, которая вдруг показалась Тому презрительной.

— Ну ладно. По крайней мере, ты убедился, что я тебе не соврал, — сказал Том.

Дикки хмыкнул, все еще уставившись на незнакомца, как будто перед ним было вызывавшее любопытство животное, которое он мог бы и убить, если б принял такое решение.

Дикки мог свободно поговорить с Карло по-итальянски, но не произнес ни слова. Три недели назад, подумал Том, Дикки подхватил бы эту идею. Он бы не сидел тут словно провокатор или полицейский сыщик в ожидании подкрепления, чтобы арестовать Карло.

— Ну, — сказал наконец Том, — так ты мне веришь?

Дикки глянул на него:

— Насчет работы? Почем мне знать?

Том выжидательно посмотрел на итальянца.

Тот пожал плечами.

— По-моему, говорить больше не о чем, — сказал он по-итальянски.

— Не о чем, — согласился Том.

Его трясло от ярости. Черт бы побрал этого Дикки! А тот переводил взгляд с грязных ногтей

итальянца на грязный воротник его рубашки, на темное некрасивое лицо, свежевыбритое, по давно не мытое: места, где только что была щетина, гораздо светлее, чем кожа над и под ними. Но в темных, холодно-благожелательных глазах итальянца было больше силы, чем в глазах Дикки. А Том, наглухо запертый в самом себе, не сумел бы выразить того, что хочет, по-итальянски, хотя ему было что сказать и Дикки и Карло.

— Niente, grazie[10], Берто, — спокойно сказал Дикки официанту, который подошел принять заказ. Он посмотрел на Тома: — Пошли?

Том вскочил так резко, что его стул опрокинулся. Он поднял его и кивком попрощался с итальянцем. Чувствуя себя обязанным извиниться перед ним, он был не в состоянии произнести даже обычные слова прощания. Итальянец тоже кивнул и улыбнулся. Следом за Дикки, за его длинными ногами в белых брюках, Том вышел из бара. На улице Том сказал:

— Я хотел, чтобы ты, по крайней мере, убедился: я тебе не врал. Надеюсь, убедился.

— Правильно, ты мне не врал, — сказал Дикки улыбаясь. — Скажи, что с тобой случилось?

---

[10] Примечания: 10
Ничего не надо, спасибо (ит.).

— Нет, это ты скажи, что с тобой случилось, — набросился на него Том.

— Этот человек — проходимец. Ты это хотел от меня услышать? Ну вот, пожалуйста!

— И ты считаешь это достаточным, чтобы задирать перед ним нос? Что плохого он сделал лично тебе?

— А по-твоему, я должен ему в ножки поклониться? Я навидался всяких проходимцев. Этот городок кишмя кишит ими. — Дикки нахмурил свои светлые брови. — Нет, ты скажи, черт побери, что с тобой случилось? Ты хочешь принять это дурацкое предложение? Успеха тебе!

— Теперь уж не смогу, даже если б захотел. Ты все испортил.

Дикки остановился посреди дороги, посмотрел на Тома. Они спорили так громко, что редкие прохожие оглядывались на них.

— Получилось бы забавное приключение, — сказал Том, — по ты предпочел посмотреть с другой стороны. Месяц назад, когда мы ездили в Рим, ты сам считал что-то в этом роде забавным приключением.

— Ой, нет. — Дикки покачал головой. — Ты что-то путаешь.

Для Тома было мучительным и крушение его

планов, и неспособность выразить свои мысли и чувства. Мучительно было и то, что на них оглядывались. Том заставил себя продолжить путь. Сначала шел напряженными мелкими шажками, пока не удостоверился, что Дикки идет вместе с ним. Лицо у Дикки было озадаченное и недоумевающее, а озадачен он был его, Тома, отношением к происшедшему. Том жаждал объясниться, жаждал пробиться к сознанию Дикки так, чтобы тот понял его и они снова стали бы чувствовать одинаково. Месяц назад они с Дикки чувствовали одинаково.

— Ты все испортил, — повторил Том. — Незачем было вести себя так. Этот парень не сделал тебе ничего плохого.

— По виду он настоящий проходимец, — возразил Дикки. — Если он тебе так нравится, ради бога, вернись к нему! Ты вовсе не обязан поступать так, как поступаю я.

Теперь остановился Том. Ему вдруг захотелось и вправду вернуться, необязательно к итальянцу. Главное — расстаться с Дикки. Потом напряжение внезапно отпустило. Плечи, заныв, расслабились, он часто задышал ртом. Сейчас он скажет:

«Ладно, Дикки, все в порядке» — помирится с ним, заставит его забыть эту историю. Но слова

застряли в горле. Том не мог оторвать взгляда от голубых глаз Дикки под все еще нахмуренными, выгоревшими до белизны бровями. Глаза были блестящими и ничего не выражали. Просто два маленьких кусочка голубого студня с черной точкой посредине. Равнодушные, не выказывающие никакого отношения к нему, Тому. Говорят, глаза — зеркало души, в них отражается любовь. Только через глаза можно заглянуть в душу человека и увидеть, что на самом деле в ней происходит. А в глазах Дикки Том увидел сейчас не больше, чем если бы взглянул на жесткую, бесчувственную поверхность зеркала. У Тома заныло в груди, и он закрыл лицо руками. Как будто кто-то вдруг похитил у него Дикки.

Нет, они не были приятелями. Они совсем не знали друг друга. Эта мысль поразила Тома, как ужасная истина, верная на все времена, верная для всех людей, которых он знал в прошлом и которых узнает в будущем. Все они какое-то мгновение вот так стояли или будут стоять перед ним, он снова и снова убеждался и будет убеждаться, что никогда не знал и не узнает их, а хуже всего — что он всегда какое-то время будет заблуждаться, думая, будто знает их и будто между ними и им существует полная, гармония и сходство. На

миг немое потрясение, вызванное этой мыслью, показалось ему невыносимым. Это нашло на него как припадок, и он едва устоял на ногах. Слишком уж много всего на него навалилось: чужая страна, другой язык и то, что Дикки его ненавидит. Все, что его окружало, было посторонним и враждебным.

Он почувствовал, что Дикки пытается оторвать его руки от лица.

— Что с тобой случилось? — спросил Дикки. — Этот тип дал тебе наркотик?

— Нет.

— Ты уверен? Может быть, подсыпал в коктейль?

— Нет. — Первые капли вечернего дождя упали Тому на голову. Послышались раскаты грома, Небо тоже было враждебным. — Я хочу умереть, — вполголоса сказал Том.

Дикки потянул его за руку. Том споткнулся о порог. Они очутились в маленьком баре напротив почты. Дикки заказал бренди, уточнил: итальянского бренди, считая, очевидно, что французского Том недостоин. Том выпил три рюмки этого сладковатого, отдающего лекарством поила. Он и выпил это как лекарство, как волшебное снадобье, которое вернет его к тому,

что, по свидетельству его мозга, являлось реальной действительностью: к запаху сигареты в руке Дикки, к причудливой текстуре дерева под его пальцами, из которого сделана стойка бара, к ощущению давления на желудок, будто кто-то приставил кулак к пупку и крепко нажимает на него, к четкому предощущению долгого пути наверх по крутым ступеням отсюда до дома, к тупой боли в икрах, которую он почувствует после этого.

— Я в порядке, — сказал Том спокойным, проникновенным голосом. — Не знаю, что со мной случилось. Может, жара достала.

Легкий смешок. Вот так и надо вести себя в реальной действительности: со смехом отмести, представить глупостью то, что было самым важным из происшедшего с ним за эти пять недель, с тех пор как он встретился с Дикки. А может быть, из происшедшего с ним за всю жизнь.

Дикки ничего не сказал. Только взял в рот сигарету, вынул из своего черного бумажника крокодиловой кожи две бумажки по сто лир и положил на стойку. Тома больно задело, что он ничего не сказал, как задело бы ребенка, который был болен и, возможно, всех замучил, но все равно ждет хотя бы доброго слова, когда болезнь

прошла. Но Дикки не выказал никакой теплоты. Купил еще бренди с таким же равнодушием, как купил бы первому встречному, если б тот был болен и без денег. «Дикки не хочет, чтобы я ехал с ними на Кортино», — подумал вдруг Том. Эта мысль пришла ему в голову не впервые. Мардж передумала и снова собиралась в Кортино. Когда Дикки с Мардж прошлый раз ездили в Неаполь, они купили огромных размеров термос, чтобы взять его с собой в Кортино. Его, Тома, они не спросили, как ему нравится новый термос, да и вообще ни о чем не спросили. Они просто-напросто тихо и постепенно исключили его из своих приготовлении к поездке. На самом деле Дикки надеялся, что еще до поездки в Кортино он, Том, уберется восвояси. Недели две назад Дикки обещал показать ему какие-то лыжные маршруты в окрестностях Кортино, отмеченные у него на карте. Потом однажды вечером Дикки сидел и изучал карту, но Тому не сказал ни слова.

— Пошли? — спросил Дикки.

Том поплелся за ним из бара, как собака за хозяином.

Когда вышли на дорогу, Дикки сказал:

— Если ты в состоянии сам дойти домой, я, пожалуй, забегу к Мардж.

— Я в порядке, — ответил Том.

— Ну вот и отлично. — И уже на ходу Дикки обернулся и сказал: — Может, зайдешь за почтой? Как бы я потом не забыл.

Том кивнул. Он зашел на почту. Получил два письма. Одно ему самому от мистера Гринлифа, другое Дикки от кого-то в Нью-Йорке, кого Том не знал. Остановившись в дверях, Том распечатал письмо мистера Гринлифа, почтительно развернул лист с машинописным текстом. Письмо было на внушительном фирменном бланке, название компании набрано бледно-зеленым, посредине торговая марка, изображающая штурвал.

«10 ноября 19…

Дорогой Том!

Учитывая, что Вы провели с Дикки уже больше месяца, а он по-прежнему не выказывает намерения вернуться домой, я могу прийти лишь к одному выводу: ваша миссия оказалась безрезультатной. Очевидно, Вы вполне искренне заблуждались, сообщая в своем письме, что Дикки рассматривает возможность возвращения. Но честно говоря, из его письма от 26 октября я не вынес такого впечат-

ления. Более того, он, как мне кажется, утвердился в своем решении остаться в Монджибелло.

Хочу, чтобы Вы знали, что моя супруга и я признательны Вам за все усилия, предпринятые Вами ради нас и нашего сына. Отныне я считаю Вас свободным от каких бы то ни было обязательств по отношению ко мне. Надеюсь, что Ваши усилия за последний месяц не слишком затруднили Вас и что путешествие было для Вас приятным, несмотря на неудачу, которую Вы потерпели в достижении главной цели.

Примите привет и благодарность как от моей супруги, так и от меня.

Ваш Г. Р. Гринлиф».

Это был последний удар. С бесстрастием, даже большим, чем в его обычно выдержанных в холодном деловом стиле письмах, поскольку речь шла об увольнении и выражалась благодарность лишь из вежливости, мистер Гринлиф просто-напросто давал ему пинка под зад. Он, Том, потерпел поражение. «Надеюсь, что Ваши усилия за последний месяц, не слишком затруд-

нили Вас…» Какая злая ирония! Мистер Гринлиф даже не написал, что был бы рад встретиться с Томом, когда тот вернется в Америку.

Том машинально передвигал ноги, поднимаясь вверх по холму. Он представил себе, как в эту самую минуту Дикки сидит у Мардж и рассказывает ей про встречу с Карло в баре и про то, как странно вел себя Том на обратном пути. Том знал, что скажет Мардж: «Неужели ты не можешь от него отделаться?» Ему пришло в голову пойти и объясниться с ними, заставить их выслушать себя. Том повернулся, посмотрел на непроницаемый квадратный фасад дома Мардж, на пустые глазницы темных окон. Его джинсовая куртка намокла под дождем. Он поднял воротник. Быстро пошел дальше вверх, к дому Дикки. По крайней мере, с гордостью подумал Том, он не пытался выманить у мистера Гринлифа дополнительных денег, хотя и мог бы. Даже с соучастием Дикки, если бы подъехал к нему с этой идеей в свое время, когда Дикки был расположен к нему. Любой другой так и поступил бы. Любой другой. А он, Том, нет. Это уже кое-что, не так ли?

Он стоял в углу террасы, не сводя глаз с едва различимой линии горизонта, ни о чем не думая, ничего не чувствуя, кроме слабого, как во сне,

ощущения утраты и одиночества. Дикки и Мардж были где-то далеко, и о чем они сейчас говорят, не имело значения. Он был одинок. Значение имело только это. Он ужаснулся. От страха засосало под ложечкой.

Том услышал, как открылись ворота, и обернулся. Дикки поднимался по дорожке, улыбаясь. Как показалось Тому, натянуто, из вежливости.

— Что ты делаешь тут под дождем? — спросил Дикки, ныряя в дверь прихожей.

— Дождь так освежает, — пошутил Том. — Тебе письмо.

Он отдал Дикки его письмо, а полученное от мистера Гринлифа засунул поглубже в карман.

Том повесил куртку в шкаф в прихожей. Дикки читал письмо, в нескольких местах разразился громким смехом, а когда он дочитал, Том спросил:

— Как ты думаешь, Мардж захочет поехать с нами в Париж?

Похоже, Дикки удивился:

— Думаю, что захочет.

— Ну так пригласи ее, — весело сказал Том.

— Я не уверен, что сам поеду в Париж, — сказал Дикки. — Вообще-то я не прочь переменить обстановку, но в Париж… — Он закурил сигарету. — С

таким же успехом можно съездить в Сан-Ремо или Геную. Чем плоха Генуя?

— Но Париж… разве может Генуя сравниться с Парижем?

— Нет, конечно. Зато она не так далеко.

— Но когда же мы все-таки поедем в Париж?

— Не знаю. Когда-нибудь. Париж никуда не денется.

Том вслушивался в звук слов, сохранившийся в его ушах, стараясь что-либо понять по интонации. Позавчера Дикки получил письмо от отца. Отдельные фразы он прочитал вслух, и они вместе посмеялись над ними. Но всего письма, как делал раньше, читать вслух не стал. Без сомнения, мистер Гринлиф написал сыну, что Том Рипли ему надоел, а возможно, высказал подозрение, что Том просто воспользовался его деньгами для собственного увеселения. Дикки и над этим бы посмеялся месяц назад, но не теперь.

— Я просто думаю, что, пока у меня еще осталось немного денег, надо съездить на них в Париж, — настаивал Том.

— Поезжай один. У меня сейчас нет настроения. Надо беречь силы для Кортино.

— Ладно. Тогда давай махнем в Сан-Ремо, — сказал Том, притворившись, что его это вполне

устраивает, а на самом деле чуть не плача.

— Договорились.

Том быстро прошел из прихожей на кухню. Из угла на него надвинулась огромная белая глыба холодильника. Том собирался выпить виски со льдом, но теперь вдруг стало противно прикоснуться к этому чудовищу. Не так давно он вместе с Дикки и Мардж провел в Неаполе целый день, глядя на холодильники, тщательно осматривая лотки для льда, пересчитывая, сколько в каком холодильнике приспособлений. Прошло немало времени, пока Том начал отличать одну марку от другой, а Дикки с Мардж занимались этим с упоением молодоженов. Затем они провели еще несколько часов в кафе, обсуждая сравнительные достоинства всех виденных ими холодильников, и только после этого решились купить тот, какой им понравился больше других. Теперь Мардж появлялась у них в доме чаще, чем прежде, потому что хранила в холодильнике часть своих продуктов. Кроме того, забегала попросить льда. Внезапно Том понял, почему он так ненавидит этот холодильник. Его покупка означала, что Дикки не тронется с места. Что не состоится путешествие по греческим островам этой зимой и Дикки не переедет в Париж или Рим, как они

планировали в первые недели жизни Тома в Монджибелло. Владелец холодильника этого никогда не сделает. Ведь на весь городок было не больше четырех холодильников и владеть им было очень почетно, тем более что этот экземпляр был оснащен шестью лотками для льда и таким числом полок на дверце, что всякий раз, когда ее открывали, перед глазами представал целый супермаркет.

Том налил себе виски, но класть лед не стал. Руки у него дрожали. Не далее как вчера Дикки спросил у него: «На Рождество домой поедешь?» Спросил мимоходом, в разговоре о пустяках, но Дикки-то, черт побери, отлично знал, что Том не поедет домой на Рождество. У него и дома-то никакого нет, и Дикки это знает. Том все рассказал ему про тетю Дотти. Это был прозрачный намек, вот что это было. Мардж строила грандиозные планы на Рождество. Она приберегла банку консервированного английского рождественского пудинга и собиралась купить индейку у какого-нибудь крестьянина. Том представлял, какие сопли она разведет, какие приторные сантименты. Непременная рождественская елка, может быть вырезанная из картона. «Тихая ночь». Пойло из взбитых яиц с сахаром и ромом. Трогательные

подарки для Дикки. Мардж вяжет. Она постоянно берет домой носки Дикки и штопает их. И во время этого рождественского праздника оба они, Дикки и Мардж, тонко и вежливо дадут понять Тому, что не принимают его в свою компанию. Каждое доброе слово, которое они ему скажут, будет стоить им немалых усилий. Представлять себе все это было невыносимо. Хорошо, он уедет. Он сделает что угодно, лишь бы избежать этого ужасного Рождества с Дикки и Мардж.

Глава 12

Мардж сказала, что не хочет ехать в Сан-Ремо. Она как раз была в ударе, ей хорошо писалось. Мардж работала урывками, но вдохновению, и Тому казалось, что семьдесят пять процентов времени она, по ее собственному выражению, лентяйничает. Она возвещала об этом с веселым смешком. «И дрянная же у нее небось получится книга», — думал Том. Ему приходилось встречаться с писателями. Нельзя писать книгу левой ногой, по полдня валяясь на пляже и размышляя о том, что бы такое съесть на ужин. Но Том был доволен, что она оказалась в ударе как раз в то время, когда они с Дикки собрались в Сан-Ремо.

— Я буду тебе признательна, Дикки, если ты поищешь там этот одеколон, — сказала она. — Ну, ты знаешь, «Страдивари». Я не могла найти его в Неаполе. В Сан-Ремо он обязательно должен быть, там ведь так много магазинов с французскими товарами.

Том живо представил себе, как они с Дикки в Сан-Ремо тратят целый день на поиски этого одеколона, как уже потратили несколько часов в

одну из суббот в Неаполе.

Они взяли на двоих только один чемодан Дикки, так как собирались провести в Сан-Ремо всего лишь три ночи и четыре дня. Дикки немного оживился, но Тома не покидало ужасное предчувствие конца, ощущение, что это их последняя совместная поездка. Вежливое оживление Дикки в поезде было похоже на оживление хозяина, которому до смерти надоел гость, и, боясь, что тот заметит это, он в последнюю минуту старается как-то сгладить впечатление. Впервые в жизни Том чувствовал себя незваным назойливым гостем. В поездке Дикки рассказывал ему о Сан-Ремо и о том, как провел там неделю с Фредди Майлзом, когда только приехал в Италию. Сан-Ремо — крошечный городок, но он славится как международный центр торговли, и люди пересекают французскую границу, чтобы сделать там покупки. Тому пришло в голову, что Дикки старается навязать ему этот город. Потом он постарается убедить Тома остаться там и не возвращаться с ним в Монджибелло. Город стал отвратителен Тому еще до того, как он его увидел.

Когда уже подъезжали, Дикки сказал:

— Кстати, Том… Мне очень неприятно говорить тебе это, боюсь, ты ужасно обидишься. Но я бы

предпочел поехать в Кортиио-д'Ампеццо только вдвоем с Мардж. Я думаю, что такой вариант предпочла бы и она. В конце концов, я ей многим обязан и уж в такой малости, как приятный отдых, не могу ей отказать. Ты, по-моему, не так уж и любишь кататься на лыжах.

Том похолодел и оцепенел, но постарался, чтобы ни один мускул у него на лице не дрогнул. Надо же — свалил все на Мардж!

— Ладно, — сказал он. — Само собой.

Том беспокойно разглядывал карту, которую держал в руках, в отчаянных поисках какого-нибудь другого места поблизости от Сан-Ремо, куда можно было бы поехать, хотя Дикки уже вынул из сетки их чемодан.

— Мы ведь, кажется, недалеко от Ниццы, верно? — спросил Том.

— Недалеко.

— И от Канна. Мне хотелось бы побывать в Канне, раз уж я добрался до этих краев. Как-никак тоже Франция, — добавил он с оттенком упрека.

— Что ж, я думаю, это можно. У тебя паспорт с собой?

Паспорт у Тома был с собой. Они сделали пересадку и прибыли в Канн в тот же вечер часов в одиннадцать.

Том нашел город очень красивым: изгиб гавани, от которого в обе стороны расходились огоньки, образуя длинную тонкую серповидную линию; изысканный, даже в это время года сохраняющий тропический вид главный проспект; фасады дорогих отелей. Франция! Она была не такой кричащей, как Италия, и более шикарной, Том чувствовал это даже в темноте. Они пошли в гостиницу на ближайшей улице, параллельной главному проспекту, она называлась «Грей-д'Альбион». Дикки сказал, что эта гостиница достаточно изысканная, но там с них не снимут последнюю рубашку. Том же был рад заплатить сколько угодно, лишь бы остановиться в лучшем отеле с видом на море. Они оставили чемодан у себя в номере и пошли в бар отеля «Карлтон», самый, по словам Дикки, фешенебельный бар в Канне. Как и предсказывал Дикки, в баре было не много народу, поскольку в Канне в это время года народу вообще было негусто. Том предложил выпить по второй рюмке, но Дикки отказался.

На следующее утро они позавтракали в кафе и пошли прогуляться по пляжу. Под брюки надели плавки. День был холодный, но не настолько, чтобы уж совсем нельзя было искупаться. В Монджибелло они купались, когда было и по-

холоднее. На пустынном пляже лишь кое-где, на большом расстоянии друг от друга, сидели люди, да группка мужчин играла в какую-то игру на каменной набережной. Волны нависали над берегом и разбивались на песке с зимней свирепостью. Теперь Том разглядел, что группа мужчин на набережной делает акробатические фигуры.

— Похоже, это профессиональные спортсмены, — сказал он. — Все в одинаковых желтых плавках.

Том с интересом наблюдал, как акробаты начали строить живую пирамиду: один становится другому на выпуклое мускулистое бедро, а другой хватает за предплечье партнера. Он слышал их возгласы: «Алле» и «Раз-два».

— Давай посмотрим, — сказал Том. — Сейчас достроят пирамиду до самой вершины.

Он остановился и стал смотреть, как самый маленький, паренек лет семнадцати, взобрался на плечи среднего из тех троих, которые стояли выше всех. Он стоял, балансируя, раскинув руки в стороны, как бы в ожидании аплодисментов.

— Браво! — закричал Том.

Паренек улыбнулся Тому, потом соскочил, гибкий, как тигр.

Том посмотрел на Дикки. Тот, глядя на двоих мужчин, сидевших поблизости на берегу, с кислым видом продекламировал:

Как тучи одинокой тень,
Бродил я, сумрачен и тих,
И встретил в тот счастливый день
Толпу нарциссов золотых.
В тени ветвей у синих вод
Они водили хоровод.[11]

Том испугался, потом почувствовал резкий укол стыда, такого же стыда, как в тот день в Монджибелло, когда Дикки сказал: «Мардж считает, что ты голубой». Да, все верно, эти акробаты — гомики. Возможно, Канн кишмя кишит гомиками. Ну и что? Том сжал кулаки в карманах брюк. Он вспомнил насмешку тети Дотти: «Маменькин сынок! Маменькин сынок до мозга костей. В точности как его папаша». Дикки стоял скрестив руки, глядя на море. Том сделал над собой усилие и тоже отвел глаза от акробатов, хотя они, конечно, были интереснее, чем море.

---

[11] Примечания: 11

Строфа из хрестоматийного стихотворения У. Вордсворта «Нарциссы». Пер. А. Ибрагимова. БВЛ. Поэзия английского романтизма XIX в. М.: Художественная литература, 1975.

— Будешь купаться? — спросил Том, храбро расстегивая рубашку, хотя вода вдруг показалась ему ледяной.

— Не думаю, — сказал Дикки. — Ты оставайся, смотри на акробатов. А я пойду в гостиницу.

Он повернулся и пошел, не дождавшись ответа.

Том стал торопливо застегиваться, не спуская глаз с Дикки, который уходил прочь, пересекая пляж по диагонали, чтобы не приближаться к акробатам, хотя следующая лесенка на набережную была вдвое дальше, чем та, возле которой те строили свою пирамиду. Ну и черт с ним, подумал Том. Что он корчит из себя, какого дьявола задирает нос? Как будто в первый раз в жизни увидел педика. А ведь ясно, что представляет собой сам Дикки, тут ошибки быть не может. Почему бы ему хоть раз, в виде исключения, не расслабиться? Какое сокровище он потеряет? Том бежал вслед за Дикки, и полдюжины колких замечаний вертелось у него в мозгу. Потом Дикки оглянулся на него — холодно, брезгливо, — и первая же колкость застряла у Тома в горле.

В тот же день они уехали в Сан-Ремо, не дожидаясь трех часов, чтобы не платить в гостинице за вторые сутки. Это была идея Дикки, хотя не он,

а Том заплатил по счету за одну ночь три тысячи четыреста тридцать франков, а на американские деньги десять долларов и восемь центов. Том же купил билеты на поезд до Сан-Ремо, хотя у Дикки были полные карманы франков. Дикки привез с собой из Италии свой чек на ежемесячный перевод и получил по нему деньги в франках; он вычислил, что будет выгоднее потом поменять франки на лиры, ибо в самое последнее время курс франка резко повысился.

В поезде Дикки все время молчал. Притворившись, что его клонит в сон, сидел, скрестив руки и закрыв глаза. Сидя напротив, Том не сводил глаз с Дикки, с его костистого надменного красивого лица, с его рук, украшенных двумя кольцами: одно с зеленым камнем, другое — золотой перстень, печатка. В голове у Тома мелькнула мысль украсть кольцо с зеленым камнем, когда он будет уезжать. Сделать это не составит труда: Дикки снимает кольцо, когда идет купаться в море. Иногда снимает его даже дома, собираясь под душ. Том украдет кольцо в самый последний день. Он уставился на опущенные веки Дикки. Его с такой силой охватило безумное чувство, смесь ненависти и любви, раздражения и разочарования, что у него перехватило дыхание. Захотелось

убить Дикки. Мысль об этом приходила в голову и раньше. Прежде, одни, или два, или три раза, словно внезапный порыв под влиянием гнева или разочарования. Порыв длился лишь миг, и после него Тому становилось стыдно. Сегодня он думал об этом целую минуту, потом вторую, потому что все равно расставался с Дикки и теперь уже вроде бы не было никаких причин стыдиться. Он потерпел неудачу во всех отношениях. Он ненавидел Дикки, потому что, с какой стороны ни посмотреть на все случившееся, в этой неудаче не был виноват сам Том. Дело было не в каком-то его неверном шаге, а только в ослином упрямстве Дикки. И его вопиющей грубости! Он, Том, предлагал Дикки дружбу, товарищество, уважение — все, что только мог предложить. Но Дикки ответил черной неблагодарностью, а теперь вот и прямой враждебностью. Дикки просто-напросто вышвырнул его, как ненужную вещь. Если он убьет Дикки во время этой поездки, можно будет свалить все на несчастный случай. Он просто скажет… И вдруг ему в голову пришла блестящая мысль: он сам станет Дикки Гринлифом. Все, что умеет Дикки, умеет и он. Сначала поедет в Монджибелло и соберет вещи Дикки, наплетет Мардж каких-нибудь небылиц, поселится в Риме

или Париже, будет ежемесячно получать чек, адресованный Дикки, и подделает его подпись. Он одним махом влезет в шкуру Дикки. Сможет полностью подчинить себе мистера Гринлифа-старшего. Связанная с этим планом опасность и неизбежная кратковременность его успеха, что он смутно осознавал, только подхлестывали. Он стал размышлять над тем, как это осуществить.

На море? Но Дикки так хорошо плавает! В скалах? Столкнуть Дикки со скалы во время прогулки не составит труда. Но Тому представилось, как Дикки ухватится за него, Тома, и утащит вместе с собой. Воображая эту картину, он так напрягся на своем сиденье, что заколoло в икрах, а под ногтями рук выступила кровавая кайма. Надо будет снять с него и второй перстень. Надо будет покрасить свои волосы в более светлый топ. Разумеется, он все равно не сможет жить в таком месте, где обитает хоть один человек, лично знавший Дикки. Ему надо быть похожим на Дикки лишь до такой степени, чтобы пользоваться его паспортом. Он и так похож на Дикки. А если он…

Дикки открыл глаза, посмотрел на него в упор, и мгновенно Том расслабился, тяжело завалился в самый угол, откинув назад голову и закрыв глаза, как если бы был мертвецки пьян.

Дикки потряс его за колено и спросил:

— Том, что с тобой?

— Ничего, я в порядке, — ответил Том, выдавив легкую улыбку.

Дикки снова отвалился на спинку. Он, казалось, сердится, и Том знал почему: ему было неприятно выказать Тому даже столь малый знак внимания. Том улыбнулся про себя: здорово он разыграл расслабленность и реакция у него оказалась отличная, а ведь если бы Дикки увидел выражение его лица… То-то бы удивился!

Сан-Ремо. Цветы, цветы, цветы… Снова променад вдоль берега, большие и маленькие магазины, французские, английские, итальянские туристы. Другая гостиница, с цветами на балконах. Где можно это осуществить? Сегодня ночью в узком переулке? В час ночи в городе будет темно и безлюдно, только бы удалось заставить Дикки допоздна не ложиться спать. На море? День был немного пасмурный, но не холодный. Том ломал голову над своим замыслом. Нетрудно сделать это и в гостиничном номере. Но как избавиться от трупа? Труп должен исчезнуть, исчезнуть без следа. А раз так, остается только море. Но ведь на море Дикки гораздо сильнее, чем он сам. На пляже есть лодочная станция, где можно нанять

весельную или маленькую моторную лодку. Том заметил, что в каждой моторной лодке лежит круглый мешок с цементом на канате — примитивный якорь.

— Покатаемся на лодке? — спросил Том, стараясь, чтобы голос не выдал, как сильно ему этого хочется. Но голос все-таки выдал, и Дикки посмотрел на него удивленно, потому что с той минуты, как они прибыли сюда, Тому в первый раз чего-то захотелось.

С десяток моторных лодочек, бело-голубых и бело-зеленых, было пришвартовано к маленькому причалу, и хозяин был очень рад, что заполучил клиентов, ведь утро было холодное и довольно-таки мрачное. Дикки смотрел вдаль на Средиземное море, подернутое легкой дымкой, хотя дождя, похоже, не ожидалось. Просто был серенький денек. Облака не собирались рассеяться, и солнце, вероятно, так и не проглянет. Было примерно половина одиннадцатого, то располагающее к лени время после завтрака, когда впереди долгое итальянское утро.

— Ладно. Берем лодку на час, покатаемся вокруг бухты, — сказал Дикки и тут же прыгнул в лодку. Легкая улыбка говорила о том, что это не первая его поездка и он радостно предвкушает, как будет

предаваться сентиментальным воспоминаниям о других утренних морских прогулках в Сан-Ремо или о какой-то одной, определенной, — может быть с Фредди или Мардж. Флакон одеколона для Мардж оттопыривал карман вельветовой куртки Дикки. Они купили его пять минут назад в лавке, как две капли воды похожей на американскую аптеку на главной улице провинциального городка.

Хозяин лодочной станции завел двигатель и спросил у Дикки, умеет ли тот с ним обращаться, и Дикки сказал, что да. На дне, как заметил Том, лежало одно весло. Дикки взялся за руль. Лодка стала удаляться от города.

— Бр-р-р, холодно! — крикнул Дикки. Он улыбался, ветер развевал его волосы.

Том смотрел по сторонам. С одной — вертикальная скала, совсем такая же, как в Монджибелло, с другой — почти плоская полоса земли, которая неясно брезжила в тумане, парящем над водой. Сразу не определишь, в каком направлении лучше плыть.

— Ты знаешь окрестности? — спросил он у Дикки, стараясь перекричать шум двигателя.

— Не-а, — весело ответил Дикки. Он наслаждался поездкой.

— Трудно управлять этой штуковиной?

— Ни капельки! Хочешь попробовать?

Том колебался. Дикки по-прежнему правил в открытое море.

— Нет, спасибо. — Том огляделся по сторонам. Слева была видна парусная лодка. — Куда мы едем? — крикнул он.

— Какая разница, — улыбнулся Дикки.

Разницы и вправду не было никакой.

Внезапно Дикки сделал крутой поворот вправо — такой крутой, что обоим пришлось нагнуться и опереться о борт, чтобы выровнять лодку. Стена белых брызг поднялась с левой стороны, а когда она постепенно опала, за ней оказался пустынный горизонт. И снова они помчались в никуда по пустынному морю, Дикки с улыбкой выжимал из двигателя максимальную скорость. Его голубые глаза, устремленные в пустынное море, улыбались.

— В маленькой лодке скорость кажется гораздо больше, чем на самом деле! — крикнул Дикки;

Том кивнул, улыбкой изобразив понимание. Но его душа ушла в пятки. Если с лодкой вдруг что-то случится, не было ни малейшей надежды добраться до берега. Во всяком случае, у него, у Тома. Но зато можно было и не опасаться, что

кто-то увидит с берега, чем они тут занимаются. Дикки снова повернул вправо, на этот раз почти незаметно, направляя лодку к длинной плоской полосе земли, прикрытой серым туманом. Но на таком расстоянии никто бы не увидел, если бы Том ударил Дикки, набросился на него, или поцеловал его, или столкнул за борт. Том покрылся испариной, телу под одеждой было жарко, на лбу же выступил холодный пот. Он боялся, но не моря, а Дикки. Он чувствовал, что сделает это, теперь уже не удержится, и, может быть, удержаться уже не в его власти. И что победа не обязательно будет за ним.

— Думаешь, мне слабо искупаться? — крикнул Том и начал расстегивать куртку.

Дикки только рассмеялся, неотрывно глядя вдаль по курсу лодки. Том продолжал раздеваться. Снял ботинки и носки. Под брюками у него, так же как и у Дикки, были плавки.

— Если ты полезешь в воду, я тоже полезу! — крикнул Том. — Ну как, будешь купаться? — Он хотел, чтобы Дикки сбавил скорость.

— Я? Обязательно. — Дикки резко заглушил мотор двигателя. Он отпустил руль и снял куртку. Лодка качалась, теряя инерцию движения. — Ну давай же, — сказал Дикки, кивком показав на

брюки Тома, которые тот еще не снял.

Том искоса глянул на сушу. Город виднелся расплывчатым бело-розовым пятном. Он взял в руки весло, небрежно, будто играя, и, когда Дикки стал стягивать брюки, поднял весло и опустил ему на голову.

— Эй! — сердито закричал Дикки, наполовину соскользнув с банки. Он изумленно поднял свои светлые брови, казалось, его сознание уже начало мутиться.

Том встал и снова ударил веслом, резко, со звуком, напоминающим щелчок натянутой и отпущенной резинки.

— Черт побери, — пробормотал Дикки, глядя на Тома сердито, свирепо, хотя уже и не мог сосредоточить на нем взгляда своих голубых глаз, взгляда, из которого уходило сознание.

Том неумело ударил веслом по голове Дикки сбоку. Кромка весла нанесла рану, на глазах у Тома палившуюся кровью. Дикки извивался на дне лодки. Издал нечто среднее между стоном и ревом — звук, испугавший Тома своей громкостью. Том три раза ударил его сбоку по шее, орудуя веслом, как дровосек топором. Лодка качалась, вода плескала Тому на ногу, которой он упирался в борт.

Он рассек Дикки лоб, в этом месте проступила широкая кровавая дорожка. На мгновение Тома охватила усталость, он отвернулся, но Дикки оказался еще в силах протянуть руки на дне лодки, чтобы схватить его. Длинные ноги Дикки выпрямились, чтобы пнуть его. Том ударил Дикки веслом в бок, как штыком. Только после этого распростертое на дне тело расслабилось, стало вялым и неподвижным. Том выпрямился, дыхание возвращалось к нему с мучительной болью. Он огляделся вокруг. Других лодок не было видно, кругом пустынное море, только далеко-далеко просматривалось маленькое белое пятнышко, скользящее справа налево. Быстроходная моторная лодка шла к берегу.

Том сорвал с пальца Дикки перстень с зеленым камнем. Положил в карман. Второй перстень сидел плотнее, но его удалось снять, до крови расцарапав костяшку пальца. Том обыскал карманы брюк. Французские и итальянские монеты. Он не стал их брать. Взял брелок, на котором было три ключа. Потом поднял куртку Дикки и вынул из кармана сверток с одеколоном Мардж. Сигареты и серебряная зажигалка Дикки, огрызок карандаша, бумажник крокодиловой кожи во внутреннем кармане. Все это Том запихнул в

собственную вельветовую куртку. Протянул руку к канату, беспорядочной грудой свернувшемуся поверх белого мешка с цементом. Конец веревки был привязан к металлическому концу на носу лодки. Том попытался отвязать его. Узел был ужасный, промокший, к нему нельзя было даже подступиться. Очевидно, его не развязывали годами. Том в раздражении стукнул по узлу кулаком. Жаль, что не догадался захватить с собой нож.

Он посмотрел на Дикки. Точно ли он мертв? Том присел, забившись в самую узкую часть лодки на носу, и стал наблюдать, не выкажет ли Дикки признаков жизни. Он боялся прикоснуться к нему, послушать сердце или пощупать пульс. Потом отвернулся и снова стал яростно дергать за канат, пока не понял, что таким манером только еще туже затягивает узел.

Он вспомнил о своей собственной зажигалке. Нашарил ее в кармане брюк. Зажег и поднес пламя к сухой части каната. Канат был толщиной около четырех сантиметров. Дело шло медленно, очень медленно, и Том использовал эти минуты, чтобы еще и еще раз оглядеться вокруг. Может ли хозяин лодочной станции разглядеть его на таком расстоянии? Жесткий серый канат не загорался, только тлел и слегка дымился, медленно разделя-

ясь надвое, прядь за прядью. Том стал разрывать его, зажигалка потухла. Том снова зажег ее, продолжая в то же время тянуть канат. Наконец он разорвался, и Том, прежде чем испугаться, успел четырежды обернуть его вокруг голых лодыжек Дикки и завязать огромным нескладным узлом, переусердствовав надежности ради, — ведь он был не мастер вязать узлы. Том прикинул длину каната, примерно десять — двенадцать метров. Теперь он немного успокоился, снова поверил, что выпутается из этой передряги и что все делает правильно. Мешок с цементом удержит труп под водой. Течение будет медленно сносить его, но на поверхность он не всплывет.

Том бросил мешок с цементом в воду. Он с плеском рассек поверхность и стал погружаться, оставляя за собой хвост пузырьков, потом исчез из виду, но продолжал погружаться; наконец канат, обвязанный вокруг лодыжек Дикки, туго натянулся, а Тому к тому времени удалось поднять эти лодыжки и взвалить на борт самую тяжелую часть тела — плечи. Вялая рука Дикки была теплой и неуклюжей. Плечи невозможно было оторвать от дна, и Тому казалось, что рука Дикки растягивается, как резиновая, а само тело остается неподвижным. Том встал на одно коле-

но и, выбиваясь из сил, поднял тело до уровня борта. Лодка сильно закачалась. Том вспомнил про море. Море-то и было страшнее всего. Вернее, только море угрожало ему. Надо выбросить труп через корму, подумал Том, ведь корма ниже всего сидит в воде. Он потащил безжизненное тело к корме, одновременно плавно передвигая канат вдоль борта. Судя по тому, как свободно двигался мешок с цементом в воде, он не достиг дна. Затем Том перевернул тело на живот и начал понемногу выталкивать его из лодки, начиная с головы и плеч. Голова Дикки была уже в воде, край борта приходился на пояс, и теперь непомерно тяжелыми оказались ноги. Они сопротивлялись усилиям Тома, как прежде плечи. Их словно магнитом притягивало ко дну лодки. Том набрал воздуху в легкие и все-таки поднял их. Дикки оказался за бортом, но сам Том потерял равновесие и упал прямо на рукоятку двигателя. Он взревел.

Том сделал стремительный бросок, чтобы схватить рукоятку, но в то же самое мгновение лодка свернула в сторону, описав какую-то безумную дугу. На мгновение Том увидел под собой море и свою собственную руку, протянутую к воде, потому что борта, за который он хотел ухватиться, не оказалось на месте.

Том оказался в воде. Он задыхался, стараясь принудить свое тело подпрыгнуть, чтобы можно было ухватиться за лодку. Попытка не удалась. Лодка вертелась волчком. Том подпрыгнул еще раз, потом погрузился еще глубже, так глубоко, что вода сомкнулась над его головой со смертельной неотвратимой медлительностью и, однако же, так быстро, что он не успел вдохнуть воздуха в легкие, а вместо этого втянул носом воду. Лодка удалялась. Ему и раньше не приходилось видеть, как лодка вот так вертится волчком: сама она никогда не остановится, надо, чтобы кто-нибудь забрался в нее и заглушил двигатель. И теперь, в смертоносной пустынности моря, Том заранее пережил все ощущения умирающего. Снова, колотя руками и ногами, погрузился в воду с головой, и сумасшедший шум двигателя постепенно замер. Его заглушила заполнившая уши вода, стерев все звуки, кроме тех неистовых звуков, которые производил он сам своим дыханием, беспорядочными движениями, отчаянным биением крови. Он снова всплыл на поверхность и машинально начал, барахтаясь, продвигаться к лодке. Ведь это был единственный предмет, который держался на поверхности воды, хотя лодка вертелась волчком и за нее невозможно было ухватиться. Пока

он переводил дыхание, ее острый нос пронесся мимо него один, другой, третий, четвертый раз.

Он стал звать на помощь. Единственный результат — наглотался воды. Его рука коснулась лодки под водой, и нос лодки оттолкнул ее в сторону, ударив, словно зверь лапой. С неистовым усилием, старательно уклоняясь от лопасти винта, он попытался дотянуться до кормы. Пальцы коснулись руля. Он пригнулся, но недостаточно быстро. Киль, проходя над головой, стукнул по макушке. Корма снова приблизилась, и он потянулся к ней, и снова руль выскользнул из пальцев. Зато другой рукой поймал борт. Он держался за борт вытянутой рукой, по-прежнему уклоняясь от лопастей винта. С неожиданным приливом сил сделал бросок к углу кормы и… перекинул руку через борт. Дотянулся до рукоятки двигателя.

Мало-помалу он заглох. Том прильнул к лодке и какое-то мгновение ни о чем не думал, лишь испытывал чувство облегчения. И в то же время не мог поверить, что спасен. И только потом ощутил жгучую боль в горле, колотье в груди, затруднявшее дыхание. Он отдыхал то ли две минуты, то ли десять, без единой мысли в голове, собираясь с силами, чтобы втащить самого себя

в лодку. Наконец сделал медленный разбег в воде, сначала выпрыгнув, потом погрузившись, перекинулся через борт и теперь лежал ничком на дне лодки, а его ноги свисали над водой. Он отдыхал, смутно ощущая пальцами, что дно лодки скользкое от крови Дикки, которая теперь смешалась с водой, вытекшей из его собственных носа и рта. У него еще не было сил пошевелиться, но он уже начал думать, что лодка вся в крови и вернуть ее хозяину нельзя, что через минуту надо будет встать и завести двигатель. И о том, в каком направлении плыть.

Вспомнив о перстнях Дикки, нашарил их в кармане куртки. Они были там, да и куда, в самом деле, им деться? На Тома напал приступ кашля, слезы застлали глаза, мешая разглядеть, нет ли другой лодки поблизости, плывущей сюда. Он протер глаза. Нет, лодки не было. Только та самая нарядная маленькая лодочка далеко-далеко все еще носилась по волнам, описывая широкие дуги, не обращая на него внимания. Том посмотрел на дно своей лодки. В силах ли он отмыть ее? Он часто слышал, что кровь очень трудно отмывается. Вообще-то он собирался вернуть лодку хозяину, а если тот спросит, где же его друг, сказать, что высадил его на берег в другом месте. Но теперь от

этого придется отказаться.

Том осторожно сдвинул рукоятку двигателя. Лениво работавший вхолостую, он начал набирать обороты, и даже это испугало Тома. Но все же двигатель казался не таким уж жестоким и вполне управляемым, а стало быть, менее страшным, чем море. Том взял курс к берегу. Но не прямо, а наискосок, на север от Сан-Ремо. Может быть, удастся найти какое-нибудь местечко, заброшенную бухточку в скалах, где он сумеет причалить и выйти на берег. Но что, если лодку найдут? Еще одна неразрешимая проблема! Он постарался уговорить себя обдумать ее хладнокровно, не впадая в панику. Но рассудок словно заклинило. Он никак не мог придумать способ избавиться от лодки.

Теперь уже стали видны сосны, песчаный, пустынный с виду участок рыжевато-коричневого пляжа и пушистая зелень оливковой рощицы. Том медленно проехал в обе стороны от этого места — посмотреть, нет ли там людей. Никого не было. Тогда он направил лодку к низкому плоскому берегу, почтительно касаясь рукоятки, чтобы не прогневить двигатель, как в прошлый раз. И вот он почувствовал, как нос, подрагивая, скребет

по дну. Довернув рукоятку до надписи «Ferma»[12], заглушил двигатель. Осторожно вылез в воду, глубина которой в этом месте была примерно четверть метра, подтащил лодку к берегу так близко, как только смог, затем перенес из лодки на берег обе куртки, свои сандалии и одеколон для Мардж. В маленькой, не больше пяти метров в ширину, бухточке, куда он попал, почувствовал себя в безопасности, укрытым от людских глаз. Здесь, казалось, не ступала нога человека. Том принял решение затопить лодку. Он начал собирать камни размером примерно с человеческую голову, потому что камни большего размера ему было не дотащить, и один за другим складывал их в лодку. Под конец пришлось использовать и камни поменьше, потому что больших поблизости уже не осталось. Он работал без отдыха, опасаясь, что, если позволит себе хоть на миг расслабиться, потеряет сознание от усталости и будет лежать, пока кто-нибудь его не найдет. Когда груз камней дошел почти до планшира, столкнул лодку в море и стал раскачивать так, что вода захлестнула через борт. Лодка начала тонуть, а он шел и толкал перед собой, пока вода

---

[12] Примечания: 12
«Стоп» (ит.).

не дошла ему до пояса, а лодка не погрузилась так глубоко, что он уже не мог до нее дотянуться. Тогда он с трудом зашагал к берегу и какое-то время полежал ничком на песке. Он обдумывал, как вернется в гостиницу, и что там скажет, и что нужно в тот же день уехать из Сан-Ремо, возвратиться в Монджибелло. И обдумать, что он расскажет там.

Глава 13

Том вошел в Сан-Ремо на закате, в тот самый час, когда все итальянцы и другие обитатели города собрались за столиками на тротуарах, приняв перед этим душ и приодевшись, и теперь разглядывали прохожих и проезжих, жадные до любых развлечений, какие мог предоставить курорт. На Томе были плавки и вельветовая куртка Дикки, а свои слегка запачканные кровью брюки и куртку он нес в руке. Он брел вяло и безразлично, поскольку устал до крайности, и все же старался высоко держать голову, памятуя о сотнях пар глаз, устремленных на него от бесчисленных кафе, а другого пути в его отель с видом на море не было. Он успел подкрепить свои силы пятью чашечками очень сладкого кофе-эспрессо и тремя рюмками бренди в придорожном баре близ Сан-Ремо. Теперь разыгрывал роль спортивного молодого человека, который до самого заката пробыл на море, купаясь и лежа на пляже, потому что, поскольку хорошо плавал и был закален, такова была его причуда — плавать в море до заката в холодный день. Он взял ключ у портье,

поднялся к себе в комнату и без сил повалился на кровать. Решил позволить себе час отдыха, но без сна, потому что, если он заснет, наверняка проспит. Так он отдыхал, а когда почувствовал, что глаза слипаются, встал, подошел к умывальнику, ополоснул лицо, смочил полотенце и взял его с собой в постель. Лежал, обмахиваясь мокрым полотенцем и стараясь не заснуть.

Наконец он встал и занялся кровавым пятном на одной из своих вельветовых брючин. Долго тер его мылом и щеточкой для ногтей, устал, на время отложил это и начал паковать чемодан. Вещи Дикки запаковал именно так, как их всегда паковал сам Дикки, зубную щетку и пасту положил в левый карман на крышке чемодана. Потом вернулся к брючине. Его собственная куртка была вся в крови, ее уже никогда не наденешь, и придется как-нибудь от нее отделаться. Но Том мог носить куртку Дикки: она была такого же бежевого цвета и почти такого же размера. В свое время, отдавая шить этот костюм, Том полностью скопировал костюм Дикки, да и шил его тот же портной в Монджибелло. Свою куртку он положил в чемодан. После чего спустился в холл с чемоданом и спросил счет.

Портье поинтересовался, а где же его приятель,

и Том ответил, что они договорились встретиться на вокзале. Портье был любезен и улыбчив и пожелал Тому «buon' viaggio»[13].

Миновав два перекрестка, Том зашел в ресторан и заставил себя съесть тарелку minestrone[14], который, как он полагал, придаст ему сил. Он был все время начеку, опасаясь встретиться с хозяином лодочной станции. Сейчас главное, думал он, сегодня же выбраться из Сан-Ремо; если не будет поезда или автобуса, придется взять такси и доехать до ближайшего городка.

Но на вокзале выяснилось, что поезд есть, он отходил в двадцать два двадцать четыре и шел в южном направлении. Итак, возьмет билет в спальный вагон. Завтра проснется в Риме и пересядет на поезд, идущий в Неаполь. Вдруг все это показалось ему до смешного простым и легким, и в порыве самонадеянности он подумал: а не смотаться ли на пару деньков в Париж?

— Spetta un momento[15], — сказал он кассиру, который уже готов был выдать ему билет.

---

[13] Примечания: 13
Счастливого пути (ит.).

[14] Примечания: 14
Супа (ит.).

[15] Примечания: 15
Подождите минуточку (ит.).

Том ходил кругами вокруг своего чемодана и думал о Париже. Взять да вдруг решиться на такой неожиданный экспромт. Взглянуть на Париж одним глазом, провести там, скажем, два дня. Какая, в сущности, разница, поговорит он с Мардж или нет. Так же внезапно он отказался от мысли о Париже. Он там не сможет расслабиться. Ему не терпелось попасть в Монджибелло и вступить во владение имуществом Дикки.

Белые, туго натянутые простыни в поезде показались Тому самой удивительной роскошью, с какой он когда-либо сталкивался. Перед тем как выключить свет, он ласково погладил простыни рукой. А чистые голубовато-серые одеяла, а колоссальная мощность маленького вентилятора в черной сетке у него над головой! На мгновение Том словно впал в транс, представив себе все удовольствия, которые стали доступны теперь, когда ему достались деньги Дикки: другие, чем раньше, постели, дары моря, теплоходы, чемоданы, рубашки; годы свободы, годы удовольствий. Потом он выключил свет и уснул, едва положив голову на подушку, — счастливый, довольный и такой уверенный в себе, каким не был еще никогда в жизни.

В Неаполе он задержался в мужском туалете на

вокзале. Вынув там зубную щетку и пасту Дикки, завернул в его плащ вместе со своей собственной вельветовой курткой и забрызганными кровью брюками Дикки. Выйдя из здания вокзала, пересек улицу и затолкал этот узел в огромный мешок с мусором, прислоненный к стене. Потом позавтракал сладкой булочкой и чашкой кофе с молоком в кафе на площади, где находилась автобусная станция, и сел на все тот же удобный старый одиннадцатичасовой, идущий в Монджибелло.

Выйдя из автобуса, он чуть ли не нос к носу столкнулся с Мардж. Она была в купальном костюме и свободном белом жакете, в котором всегда ходила на пляж.

— Где Дикки? — спросила она.

— В Риме. — Том непринужденно улыбнулся, ответ был давно придуман. — Он собирается пробыть там несколько дней. Я приехал за кое-какими его вещами.

— Он там остановился у знакомых?

— Нет, просто в гостинице.

Том снова улыбнулся, как бы в знак прощания, и зашагал с чемоданом в гору. Через минуту услышал за спиной стук сандалий на пробке: Мардж трусила за ним. Том подождал ее.

— Ну а как жилось в это время тут, на нашей малой родине? — спросил он.

— Скукота. Как обычно. — Мардж улыбнулась. Она чувствовала неловкость.

Тем не менее дошла вместе с ним до самого дома. Ворота были незаперты, а большой ключ от террасы Том достал из-за полусгнившей деревянной кадки с чахлым кустом — там они его обычно прятали, — и они вдвоем поднялись на террасу. Стол был немного передвинут. На диване-качалке лежала книга. Мардж явно бывала тут в их отсутствие. Подумать только, их не было здесь только трое суток! Тому казалось, что прошел по меньшей мере месяц.

— Как поживает Спринтер? — весело спросил Том, открывая холодильник и доставая поднос со льдом. Спринтер был бездомным псом, которого Мардж подобрала несколько дней назад. Безобразная белая с черными пятнами дворняга, Мардж его баловала и закармливала, как любвеобильная старая дева.

— Он убежал. Я и не рассчитывала, что он останется.

— Вот как.

— Судя по твоему виду, вы отлично провели время, — сказала Мардж с легкой завистью.

— Так оно и было. — Том улыбнулся. — Хочешь выпить?

— Нет, спасибо. Ну и долго ли Дикки пробудет в Риме?

— Как тебе сказать… — Том нахмурил брови, словно бы в раздумье. — Честно говоря, не знаю. Он говорил, что хочет посмотреть там довольно много выставок. По-моему, просто рад переменить обстановку. — Том налил себе порцию джина, добавил газированной воды и кусочек лимона. — Скорее всего, вернется через неделю. Кстати. — Том полез в чемодан и достал коробку с одеколоном. Бумагу, в которую покупку завернули в лавке, пришлось сиять, потому что она была испачкана кровью. — Твой «Страдивари». Мы купили его в Сан-Ремо.

— Ой, спасибо… большое спасибо. — Мардж, улыбаясь, взяла коробку и стала открывать ее осторожно, с мечтательным видом.

Не находя себе места, Том слонялся по террасе с рюмкой в руке, не возобновляя разговора, и с нетерпением ждал, когда Мардж наконец уйдет.

Первой заговорила она:

— Ну а ты как долго пробудешь?

— Где?

— Здесь.

— Только переночую. А завтра поеду в Рим. Скорее всего во второй половине дня, — добавил Том, ведь почту он, вероятно, сможет получить только после двух.

— Наверное, мы больше не увидимся, если, конечно, ты не придешь на пляж, — сказала Мардж, с усилием изображая дружелюбие. — На случай, если не увидимся, я уже сейчас пожелаю тебе всего наилучшего. И передай Дикки, пусть напишет мне открытку. В какой гостинице он остановился?

— М-м-м… ну как же, черт побери, она называется? Ну знаешь, эта, поблизости от площади Испании…

— «Англия».

— Точно. Но он, кажется, говорил, что почту собирается получать до востребования в Американском агентстве. — Вряд ли она будет пытаться позвонить Дикки по телефону, подумал Том. А на случаи, если захочет написать, он завтра зайдет в эту гостиницу за письмом. — Я, наверно, завтра утром приду-таки на пляж.

— Ну вот и отлично. Спасибо за одеколон.

— Не за что.

Она спустилась по дорожке до ворот. Ушла.

Том схватил чемодан и ринулся вверх по лест-

нице в спальню Дикки. Выдвинул верхний ящик комода: письма, две записные книжки с адресами, два блокнота, цепочка от часов, несколько разрозненных ключей, страховой полис. Один за другим он выдвигал ящики и оставлял их открытыми. Рубашки, шорты, сложенные свитера, непарные носки. В углу комнаты неряшливая гора папок и блоков бумаги для рисования. Работа предстояла немалая. Том разделся догола, побежал вниз и встал под холодный душ. Потом надел старые белые парусиновые брюки Дикки, висевшие на гвозде в гардеробе.

Том начал с верхнего ящика по двум причинам: во-первых, важно просмотреть недавно полученные письма — а вдруг из них выяснится что-либо требующее срочных мер; во-вторых, если Мардж вздумает прийти еще раз сегодня вечером, она еще не застанет в доме полного разгрома. Но уже сегодня вечером, подумал Том, он начнет хотя бы упаковывать в самый большой чемодан Дикки его лучшие шмотки.

В полночь Том все еще был на ногах. Чемоданы Дикки были уже уложены, и теперь Том пытался оценить, сколько стоит мебель и другие домашние принадлежности, решал, что из вещей он откажет Мардж и как сбыть с рук остальное.

Пусть Мардж берет себе чертов холодильник. Ей это наверняка будет приятно. Массивный, покрытый резьбой сундук, где Дикки держал постельное белье, вероятно, стоит несколько сот долларов. Дикки говорил, что он шестнадцатого века. Высокое Возрождение. Надо будет поговорить с синьором Пуччи, администратором гостиницы «Мирамаре», и попросить его помочь продать дом и обстановку. И яхту тоже. Дикки говорил, что синьор Пуччи оказывает посреднические услуги.

Том хочет сразу же забрать все пожитки Дикки в Рим, а чтобы Мардж не удивлялась, увидев, что он забирает такую кучу вещей на столь, по его словам, короткий срок, он разыграет, будто уже после их разговора узнал о решении Дикки вообще переселиться в Рим.

В соответствии с этим он на следующий день часа в три зашел на почту, получил письмо для Дикки от приятеля из Нью-Йорка и, хотя на имя Тома никакой почты не было, на обратном пути «читал» воображаемое письмо от Дикки. Воображение подсказывало ему точные слова, которые он в случае необходимости сможет процитировать Мардж. Он даже заставил себя почувствовать легкое удивление, как если бы и

впрямь только что узнал о неожиданном решении Дикки.

Придя домой, начал укладывать лучшие картины и рисунки Дикки в большую картонную коробку, которую по дороге с почты взял в бакалейной лавке у Альдо. Работал спокойно и методично, с минуты на минуту ожидая прихода Мардж, но она появилась только в пятом часу.

— Ты еще не уехал? — спросила она, войдя в комнату Дикки.

— Нет. Я сегодня получил письмо от Дикки. Он решил переселиться в Рим. — Том разогнул спину и легкой улыбкой дал понять, что это и для него было полной неожиданностью. — Просил меня привезти все его вещи, сколько смогу дотащить.

— Переселиться в Рим? На какой срок?

— Не знаю. Уж во всяком случае, до весны. — Том снова стал упаковывать холсты.

— Он не приедет всю зиму? — Это был чуть ли не вопль отчаяния.

— Нет, не приедет. Пишет, что, может быть, даже продаст дом. Пишет, что еще не решил.

— Вот те на! Что же такое случилось?

Том пожал плечами:

— Ясно одно: собирается провести зиму в Риме. Пишет, что сообщит и тебе. Я думал, ты тоже

сегодня получила письмо.

— Нет, не получила.

Оба помолчали. Том продолжал паковать холсты. Только сейчас он вспомнил, что и не начинал собирать свои собственные вещи. Он даже не заходил в свою комнату.

— Но в Кортино-то он все-таки поедет? — спросила Мардж.

— Нет, не поедет. Упомянул, что напишет Фредди и откажется. А ты чтобы ехала без него. — Том наблюдал за ней. — Да, чуть не забыл: Дикки пишет, чтобы ты взяла себе холодильник. Найми кого-нибудь его перетащить.

Мардж совсем не обрадовалась подарку, лицо ее оставалось таким же потерянным. Том знал: она сейчас ломает голову над тем, будет ли он, Том, жить в Риме вместе с Дикки, и, судя по его веселому настроению, очевидно, считает, что будет. Том прямо-таки видел, как вопрос вертится у нее на кончике языка. Он видел Мардж насквозь, как ребенка. Наконец она спросила:

— Ты будешь жить вместе с ним в Риме?

— Может быть, поживу какое-то время. Помогу ему обустроиться. В этом месяце хочу съездить в Париж, а где-то в середине декабря вернусь в Штаты.

Вид у Мардж был удрученный. Наверное, она представила ожидающие ее недели одиночества, даже если Дикки будет ненадолго приезжать к ней в гости в Монджибелло. Некому слова сказать воскресным утром, одинокий ужин в четырех стенах…

— А где он собирается встречать Рождество? Здесь или в Риме, как ты думаешь?

Том ответил с оттенком раздражения:

— Вряд ли здесь. По-моему, он хочет, чтобы его оставили в покое.

После этого удара она обиженно умолкла. То ли еще будет, когда она получит письмо, которое Том собирается написать ей из Рима! Доброе, ласковое письмо. Ведь Дикки был с ней добр и ласков. Но сомнений в том, что Дикки больше никогда не захочет ее видеть, после него не останется.

Через несколько минут Мардж встала и попрощалась, вид у нее был отсутствующий. Возможно, сегодня же попытается связаться с Дикки по телефону. Или даже поедет в Рим. Ну и что? Разве не мог Дикки переехать в другую гостиницу? Гостиниц в Риме навалом, она проищет его не один день. А если не найдет ни по телефону, ни лично, подумает, что он уехал в Париж или куда-нибудь еще вместе с Томом Рипли.

Том проглядел неаполитанские газеты в поисках заметки о том, что в окрестностях Сан-Ремо найдена затопленная лодка. Заголовок должен быть примерно такой: «Barca affondata vicino San-Remo»[16]. И наверное, поднимется большой шум из-за пятен крови, если они еще остались в лодке. Итальянские газеты с мелодраматическими штампами любят раздувать такие вещи. «Ужасная находка. Джорджо ди Стефани, молодой рыбак из Сан-Ремо, вчера в три часа пополудни обнаружил в двух метрах от берега маленькую моторную лодочку, внутри залитую кровью…» Но ничего подобного в газетах Том не нашел. Вчера в газетах тоже ничего не было. Пройдет не один месяц, пока эту лодку найдут. А может быть, не найдут никогда. А если и найдут, откуда узнают, что Дикки Гринлиф и Том Рипли вместе выехали на этой лодке? Они не назывались хозяину лодочной станции в Сан-Ремо. Итальянец всего лишь дал им оранжевый билетик, который Том сунул в карман, а потом нашел и уничтожил.

Том уехал из Монджибелло на такси часов в шесть, а перед этим зашел к Джордже выпить кофе и попрощался с ним, Фаусто и многими

---

[16] Примечания: 16
«Лодка найдена в окрестностях Сан-Ремо» (ит.).

другими их с Дикки общими знакомыми. Он рассказывал всем одно и то же: что синьор Гринлиф проведет зиму в Риме, и что он передает всем привет, и что они еще встретятся. Том выражал уверенность, что Дикки в ближайшее время приедет в Монджибелло в гости.

Картины Дикки он к тому времени уже послал в Рим багажом на адрес Американского агентства вместе с дорожным сундуком и двумя самыми тяжелыми чемоданами — до востребования на имя Дикки Гринлифа. Свои собственные два и третий чемодан Дикки взял с собой в такси. Он успел поговорить с синьором Пуччи в «Мирамаре»: синьор Гринлиф, возможно, захочет продать свой дом с меблировкой, так не возьмет ли синьор Пуччи это на себя? Синьор Пуччи охотно взялся. Том поговорил также с Пьетро, сторожем на причале, и попросил присмотреть покупателя на «Летучую мышь», потому что синьор Гринлиф скорее всего захочет сбыть с рук яхту этой зимой. Синьор Гринлиф отдаст ее за пятьсот тысяч лир, меньше восьмисот долларов, а по такой цене продать двухместную яхту, по мнению Пьетро, можно будет за две-три недели.

В поезде на Рим Том сочинял письмо к Мардж, и занимался этим так усердно, что запомнил текст

наизусть, а потому, придя в свой номер в гостинице «Хеслер», сел за машинку Дикки, которую привез в одном из чемоданов, и написал письмо прямо набело.

«Рим 28 ноября 19…

Дорогая Мардж!

Я решил снять квартиру в Риме и пожить здесь до конца зимы. Просто чтобы переменить обстановку и на время удрать из нашего доброго старого Монджи. Я испытываю жгучую потребность побыть наедине с самим собой. Извини, что я уехал так внезапно и даже не попрощался. Но ведь на самом деле я не так уж далеко и время от времени мы будем видеться. Но сейчас мне ужасно не хочется ехать паковать мое барахло, и я переложил это бремя на Тома.

Что касается нас с тобой, то не будет вреда, а, возможно, будет большая польза, если мы на какое-то время расстанемся. У меня ужасное ощущение, что тебе скучно со мной, хотя мне совсем не скучно с тобой, и, пожалуйста, не считай мой отъезд бегством. Наоборот, Рим приблизит меня

к реальной жизни. Монджи меня к ней определенно не приближает. Причиной моей неудовлетворенности частично была ты. Разумеется, мой отъезд ничего не решит, но он поможет мне разобраться в моих чувствах к тебе. Поэтому я считаю, что лучше мне какое-то время не видеть тебя, и надеюсь, ты меня поймешь. Если же не поймешь — ну что ж, на нет и суда нет, на этот риск мне приходится идти. Том умирает от желания посмотреть Париж, и, возможно, я на пару недель поеду с ним. Если только не засяду сразу же за работу. Я познакомился с художником по фамилии Ди Массимо, его работы мне очень нравятся, он славный старик, довольно-таки бедный, так что, по-видимому, будет рад взять меня в ученики за небольшую плату. Я собираюсь писать картины вместе с ним в его мастерской.

Рим — чудесный город, фонтаны на ночь не выключаются, и всю ночь на улицах полно народу, в противоположность нашему славному Монджибелло. Насчет Тома ты ошибаешься. Он собирается скоро вернуться в Штаты, а когда именно

— это его дело, он ведь в общем-то неплохой парень, и я ничего против него не имею.

Пока я еще и сам не знаю, где буду жить. Пиши мне на адрес Американского агентства в Риме. Когда найду квартиру, сообщу тебе. А пока пусть горят огни в доме, работает холодильник и твоя машинка тоже. Прости меня, если я испорчу тебе Рождество, но я думаю, что так скоро нам не следует встречаться, хочешь обижайся, хочешь нет.

Любящий тебя Дикки».

В гостиницу Том вошел в кепке и, не снимая ее, дал портье паспорт Дикки вместо своего, хотя, как он заметил, в гостиницах никогда не смотрят на фотокарточку, а только переписывают помер с верхней корочки. Он расписался в регистрационном журнале размашистой, пожалуй, чересчур затейливой росписью Дикки, с завитушками вокруг крупных заглавных букв «Р» и «Г». Когда он выходил, чтобы опустить письмо в почтовый ящик, зашел в аптеку в нескольких кварталах от гостиницы и купил кое-какую косметику, которая, как он предполагал, могла ему понадо-

биться. Он поболтал с продавщицей-итальянкой, сказал, что покупает макияж для жены, которая потеряла свою косметичку, а сама нездорова и не может выйти из гостиницы: обычное расстройство желудка.

Целый вечер он упражнялся в подделке подписи Дикки. Ежемесячный денежный перевод для него должен был прийти из Америки менее чем через десять дней.

Глава 14

На следующий день он переселился в «Европу», гостиницу с умеренными ценами на Виа Венето, поскольку «Хеслер», по его мнению, слишком бросался в глаза. Обычные завсегдатаи таких гостиниц — заезжие киношники, и, возможно, именно здесь остановится Фредди Майлз или еще кто-нибудь из знакомых Дикки, если надумает приехать в Рим.

В своем номере Том вел воображаемые беседы с Мардж, Фаусто и Фредди. Наиболее вероятным был приезд Мардж. Если он придумывал разговор по телефону, он говорил от имени Дикки, а если встречу лицом к лицу — от своего собственного. Допустим, она неожиданно возникнет в Риме, отыщет его гостиницу и будет настаивать на том, чтобы подняться к нему в номер. В этом случае Тому придется срочно снять и спрятать кольца Дикки и переодеться. «Понятия не имею, — говорил он ей своим собственным голосом. — Ты же его знаешь — вечно ему хочется от всего удрать. Он предложил мне несколько дней пожить в его номере — в моем плохо топят… Да ты не волнуй-

ся, через пару дней он вернется или пришлет открытку, сообщит, что у него все благополучно. Он поехал с Ди Массимо в какой-то маленький городок посмотреть картины в церкви». — «А ты не знаешь, куда он поехал, на север или на юг?» — «Честное слово, не знаю. Скорее на юг. Но что это нам даст?» — «Такое уж мое везенье, приехала в Рим — и не застала. Почему он хотя бы не сказал, куда едет?» — «Я тебя понимаю. Я его спрашивал. И поискал в номере карту или еще что-нибудь, что бы навело меня на след. Но не нашел. Я знаю только, что он позвонил мне три дня назад и предложил пожить в его номере».

Поупражняться в обратном перевоплощении в самого себя отнюдь не мешало, ведь когда-нибудь ему, возможно, понадобится перевоплотиться за какую-нибудь секунду, а между тем он уже успел почти забыть голос и интонацию Тома Рипли. Он мысленно беседовал с Мардж до тех пор, пока собственный голос не зазвучал в его ушах в точности так же, как он ему запомнился с прежнего времени.

Но чаще всего он выступал в воображении от лица Дикки, негромко ведя беседу с Фредди, и с Мардж, и с матерью по междугороднему телефону, и с Фаусто, и с незнакомым человеком на

званом ужине. Он упражнялся, включив транзистор Дикки, чтобы кто-нибудь из гостиничной обслуги, проходившей по коридору мимо двери и случайно знающей, что синьор Гринлиф у себя в номере один, не принял его за чудака. Иногда, если по радио передавали песню, которая нравилась Тому, он умолкал и танцевал в одиночестве, но так, как танцевал бы Дикки с девушкой — однажды он видел, как Дикки танцует с Мардж в ресторане Джордже и в другой раз — в Неаполе, в «Апельсиновом саду». Дикки делал размашистые шаги, но двигался скованно. Не скажешь, что хорошо танцует. Том наслаждался каждой минутой своей жизни, был ли он один в номере или ходил по улицам Рима, осматривая достопримечательности и одновременно подыскивая квартиру. Пока он остается Дикки Гринлифом, думал Том, ему не грозит ни одиночество, ни скука.

В Американском агентстве, куда он зашел за почтой, к нему обращались «синьор Гринлиф». В первом письме, полученном от Мардж, говорилось:

«Дикки!

Признаюсь, ну и удивил же ты меня! Интересно, что это на тебя вдруг нашло

в Риме, или в Сан-Ремо, или где там это с тобой случилось? Том говорил загадками, своими словами он сказал только, что собирается жить вместе с тобой. В его возвращение в Америку я поверю лишь тогда, когда увижу своими глазами, что он сел на теплоход. Пусть я вмешиваюсь не в свое дело, но я должна еще раз сказать тебе: ох не нравится мне этот парень! С моей точки зрения, да и любой другой скажет то же самое, он просто использует тебя на всю катушку. Если ты хочешь каких-то перемен к лучшему в своей жизни, ради бога, отделайся от него! Ну ладно, согласна, может быть, он и не голубой, он просто ничтожество, что еще хуже. Он недостаточно нормален, чтобы иметь сексуальную жизнь хоть в каком-нибудь варианте, если ты понимаешь, что я имею в виду. Однако же меня интересуешь ты, а не Том. Да, конечно, я могу перебиться несколько недель без тебя, даже обойтись без тебя на Рождество, хотя о таком Рождестве и думать не хочется. Лучше бы вообще не думать о тебе, а там — как ты мне написал — посмотрим, прорежут-

ся у тебя какие-нибудь чувства или нет. Но невозможно не думать о тебе здесь, в городке, где над каждой пядью земли витает твой призрак, по крайней мере для меня, а в этом доме всюду, куда я ни кину взгляд, все напоминает о тебе — живая изгородь, которую мы вместе сажали, забор, который мы вместе начали чинить, да так и не закончили, книги, которые я брала у тебя почитать, да так и не отдала. И твой стул у стола, это хуже всего.

Продолжаю лезть не в свое дело. Я не утверждаю, что Том причинит тебе реальное зло, но он исподволь оказывает на тебя дурное влияние. Знаешь ли ты, что, когда ты с ним, у тебя такой вид, будто ты этого тайно стыдишься? Ты никогда не пытался разобраться, почему это происходит? В последние недели ты как будто начал все это понимать, но теперь ты снова с ним, и, честно тебе скажу, дружище, это совершенно необъяснимо. Если тебе и правда все равно, когда он уедет, умоляю тебя, вели ему укладывать чемоданы! Он никогда не поможет ни тебе, ни кому другому привести в порядок свои дела,

каковы бы они ни были. На самом деле весьма и весьма в его интересах запутывать твои дела и водить за нос и тебя и твоего отца.

Спасибо тебе огромное за одеколон. Я приберегу его — или, во всяком случае, большую часть — до нашей встречи. Холодильник я к себе еще не перенесла. Само собой, я отдам тебе его обратно в любую минуту, когда захочешь.

Возможно, что Том говорил тебе, что Спринтер оправдал свое имя и убежал. Иногда мне хочется поймать чеккона и удерживать его при себе, привязав за шею веревкой. Мне надо заняться стеной моего дома, пока ее не полностью разъело милдью и она не обрушилась на меня. Буду очень рада, если ты приедешь, да ты и сам это знаешь.

Обязательно пиши.

Любящая тебя Мардж».

«Рим 12 декабря 19…

Дорогие мама и папа!

Я сейчас в Риме, ищу квартиру, но пока не нашел именно такую, какая мне нуж-

на. Квартиры либо слишком большие, либо слишком маленькие, а если снять слишком большую, то все равно зимой придется запереть все комнаты, кроме одной, чтобы протопить ее как следует. Я стараюсь найти среднего размера и по умеренной цене, чтобы иметь возможность отапливать ее всю, не тратя на это целое состояние.

Простите, что так неаккуратно писал вам в последнее время. Надеюсь, что теперь, когда жизнь у меня будет поспокойнее, я исправлюсь. Я вдруг ощутил потребность переменить обстановку, как вы оба уже давно советовали мне, и переселился сюда со всеми пожитками, собираюсь даже продать дом и яхту. Я познакомился с удивительным художником по имени Ди Массимо, он согласился давать мне уроки живописи у себя в мастерской. Буду работать как проклятый несколько месяцев и посмотрю, что получится. Это будет мой испытательный срок. Я понимаю, что тебя, папа, это не интересует, но, поскольку ты постоянно спрашиваешь, как я провожу время, вот

я и отвечаю на твой вопрос. До лета буду вести размеренную жизнь и прилежно трудиться.

Кстати, о трудах, пришли мне, пожалуйста, последние рекламные проспекты фирмы „Бёрке и Гринлиф“. Я хочу знать, как проводишь время ты, а этих проспектов я не видел уже очень давно.

Мама, прошу тебя, не ломай голову, что подарить мне на Рождество. Мне решительно ничего не нужно и не хочется. Как ты себя чувствуешь? В силах ли выходить в свет? Я имею в виду театр и тому подобное. Как дядя Эдвард? Передавай ему мой сердечный привет и держи меня в курсе.

Любящий тебя Дикки».

Том прочитал письмо еще раз, нашел, что там слишком много запятых, не поленился перепечатать и подписал. Однажды ему попалось на глаза недописанное письмо Дикки к родителям, вставленное в машинку. Таким образом ему в общем было известно, в каком стиле выдержаны эти письма. Знал он и то, что Дикки не тратит на них больше десяти минут. Если это письмо и отличается от прежних, то лишь более личным

характером, большей эмоциональностью. Прочитав письмо второй раз, он остался им доволен. Дядя Эдвард — это брат миссис Гринлиф. Он болен раком и лежит в больнице в Иллинойсе. Том узнал это из последнего письма миссис Гринлиф к сыну.

Через несколько дней он вылетел в Париж. Перед этим позвонил в «Англию» и узнал, что на имя Ричарда Гринлифа не было ни писем, ни телефонограмм. Самолет приземлился в аэропорту Орли в тот же день. Паспортный контроль проштемпелевал его паспорт не глядя, так что не надо было высветлять волосы перекисью и при помощи специальной жидкости укладывать их волнами и тем более не надо было ради контролера хмуриться и придавать лицу напряженное выражение, как у Дикки на фотокарточке. Том снял номер в гостинице на набережной Вольтера: американцы, с которыми он завязал случайное знакомство в римском кафе, рекомендовали ее как удобно расположенную и не облюбованную соотечественниками. Потом он вышел прогуляться в сырой туманный декабрьский вечер. Он высоко держал голову и улыбался. Ему очень правилась атмосфера этого города, атмосфера, о которой он так много слышал, путаница улиц,

серые фасады домов с мансардами, громкие гудки автомобилей и всюду писсуары и яркие афишные тумбы. Он решил сначала не спеша вобрать в себя атмосферу города, возможно потратив на это несколько дней, и лишь потом пойти в Лувр, взобраться на Эйфелеву башню и тому подобное. Он купил «Фигаро», уселся за столиком в кафе «Флора» и заказал коньяк, поскольку Дикки однажды сказал, что, бывая во Франции, он всегда пьет коньяк. Том объяснялся по-французски с грехом пополам, но он знал, что и у Дикки с французским не лучше. Внимание Тома привлекли люди, которые пялились на него сквозь остекленный фасад кафе, но никто не вошел и не заговорил с ним. Он приготовился к тому, что в любую минуту кто-либо поднимется из-за своего столика, подойдет к нему, Тому, и скажет: «Дикки Гринлиф, ты ли это?»

Хотя Том очень мало изменил свою внешность с помощью искусственных средств, само выражение его лица было теперь такое же, как у Дикки. Так равнодушно улыбаться посторонним было чуть ли не опасно, с этой улыбкой уместно было встречать старого друга или любимого человека. Лучшая и самая характерная улыбка Дикки, когда он был в хорошем настроении. Том и был в

хорошем па-строении. Он наконец-то попал в Париж. Как чудесно сидеть в прославленном кафе и знать, что и завтра, и послезавтра, и послепослезавтра ты будешь Дикки Гринлифом! Запонки, белые шелковые рубашки, даже старые вещи — поношенный коричневый ремень с медной пряжкой, старые коричневые ботинки из тех, которым, как утверждала реклама в «Панче», сносу нет, старый горчичного цвета зимний свитер с обвисшими карманами — эти вещи были его, и он любил их все. И черную авторучку с маленькими золотыми буквами «Р» и «Г». И бумажник, потрепанный бумажник крокодиловой кожи от Гуччи. А денег, чтобы положить в этот бумажник, у него было навалом.

На следующий день Том был приглашен к одной паре — она француженка, он американец. Том завязал с ними разговор в большом кафе на бульваре Сен-Жермен. На приеме оказалось тридцать-сорок человек, в большинстве люди средних лет с бесстрастными лицами, а квартира была огромная, холодная, казенного вида. Похоже, в Европе недостаточное отопление зимой было таким же признаком особого шика, как мартини безо льда летом. В Риме Том переехал в гостиницу подороже, надеясь, что там лучше топят, но в

более дорогой гостинице оказалось еще холоднее. Дом на авеню Клебер, куда его сейчас пригласили, очевидно, и был шикарным на свой угрюмый старомодный лад. Дворецкий и горничная, громадный стол, блюда с запеченными паштетами, нарезанной ломтиками индейкой и маленькими пирожными, море разливанное шампанского, но обивка на диване и длинные портьеры на окнах были потертые и, расползались от старости, а в холле возле лифта Том заметил мышиные норы. По меньшей мере полдюжины гостей, которым его представили, были графы и графини. Тому рассказали, что девушка и парень, пригласившие его, собираются пожениться, а родители не в восторге. Атмосфера была натянутой, и Том приложил все силы, чтобы сказать приятное каждому, даже сурового вида французам, которым он вряд ли мог сказать больше, чем «C'est tres agreable, n'est-ce pas?»[17] Он старался как мог и, во всяком случае, снискал улыбку французской девушки, пригласившей его. Том считал, что ему очень повезло. Много ли найдется американцев, никого не знающих в Париже, которым удалось бы всего через неделю после приезда

[17] Примечания: 17
Очень мило, не правда ли? (фр.)

получить приглашение во французский дом? Французы, как он слышал, не любили принимать у себя посторонних. Никто из присутствующих американцев не среагировал на его фамилию. Том чувствовал себя совершенно уверенно. Так уверенно он, насколько помнил, еще никогда не чувствовал себя в гостях. Вел себя именно так, как ему всегда хотелось вести себя на приемах. Его жизнь начиналась с чистой страницы, именно так, как он мечтал на теплоходе из Америки в Европу. Теперь его прошлое и сотканный из этого прошлого он сам, Том Рипли, перестали существовать. Он возродился как совершенно другой человек. Еще одна француженка и двое американцев пригласили его к себе, но Том отказался, дав всем одинаковый ответ: «Спасибо, но завтра я уезжаю из Парижа».

Нельзя слишком тесно сходиться с этими людьми. Кто-нибудь знаком еще с кем-нибудь, кто хорошо знает Дикки, и это лицо окажется в числе гостей на следующем приеме.

В четверть двенадцатого он распрощался с французской девушкой и ее родителями. Им, похоже, не хотелось его отпускать, но он сказал, что желает в полночь быть в Нотр-Дам. В тот день был сочельник.

Мать французской девушки переспросила его фамилию.

— Месье Грэнлаф, — повторила дочь. — Деки Грэнлаф. Правильно?

— Правильно, — улыбнулся Том.

Спустившись в вестибюль, он вдруг вспомнил о вечеринке, которую Фредди Майлз намечал в Кортино. Второго декабря. Почти месяц назад! Он ведь собирался заранее написать Фредди. Интересно, поехала ли Мардж? Фредди очень удивится, что Дикки не сообщил, что не приедет. Хорошо бы хоть Мардж, по крайней мере, ему сказала. Надо срочно написать Фредди. В записной книжке Дикки был его флорентийский адрес. Это, конечно, промах, но большой беды нет. Просто надо иметь в виду, чтобы впредь такое не повторилось.

Том вышел во тьму и направился к ярко освещенной белой Триумфальной арке. Странное чувство испытал он на этом приеме: отчуждения и одновременно активного соучастия. Это чувство вернулось к нему, когда он стоял в задних рядах толпы на площади перед собором Парижской Богоматери. Народу было так много, что ему вряд ли удалось бы пройти внутрь, но репродукторы доносили музыку до краев

площади. Французские рождественские гимны, неизвестные Тому. «Тихая ночь». Торжественный гимн, а за ним веселый, журчащий. Мужской хор. Французы вокруг обнажили головы. Том тоже обнажил свою. Высокий стройный молодой человек с постным лицом, готовый, однако, улыбнуться каждому, кто к нему обратится. Так же, как на теплоходе, даже больше, он был исполнен благих намерений, ощущал себя джентльменом, никогда и ничем не запятнавшим свою репутацию. Он превратился в Дикки, добродушного наивного Дикки, улыбающегося каждому и готового одарить первого встречного тысячей франков. Когда Том уходил с соборной площади, старик нищий попросил у него милостыню, и Том дал ему хрустящую синюю тысячефранковую купюру. Старик расплылся в улыбке и поднес палец к шляпе.

Том немного проголодался, но собирался лечь спать на голодный желудок, проведя перед этим часок с итальянским разговорником. Он вспомнил: он ведь решил набрать два килограмма, чтобы на нем лучше сидела одежда Дикки, да и лицо у Дикки было покруглее. Том зашел в бар, заказал бутерброд с ветчиной на длинном твердом хлебце и стакан горячего молока, поскольку

горячее молоко пил его сосед за стойкой. Молоко было почти безвкусным, отдавало непорочностью и чистотой. Том подумал, что, вероятно, такова на вкус церковная облатка.

Из Парижа в Италию он вернулся более длинным путем, заночевал в Лионе, а затем и в Арле, чтобы посмотреть места, изображенные на картинах Ван Гога. Ему удалось сохранить веселое и спокойное расположение духа, хотя погода стояла ужасная. В Арле, несмотря на то что дождь, подгоняемый свирепым мистралем, вымочил его до нитки, он постарался отыскать те точки, где стоял Ван Гог, когда писал тот или иной пейзаж. В Париже купил великолепный альбом репродукций Ван Гога, но не мог взять его на улицу в такой дождь, и пришлось десять раз сходить в гостиницу и обратно, чтобы убедиться, что он правильно выбрал точку. Он осмотрел Марсель, нашел его скучным, если не считать главной улицы Канебьер, и отправился поездом на восток, сделав остановки на один день в Сен-Тропезе, Канне, Ницце, Монте-Карло. Обо всех этих городах он много слышал, и они оказались именно такими, какими он их себе представлял, хотя сейчас, в декабре, над ними висели серые зимние тучи и не было веселой толпы на улицах, даже под Новый

год в Ментоле. В своем воображении Том населял все эти места людьми; мужчины и женщины в вечерних туалетах спускались по широкой лестнице казино в Монте-Карло, курортники в ярких купальных костюмах, легкие и праздничные, как акварели Дюфи, гуляли под пальмами на Английском бульваре в Ницце. Американцы, англичане, немцы, шведы, итальянцы… Любовные приключения, разочарования, ссоры, примирения, убийства. Лазурный берег волновал Тома, как не волновало ни одно место в мире, где он побывал. И ведь он был такой крохотный, этот изгиб Средиземноморского побережья с нанизанными на него, точно бусы, чудесными названиями — Тулой, Фрежюс, Сен-Рафаэль, Канн, Ницца, Ментона и, наконец, Сан-Ремо.

В Риме, куда он вернулся четвертого января, его ждали два письма от Мардж. Она еще не закончила черновой вариант книги, но послала три четверти рукописи и все фотографии американскому издателю, с которым связалась прошлым летом, и он ответил, что идея его заинтересовала. Мардж писала:

«Когда я увижу тебя? Мне очень жаль упускать лето в Европе после того, как я

вытерпела еще одну ужасную зиму, но все же я думаю поехать домой в начале марта. Да, наконец ко мне пришла тоска по родине, неодолимая, настоящая. Милый, как было бы хорошо, если бы мы поехали домой вместе, на одном теплоходе. Это возможно? Боюсь, что нет. Ты не собираешься наведаться в Штаты хоть ненадолго зимой?

Я хочу послать все мое барахло (восемь мест багажа, два сундука, три коробки с книгами и всякой всячиной!) малой скоростью по воде из Неаполя, а самой поехать через Рим, и, если у тебя будет настроение, мы бы по крайней мере еще раз съездили в Форте-деи-Марми и Виареджо и другие места, которые мы любим, — на прощанье. У меня не то настроение, чтобы обращать внимание на погоду, которая, конечно, будет мерзейшая. Я не решилась бы, просить тебя проводить меня до теплохода в Марсель, но если я поеду из Генуи? А, как ты думаешь?»

Второе письмо было более сдержанным. Том знал почему: за месяц он не послал ей даже от-

крытки. Мардж писала:

«Я передумала насчет Ривьеры. Возможно, это сырая погода высосала из меня всю энергию, а может быть, моя книга. Так или иначе, я уезжаю раньше, чем думала, 28 февраля на теплоходе „Конституция“. Представляешь, стоит мне ступить на борт, и я в Америке. Американская кухня, кругом американцы, расплачиваются долларами в баре… Милый, мне очень жаль, что я тебя не увижу. Как я могу заключить из твоего молчания, ты все еще не хочешь видеть меня, ну так и не бери в голову. Считай, что сбыл меня с рук.

Разумеется, я надеюсь, что мы еще увидимся, в Штатах или где-нибудь еще. Если тебе придет в голову совершить прогулку в Монджибелло до 28-го, ты отлично знаешь, что тебе будут здесь рады.

Твоя, как всегда, Мардж.

P.S. Я даже не знаю, по-прежнему ли ты находишься в Риме».

Мысленным взором Том видел, как она пишет это письмо и плачет. У него возник порыв написать ей письмо, сообщив, что он только что

вернулся из Греции, и, дескать, получила ли она две его открытки? Но безопаснее было, чтобы она уехала в Америку, не зная точно, где он находится. Том не стал ей писать.

Его тревожила, хотя тоже не слишком, возможность того, что Мардж приедет в Рим повидаться с ним раньше, чем он подберет себе квартиру. Она может его найти, прочесав все гостиницы, в квартире же не найдет никогда. Состоятельные американцы обычно не сообщали о своем приезде в полицию, хотя подразумевалось, что всякая перемена адреса фиксируется там. Том однажды разговаривал с американцем, постоянно проживающим в Риме. Тот снимал квартиру и говорил, что сам никогда не беспокоился по поводу полиции и она никогда не беспокоила его. На случай, если Мардж внезапно нагрянет в Рим, у Тома висела наготове в шкафу его собственная одежда. Он ничего не изменил в своей внешности, кроме цвета волос, а это было легко объяснить: мол, выгорели на солнце. Ну и пусть Мардж отыщет его, ничего страшного. Первое время Том забавлялся карандашом для бровей — у Дикки брови были длинные и чуть приподняты к вискам. И еще накладывал немного грима на кончик носа, чтобы сделать его длиннее и острее. Но и то и

другое было легко заметить, и он от этого отказался. В перевоплощении главное — проникнуться настроением и характером человека, роль которого играешь, да еще усвоить соответствующую мимику. Остальное приложится.

Десятого января Том написал Мардж, что три недели был в Париже один, а теперь вернулся в Рим, что Том уехал из Рима месяц назад, сказав, что поедет в Париж, а оттуда в Америку, но в Париже они не встретились. Что он еще не снял квартиры в Риме, по ищет ее и, как только найдет, сообщит адрес. Он рассыпался в благодарности за посылку с рождественскими подарками:

Мардж прислала ему тот самый свитер с полосками в виде буквы V, который она еще с октября вязала, то и дело примеряя на Дикки, альбом живописи раннего Возрождения и бритвенный набор в кожаном футляре с инициалами «Г. Р. Г.» на крышке. Посылка пришла только шестого января, из-за нее-то он и взялся за перо. А то еще Мардж подумает, что он не получил ее, чего доброго, испугается, не случилось ли с ним беды, и кинется его разыскивать. Он спрашивал, получила ли она его посылку. Он отправил ее из Парижа и выражал опасения, что она придет с опозданием. Он приносил извинения и писал:

«Я снова занимаюсь с Ди Массимо, и, на мой взгляд, получается у меня недурно. Я тоже соскучился по тебе, но, если ты пока в силах выносить мой эксперимент, я бы предпочел не видеться с тобой еще несколько недель (разве что ты действительно надумаешь вдруг уехать домой в феврале, в чем я до сих пор сомневаюсь), а ты в это время не пытайся со мной встретиться. Привет Джордже с женой, и Фаусто, если он еще не уехал, и Пьетро с пристани…»

Письмо было выдержано в том рассеянном и немного меланхолическом духе, в каком Дикки всегда писал письма. Его нельзя было назвать ни теплым, ни холодным, и оно ничего не говорило по существу.

На самом деле Том уже снял на год квартиру в большом многоквартирном доме на Виа Империале неподалеку от Порта-Пинчана, хотя и не предполагал подолгу жить в Риме, особенно зимой. Ему просто хотелось иметь дом, прочный тыл, которого у него не было уже много лет. К тому же жить в Риме было престижно. Рим был частью его новой жизни. Ему будет приятно ска-

зать где-нибудь на Мальорке, или в Афинах, или в Каире: «Да, я живу в Риме. У меня там квартира». Именно так принято говорить в кругу богатых американцев, разъезжающих по свету. Иметь квартиру где-нибудь в Европе было для них так же естественно, как иметь гараж у себя на родине. Тому хотелось также, чтобы его квартира и выглядела изысканно, если даже он не станет приглашать гостей. Сначала он предпочел не иметь телефона, даже если номер не будет включен в телефонную книгу. Но потом установил его, посчитав скорее мерой предосторожности, чем источником опасности. В квартире была большая столовая, спальня, нечто вроде маленькой гостиной, кухня и ванная. Обстановка, пожалуй, чересчур роскошная, но это подходило к респектабельному району и к респектабельной жизни, которую он собирался вести. Квартирная плата составляла сто семьдесят пять долларов в месяц зимой, включая отопление, и сто двадцать пять летом.

Мардж ответила восторженным письмом, где сообщала, что только что получила из Парижа эту красивую шелковую блузку, которая была для нее совершеннейшим сюрпризом и словно на нее сшита. Она писала, что на рождествен-

ском ужине в гостях у нее были Фаусто и супруги Чекки, и индейка была божественной, с орехами и подливкой из гусиных потрохов. И был рождественский пирог и много других яств. Было все, кроме него, Дикки. Она спрашивала, что он поделывает сейчас и о чем думает. И стал ли счастливее? Сообщала, что Фаусто навестит его по пути в Милан, если он в ближайшие дни пришлет свой адрес, а можно еще оставить в Американском агентстве записку для Фаусто, с указанием, где тот может его найти.

Вероятно, ее хорошее настроение объяснялось тем, что Том, как она полагала, отбыл через Париж в Соединенные Штаты. Вместе с письмом Мардж пришло письмо от синьора Пуччи, который сообщал, что продал в Неаполе три предмета из меблировки дома за сто пятьдесят тысяч лир и уже нашелся покупатель на яхту, некий Анастазио Мартино из Монджибелло, который обещал внести задаток в течение недели. А вот дом вряд ли удастся продать раньше лета, когда в городок снова нахлынут американцы. Если вычесть пятнадцать процентов комиссионных синьора Пуччи, сумма, вырученная за мебель, составила двести десять долларов, и Том отпраздновал это событие, заказав в римском ночном клубе

роскошный ужин при свечах, который съел в изысканном одиночестве за столиком на двоих. Он охотно ужинал или ходил в театр один. Это давало возможность сосредоточиться на перевоплощении в Дикки Гринлифа. Он отламывал кусочки хлеба в точности так, как это делал Дикки, отправлял в рот еду, держа вилку в левой руке, точно тем же движением, что и Дикки, благожелательно глазел на соседние столики и на танцующих, погрузившись в такой глубокий транс, что официанту, дабы привлечь внимание, приходилось обращаться к нему вторично. Какие-то люди помахали ему из-за своего столика, и Том узнал американскую супружескую пару, с которой познакомился на приеме в канун сочельника в Париже. Он ответил приветственным жестом. Припомнил даже и фамилию — Саудеры. Больше ни разу за весь вечер не взглянул в их сторону, но они уходили раньше его и остановились возле его столика поболтать.

— В полном одиночестве? — спросил муж. Он был навеселе.

— Да. Я каждый год назначаю здесь свидание самому себе, — ответил Том. — Праздную некий юбилей.

Американец кивнул немного тупо. Он тщетно

старался придумать и сказать что-либо умное, тушуясь, как всякий американский провинциал из маленького городка, перед истым гражданином мира с его выдержкой и спокойствием, деньгами и хорошей одеждой, даже если всем этим щеголял перед ним другой американец.

— Вы ведь говорили, что живете в Риме? — спросила его жена. — Знаете, мы, кажется, забыли вашу фамилию, но вас самого мы помним очень хорошо по тому приему в Париже.

— Гринлиф, — ответил Том. — Ричард Гринлиф.

— Ну да, конечно, — вздохнула с облегчением американка. — У вас здесь квартира?

Она приготовилась запоминать адрес.

— Сейчас я остановился в гостинице, но собираюсь перебраться в квартиру со дня на день, как только там закончатся отделочные работы. Я живу в «Элизео». Может быть, позвоните?

— С удовольствием. Мы здесь проездом на Мальорку, но пробудем еще три дня, а это масса времени.

— Рад был вас повидать, — сказал Том. — Всего доброго.

Оставшись снова один, Том вернулся к своим потаенным мечтаниям. Надо будет открыть

банковский счет на имя Тома Рипли и время от времени класть на него сотню или чуть побольше. Дикки Гринлиф состоял вкладчиком двух банков, в Неаполе и в Нью-Йорке, на обоих счетах было примерно по пять тысяч. Счет на имя Рипли он откроет на две тысячи долларов и положит на него сто пятьдесят тысяч лир за мебель из Монджибелло. Как ни крути, а обеспечить нужно обоих.

Глава 15

Он побывал на Капитолии и вилле Боргезе, вдоль и поперек исходил Форум и под чужим именем взял шесть уроков итальянского у старика по соседству, которого нашел по объявлению в окне. После шестого урока Том решил, что теперь по знанию итальянского сравнялся с Дикки. Он дословно запомнил несколько фраз, в разное время произнесенных Дикки, в которых, как он теперь знал, были ошибки. Дикки не всегда употреблял сослагательное наклонение там, где в итальянском его следует употреблять. Том очень старался не научиться правильно употреблять сослагательное наклонение.

Том купил темно-красного бархата на шторы в гостиной: те, что там висели, раздражали его. Он попросил синьору Буффи, жену управляющего домом, порекомендовать портниху, и та предложила, что сошьет шторы сама. Она запросила две тысячи лир, немногим больше трех долларов. Том всучил ей пять тысяч. Он купил несколько мелочей, чтобы украсить квартиру, хотя никогда никого к себе не приглашал, за исключением при-

влекательного, но не слишком умного молодого человека, американца, с которым познакомился в кафе «Греко»: молодой человек спросил его, как пройти отсюда в гостиницу «Эксельсиор». Им было по пути, и Том зазвал его к себе выпить. Тому хотелось покрасоваться перед парнем и распрощаться навсегда, что он и сделал, угостив его своим лучшим бренди, показав квартиру и поразглагольствовав о приятности жизни в Риме. На следующий день молодой человек уезжал в Мюнхен.

Том тщательно избегал американцев, постоянно проживающих в Риме, которые стали бы приглашать его к себе и ожидать от него ответного приглашения, но с удовольствием болтал с американцами и итальянцами в кафе «Греко» и в студенческих ресторанчиках на Виа Маргутта. Только одному итальянскому художнику по имени Карлино, с которым познакомился в студенческой закусочной на Виа Маргутта, он назвал себя, сказал также, что занимается живописью и берет уроки у художника по имени Ди Массимо. Если полиция когда-либо будет расследовать, что делал Дикки в Риме, когда Дикки, возможно, давно уж исчезнет и превратится в Тома Рипли, этот художник, без сомнения, скажет, что Дик-

ки Гринлиф в январе был в Риме и занимался живописью. Карлино никогда не слышал о Ди Массимо, но Том описал его так живо, что Карлино, вероятно, не забудет его до конца своих дней.

Том был один, сам по себе, но совсем не чувствовал себя одиноким. Как тогда, в Париже, ему казалось, что он играет на сцене, а публика — целый мир, и он должен постоянно быть во всеоружии, ибо сделать ошибку было бы катастрофой. Но он точно знал, что не сделает ошибки. Наверное, такое своеобразное, восхитительное чувство характерно для блестящего актера, играющего главную роль и убежденного, что никто не может сыграть ее лучше, чем он. Он был самим собой и в то же время другим человеком. Он чувствовал себя безупречным и свободным, несмотря на то что его рассудок контролировал каждое движение. Теперь он уже не уставал от этого, как в первое время. Исчезла потребность расслабиться, оставшись наедине с собой. С той самой минуты, как он вставал с постели и шел чистить зубы, он был Дикки Гринлифом и так же, как Дикки, чистил зубы, отставив в сторону локоть, и так же, как Дикки, вращал ложку внутри яичной скорлупы, собирая остатки, так же, как Дикки, неизменно вешал обратно первый

галстук, вынутый из шкафа, и выбирал второй. Том даже написал картину в манере Дикки.

В конце января Том решил, что Фаусто, по-видимому, уже побывал проездом в Риме, хотя в последних письмах Мардж об этом не упоминалось. Мардж писала ему через Американское агентство примерно раз в неделю. Она спрашивала, не нужны ли ему носки или шарф, потому что, несмотря на работу над книгой, свободного времени у нее сейчас предостаточно. Она вставляла в каждое письмо какую-нибудь забавную историю про общих знакомых в Монджибелло, чтобы Дикки не подумал, будто она по нему все глаза выплакала, хотя было совершенно очевидным — так оно и есть. Не приходилось также сомневаться, что она не собирается отбыть в феврале в Штаты, не сделав еще одной отчаянной попытки встретиться с ним лично. Потому-то она и не жалела трудов на длинные письма и вязание носков и шарфа, которые, как был уверен Том, не заставят себя ждать, хотя он и не отвечал на ее письма. Эти письма были ему противны. Прикасаться к ним и то было неприятно, и, едва проглядев, он рвал их в клочки и бросал в мусорную корзинку.

Наконец он написал:

«Я пока отказался от мысли снять квартиру в Риме. Ди Массимо едет на несколько месяцев на Сицилию, и, возможно, я поеду с ним, а оттуда еще куда-нибудь. Планы мои неопределенны, но мне как раз и нравится эта свобода, тем более в том настроении, какое у меня сейчас.

Не посылай мне носков, Мардж. Честное слово, мне ничего не нужно. Желаю удачи с книгой».

У Тома был билет на Мальорку: поездом до Неаполя, потом теплоходом из Неаполя в Пальму в ночь с тридцать первого января на первое февраля. Он купил два новых чемодана в магазине «Гуччи», лучшем магазине кожаных изделий в Риме: один — большой, мягкий, из кожи антилопы, другой — изящный, матерчатый, желтовато-коричневый, с коричневыми кожаными ремнями. На обоих были инициалы Дикки. Один из своих собственных двух чемоданов, более потертый, он выбросил, а оставшийся, набитый его собственными вещами, держал в стенном шкафу на всякий пожарный случай. Но Том не предполагал, что такой случай произойдет. Затопленную лодку в Сан-Ремо так и не

нашли. Том каждый день тщательно просматривал газеты в поисках сообщения о находке.

Однажды утром, когда Том укладывал чемоданы, кто-то позвонил в наружную дверь. Он подумал, что это какой-нибудь торговый агент или кто-либо ошибся адресом. Рядом с его звонком не было таблички с фамилией, и он предупредил управляющего, что не желает этого, ибо не любит незваных гостей. Позвонили второй раз, но Том по-прежнему не обратил внимания и продолжал мечтательно паковаться. Он любил паковаться и, отведя на это полный день или даже два, любовно укладывал вещи Дикки в чемоданы, то и дело примеряя перед зеркалом красивую рубашку или куртку. Он стоял перед зеркалом, застегивая синюю с белым, с рисунком, изображающим моржей, спортивную рубашку Дикки, которую тот ни разу не надевал. И в это время в дверь постучали.

У Тома мелькнула мысль, что это Фаусто. Как раз в духе Фаусто было выследить его в Риме и сделать ему сюрприз. Впрочем, что за глупости, наверняка просто ошибка. Но пока он шел к двери, у него вспотели и похолодели ладони. Еще немного, и он упадет в обморок, а ведь как нелепо будет выглядеть этот обморок, и мало ли что мо-

жет случиться, если его найдут лежащим на полу. Подумав об этом, он заставил себя двумя руками дернуть дверь, которую, однако же, ему удалось приоткрыть едва ли на десять сантиметров.

— Привет! — сказали по-английски из полумрака прихожей. — Дикки? Это я, Фредди!

Том отступил назад, потянул на себя дверь.

— Он… Заходите, пожалуйста. Его сейчас нет. Он придет попозже.

Фредди Майлз вошел и огляделся. Его некрасивое веснушчатое лицо поворачивалось во все стороны. Как, черт побери, ему удалось найти квартиру? Том поспешил стащить с пальцев перстни и сунуть их в карман. Что еще нужно сделать? Том быстро обвел глазами комнату.

— Вы живете у него? — спросил Фредди, посмотрев тем самым косым удивленным взглядом, который делал его похожим на испуганного идиота.

— Да нет. Я зашел ненадолго, — сказал Том, небрежно снимая рубашку с моржами. Под ней у него была другая рубашка. — Дикки вышел перекусить. Кажется, он сказал, что пойдет в «Отелло». И вернется часа в три.

Наверное, кто-нибудь из Буффи впустил Фредди и показал, в какой звонок звонить, а также

сказал, что синьор Гринлиф дома. Быть может, Фредди представился старым другом Дикки. Теперь надо ухитриться выпроводить Фредди из дому, не столкнувшись внизу с синьорой Буффи, которая всегда приветствовала его певучим: «Buon' giorno[18], синьор Гринлиф!»

— Я встречался с вами в Монджнбелло, не так ли? — спросил Фредди. — Ведь вы Том? Я думал, вы приедете в Кортино.

— Не получилось, к сожалению. А как было в Кортино?

— Чудесно. Что же случилось с Дикки?

— Разве он вам не написал? Он решил провести зиму в Риме. Он говорил мне, что написал вам.

— Ни словечка. Правда, может быть, он написал во Флоренцию. Но я был в Зальцбурге, и я давал ему адрес. — Фредди присел на длинный стол, смяв зеленую шелковую скатерть. Он улыбался. — Мардж сказала, что он переехал в Рим, но у нее не было адреса, кроме Американского агентства. Мне просто повезло, что я узнал адрес этой квартиры. Вчера вечером я случайно встретился в кафе «Греко» с человеком, который, как оказалось, знает его адрес. Зачем…

---

[18] Примечания: 18
Добрый день (ит.).

— Кто он? — спросил Том. — Американец?

— Нет, итальянский парнишка. Совсем молоденький. — Фредди уставился на ботинки Тома. — У вас такие же ботинки, как у нас с Дикки. Им сносу нет, верно? Свои я купил в Лондоне семь лет назад.

На ногах у Тома были старые коричневые ботинки Дикки.

— Я свои купил в Америке, — сказал Том. — Может быть, хотите выпить или вы торопитесь поймать Дикки в «Отелло»? Вы знаете, где это? Ждать его здесь вряд ли стоит, обычно он приходит после ленча не раньше трех. Я сам тоже скоро уйду.

Фредди прогулялся по комнате, дошел до двери в спальню и остановился, увидев чемоданы на кровати.

— Дикки собирается уезжать или, наоборот, только что приехал? — спросил он, оборачиваясь.

— Он уезжает. Мардж вам не говорила? Он собирается на Сицилию.

— Когда?

— Завтра. Или сегодня ночью. Не знаю точно.

— Скажите, что происходит с Дикки в последнее время? — спросил Фредди, нахмурив брови.

— С чего это вдруг он удалился от мира?

— Он говорит, что очень много работал этой зимой, — сказал Том первое, что пришло в голову. — И теперь ему хочется побыть одному. Но, насколько мне известно, он остался в дружбе со всеми, в том числе с Мардж.

Фредди снова улыбнулся и расстегнул пальто — свободное пальто из верблюжьего сукна, сшитое на заказ.

— Со мной он не останется в дружбе, если будет и дальше подводить меня. Вы уверены, что он в дружбе с Мардж? Из разговора с ней у меня создалось впечатление, что они поссорились. Я подумал, возможно, поэтому-то они и не приехали в Кортино. — Фредди выжидательно глянул на Тома.

— По крайней мере, я об этом ничего не знал. Желая дать понять Фредди, что собирается уходить, Том подошел к стенному шкафу за пиджаком, но вовремя сообразил, что серый пиджак, подходящий к его брюкам, может быть опознан как собственность Дикки, если Фредди видел этот костюм на своем приятеле. Том полез в дальний угол за своими собственными пиджаком и плащом. Плечи плаща вытянулись, как будто он висел на вешалке много недель. Впрочем,

так оно и было. Повернувшись, Том увидел, что Фредди не отрывает глаз от серебряного браслета с личным знаком на его левом запястье. Это был браслет Дикки, который тот ни разу не надевал в присутствии Тома. Том нашел его в шкатулке с запонками. Но, судя по тому, как смотрел на браслет Фредди, он-то видел его и раньше. Том небрежно надел плащ.

Теперь Фредди смотрел на него с выражением легкого недоумения. Том знал, что подумал Фредди. Он внутренне сжался, почуяв опасность. «Ты еще не вышел сухим из воды, — сказал он себе. — Ты еще не вышел из дому».

— Ну что, готовы? — спросил Том.

— Вы все-таки живете здесь, правда?

— Нет! — улыбнулся Том. Глаза на некрасивом веснушчатом лице под ярко-рыжей шевелюрой таращились на него. Если бы только выбраться из дому, не нарвавшись на синьору Буффи! — Пошли, — сказал он.

— Как я погляжу, Дикки увешал вас своими драгоценностями.

Том не нашелся что ответить. Лучше бы всего шуткой, но шутка не приходила в голову.

— Он просто дал мне его поносить, — сказал Том самым своим вкрадчивым голосом. — Дикки

надоело носить его, и он на время предложил его мне.

Том имел в виду браслет, но вспомнил, что у него еще и серебряный зажим на галстуке с выгравированной буквой «Т». Его он купил себе сам. Том чувствовал нарастающую враждебность Фредди Майлза так же отчетливо, как если бы от его огромного тела исходил жар, который Том ощущал на расстоянии. Фредди, здоровенный бугай, наверняка ненавидел гомосексуалистов и мог зверски избить человека, подозреваемого в этом грехе, в особенности при таких отягчающих обстоятельствах. Глаза его пугали Тома.

— Да, я готов, пошли, — мрачно сказал Фредди, вставая. Он подошел к двери и повернулся всем своим массивным корпусом. — Вы имеете в виду бар «Отелло» неподалеку от «Англии»?

— Да, — сказал Том. — Он должен быть там к часу дня.

Фредди кивнул.

— Рад был вас повидать, — сказал он неприязненно и закрыл за собой дверь.

Том шепотом выругался. Он приоткрыл дверь и прислушался к быстрым шагам Фредди, спускавшегося по лестнице. Он хотел убедиться, что Фредди ушел, не поговорив еще раз с кем-либо из

супругов Буффи. Но вот он услышал голос Фредди, произносящий: «Добрый день, синьора». Том перегнулся через перила. Тремя этажами ниже увидел кусок рукава Фредди. Тот по-итальянски разговаривал с синьорой Буффи. Ее голос доносился яснее.

— Никого, кроме синьора Гринлифа, — говорила она. — Нет, только он один… Синьор Ри… Нет, синьор. По-моему, он сегодня вообще не выходил из дому. Но разумеется, я могу ошибаться. — Она рассмеялась.

Том с такой силой сжал руками перила, точно это была шея Фредди. Но вот он услышал шаги Фредди, взбегавшего вверх по ступеням. Том вернулся в квартиру и запер дверь. Конечно, он может стоять на своем, утверждая, что не живет здесь, что Дикки пошел в «Отелло» или что он не знает, где Дикки, но теперь Фредди не успокоится, пока не найдет своего друга. А может быть, Фредди потащит его вниз и спросит синьору Буффи, кто он такой.

Фредди постучал в дверь. Потом повернул ручку, пытаясь войти, но дверь была заперта. Том нашарил тяжелую стеклянную пепельницу. Она не помещалась в руке целиком, и пришлось держать ее за один угол. Он подождал ровно две

секунды, чтобы обдумать, нет ли другого выхода и что он будет делать с трупом. Но он не мог думать. Этот выход был единственным. Одной рукой он открыл дверь. Другую руку с пепельницей держал за спиной.

Фредди вошел в комнату.

— Потрудитесь объяснить мне…

Удар закругленным краем пепельницы пришелся посередине лба. Взгляд у Фредди был изумленный. Потом его колени подогнулись, и он упал, точно бык, которого ударили молотком между глаз. Том пинком ноги захлопнул дверь. Стукнул Фредди краем пепельницы по затылку. Бил по затылку еще и еще, в ужасе от мысли, что Фредди, возможно, просто притворяется и сейчас вдруг схватит Тома ручищей за щиколотки и повалит на пол. От удара по голове показалась кровь. Выругавшись про себя, Том побежал в ванную, принес полотенце и подложил Фредди под голову. Взял Фредди за запястье, пощупал пульс. Пульс был, но совсем слабенький, и, похоже, трепетание его тут же замерло, будто Том нажатием пальцев остановил его. Еще секунда — и пульса не стало. Том прислушался к звукам за дверью. Он представлял себе робко улыбающуюся синьору Буффи, которая всегда появлялась

у него, когда опасалась, что пришла не вовремя. Но не было слышно ни звука. Да и туда, наружу, вряд ли донеслись из квартиры какие-нибудь звуки. И удары пепельницей, и падение тела были глухими. Том глянул на тушу на полу, и ему вдруг стало противно и страшно.

Было всего половина первого, стемнеет еще очень не скоро. А вдруг у Фредди свидание и его ждут? Может быть, внизу стоит машина? Том обыскал карманы Фредди. Бумажник. Во внутреннем нагрудном кармане пальто американский паспорт. Монеты, итальянские и еще какие-то. Футляр с ключами. Два ключа от машины на кольце, на котором выгравировано «Фиат». Он поискал в бумажнике водительские права. Вот они со всеми данными: «Фиат-1400» с откидным верхом, 1955. Если машина где-нибудь по соседству, он сможет ее найти. Во всех карманах Том тщательно поискал гаражный талон, он так и не нашел его. Подошел к окну на улицу и едва не улыбнулся, так все оказалось просто: черная открытая машина стояла на другой стороне, почти перед домом. В машине, похоже, никого не было.

Тома осенило: теперь он знал, что надо делать. Он стал придавать комнате определенный вид. Вынул из бара бутылки с джином и вермутом, по-

размыслив, еще и перно, потому что запах у него резче. Поставил бутылки на длинный стол и в высоком бокале смешал мартини, положив пару кубиков льда. Отпил из него немного, чтобы оставить отпечатки пальцев, перелил часть коктейля в другой бокал, поднес к Фредди, прижал к стеклу его вялые пальцы и поставил бокал обратно на стол. Посмотрел на рану и убедился, что кровотечение прекратилось или вот-вот прекратится и кровь не просочилась сквозь полотенце на пол. Приподнял Фредди, прислонив его к стене, и влил ему в глотку неразбавленного джина из бутылки. Это не очень получилось, большая часть пролилась на рубашку, но вряд ли итальянская полиция и в самом деле будет проводить тест на алкоголь в крови. Взгляд Тома нечаянно остановился на лице Фредди, рвотная судорога свела ему желудок, и он быстро отвернулся. Больше никогда не надо этого делать. Голова у него закружилась. Казалось, он близок к обмороку.

«Еще не хватало, чтобы я сейчас грохнулся в обморок», — подумал Том, отшатнувшись и пробираясь через комнату к окну. Неодобрительно поглядев на черную машину, глубоко вдохнул свежий воздух. Нет, он не упадет в обморок! Он точно знал, что будет сейчас делать. Перно для

них обоих. Еще два бокала с их отпечатками пальцев и остатками перно. И пепельницы должны быть полны. Фредди курил «Честерфилд». Потом Аппиева дорога. Одно из этих темных местечек позади надгробий. Большие отрезки Аппиевой дороги не освещались фонарями. Бумажника Фредди не найдут. Мотив убийства — ограбление.

У Тома в запасе было много часов, но он не успокоился, пока полностью не привел комнату в должный вид: дюжина сигарет «Честерфилд» и примерно столько же «Лаки страйк» догорели, пепельницы были полны окурков. Один бокал с перно разбит, половина осколков так и осталась на кафеле ванной. И он странным образом как бы раздвоился: столь тщательно создавая все эти декорации, представлял себе, как он, Том Рипли, будет еще более неторопливо убирать все это. Скажем, сегодня вечером между девятью часами, когда, вероятно, будет найдено тело, и полуночью, когда полиция может решить, что есть смысл допросить и его. Ведь кто-либо мог знать о намерении Фредди заглянуть сегодня к Дикки Гринлифу. И одновременно точно знал, что как миленький уберет все это к восьми часам, потому что, согласно версии, которую он

собирался рассказать, Фредди ушел от него в семь (как и на самом деле Фредди покинет его дом в семь часов), а Дикки Гринлиф был аккуратист и терпеть не мог беспорядка, даже когда был немного выпивши. Но смысл всего этого бардака в квартире заключался в том, чтобы подтвердить для него самого версию, которую он собирался рассказать и в которую для этого должен был сам поверить.

И в любом случае завтра утром в десять тридцать Том уедет в Неаполь и на Мальорку, если только полиция по каким-либо причинам не задержит его. Если завтра утром прочтет в газетах, что труп найден, а полиция не сделает попытки выйти на него, есть смысл добровольно явиться и рассказать: Фредди Майлз был у него и ушел во второй половине дня. Правда, врач сможет определить, что смерть наступила где-то в полдень.

А сейчас, средь бела дня, никак нельзя вывезти труп. И надо выбраться из дому так, чтобы ни одна душа не видела, независимо от того, удастся ли ему с достаточной долей непринужденности разыграть, будто он тащит вниз по лестнице приятеля, упившегося до бесчувствия, или нет. Так, чтобы он мог сказать, мол, Фредди ушел от него часа в четыре или пять.

Пять или шесть часов ждать темноты было очень страшно, на минуту Том испугался, что не выдержит. Эта туша на полу! И он ведь вообще не собирался убивать Фредди. Все это было так некстати — Фредди, его мерзкие грязные подозрения… Дрожа, Том сидел на краешке стула и хрустел пальцами. Ему хотелось выйти прогуляться, по он не решался оставить в квартире труп. Кстати, если бы они с Фредди действительно пили и разговаривали, из квартиры доносился бы шум. Том включил радио и нашел станцию, по которой передавалась танцевальная музыка. Он может, по крайней мере, выпить. Это входит в сюжет пьесы. Он приготовил еще два мартини со льдом. Ему даже и не хотелось, но он выпил.

Спиртное лишь обострило его восприятие. Он смотрел на труп Фредди — длинное массивное тело, поверх которого сбилось в неопрятную груду съехавшее пальто, и не мог собраться с силами или с духом, чтобы его расправить, хотя это раздражало. Он думал о том, какой печальной, глупой, нелепой и чреватой опасностями для него была эта смерть и как жестоко и несправедливо по отношению к Фредди все получилось. Конечно, он противный тип, ничего другого не скажешь. Тупой эгоистичный ублюдок, который

насмехался над лучшим другом Тома — Дикки, безусловно, был его лучшим другом — только потому, что подозревал его в сексуальных отклонениях. Какой же тут секс? Какие отклонения? Он взглянул на Фредди и произнес тихо и с горечью:

— Фредди Майлз, ты стал жертвой собственной испорченности.

Глава 16

Он прождал почти до восьми, потому что часов в семь в доме всегда происходило наибольшее движение народа. Без десяти восемь прогулялся вниз по лестнице, дабы убедиться, что синьора Буффи не возится в холле, дверь к ней закрыта и в машине Фредди действительно никого нет, хотя он уже спускался часов в пять посмотреть на машину и удостоверился, что это точно машина Фредди. Бросил на заднее сиденье его пальто. Вернулся к себе, встал на колени, закинул руку Фредди себе на шею, стиснул зубы и поднял его. Пошатываясь, толчками передвинул тяжелую ношу повыше. Он уже поднимал сегодня Фредди, чтобы проверить, по силам ли ему это, и оказался в состоянии пройти не больше двух шагов по комнате, придавленный тяжестью гигантской туши; сейчас Фредди был так же тяжел, но разница заключалась в том, что теперь его — никуда не денешься! — обязательно надо было вытащить из квартиры. По квартире Том тащил Фредди волоком, так было чуть легче. Потом вытащил труп на лестницу, локтем захлопнул дверь и на-

чал спускаться. На середине ближайшего марша остановился, услышав, что кто-то выходит из квартиры на втором этаже. Том подождал, пока этот человек не спустился вниз и не вышел из парадной двери, потом медленно пошел дальше. На голове у Фредди была шляпа Дикки, которая скрывала слипшиеся от крови волосы. Перед выходом Том целый час накачивался смесью джина и перно, приведя себя таким образом в точно рассчитанную стадию опьянения; он еще мог двигаться свободно и уверенно и при этом обрел смелость и даже безрассудство, достаточное, чтобы не дрогнув идти на риск. Уже с самого начала он заведомо пошел на риск — могло случиться самое худшее, а именно — что он просто-напросто рухнет под тяжестью Фредди, не донеся его до машины. Он поклялся, что ни разу не остановится передохнуть. Он и не остановился. Никто больше не выходил из квартир, никто не входил в парадную дверь. В долгие часы ожидания Том изощрялся, воображая всякие неприятные неожиданности: синьора Буффи или ее супруг выйдут из своей квартиры в то самое мгновение, когда он спустится до конца лестницы, или он сам упадет в обморок, и их с Фредди обоих найдут растянувшимися на лестнице, или он опустит

Фредди, чтобы передохнуть, а потом не сможет снова поднять его. Том воображал все это с такой силой, мучаясь в своей квартире на верхнем этаже, что, когда спустился по лестнице до самого низа и ничего такого не произошло, ему показалось, что он спустился с помощью какого-то волшебства с удивительной легкостью, несмотря на тяжелую ношу.

Он выглянул наружу через стекло двойной парадной двери. Улица выглядела обычно: прохожий шел по тротуару на противоположной стороне, но ведь всегда кто-нибудь да идет по тротуару с той или с другой стороны. Он приоткрыл первую дверь одной рукой, ногой распахнул ее и протащил тело Фредди. В тамбуре между дверьми переложил Фредди на другое плечо и на миг преисполнился гордым сознанием своей физической силы. Но тут же ошеломила боль, с которой отходила от напряжения освобожденная рука. Эта рука слишком устала даже для того, чтобы обхватить труп. Том еще сильнее стиснул зубы и, шатаясь, ударяясь бедром о каменные перила, преодолел четыре ступеньки крыльца.

Еще один прохожий, приблизившись, замедлил шаг, будто собираясь остановиться, но Том продолжал путь.

Если кто-нибудь подойдет, Том дыхнет ему в лицо таким перегаром перно, что всякая причина спрашивать, в чем дело, отпадет. Черт бы побрал их всех… Черт бы побрал их всех… Черт бы побрал их всех, повторял про себя Том, неровным шагом сходя с тротуара. Прохожие, безобидные прохожие. Теперь их было четверо. Но двое даже не взглянули на него. Он остановился, пропуская машину. Затем, сделав несколько быстрых шагов, просунул голову и одно плечо Фредди в открытое окно «фиата» и, подпирая тело Фредди своим собственным, переводя дух, огляделся в свете фонаря на другой стороне, всмотрелся в тени перед своим домом.

Тут младший отпрыск Буффи выбежал из парадного и пустился бежать по тротуару, не взглянув в сторону Тома. Потом прохожий пересек улицу в двух шагах от машины, лишь мельком и с легким удивлением взглянув на согбенную фигуру Фредди, которая сейчас выглядела почти естественно, как если бы тот наклонился к кому-то в машине, разговаривая с ним, вот только совсем естественно она все-таки не выглядела, и Том это знал. Но к счастью, мы в Европе, подумал он. Здесь никто никому не помогает, никто не суется не в свое дело. Будь мы в Америке…

— Могу я вам помочь? — раздался вопрос по-итальянски.

— Нет-нет, спасибо, — ответил Том по-итальянски с пьяной жизнерадостной улыбкой. И добавил невнятно по-английски: — Я знаю, где он живет.

Прохожий кивнул, тоже улыбнулся и пошел своей дорогой. Высокий худой мужчина в плаще, с непокрытой головой, усатый. Том надеялся, что он все забудет. Или запомнит только машину. Том перевалил Фредди в машину, на сиденье рядом с водительским. Надел коричневые кожаные перчатки, которые заранее сунул в карман пальто. Вставил ключ Фредди в замок зажигания. Стартер послушно заработал, и машина тронулась с места. Спустились с холма к Виа Венето, миновали Американскую библиотеку, площадь Венеции. Проехали мимо балкона, с которого Муссолини произносил свои речи, мимо гигантского памятника Виктору Эммануилу, через Форум, мимо Колизея. Великолепный осмотр достопримечательностей Рима, который Фредди, однако же, совсем не оценил. Похоже было, будто Фредди заснул на своем сиденье, как, бывает, засыпают люди, которых утомили достопримечательности.

Старая Аппиева дорога протянулась перед Томом, серая и древняя, в мягком свете редких фонарей. Черные обломки гробниц возвышались по обе ее стороны, вырисовываясь на фоне еще не совсем темного неба. И все же тьмы было больше, чем света. Почти никакого движения, только одна машина ехала навстречу. Не многие выберут такую тряскую, плохо освещенную дорогу в январе после наступления темноты. Разве что любовники. Разминувшись со встречной машиной, Том стал осматриваться в поисках подходящего места. Хотел положить Фредди позади красивой гробницы. Увидел впереди три или четыре дерева у самого края дороги, а за ними, несомненно, склеп или остаток склепа. Поравнявшись с деревьями, Том свернул с дороги и выключил фары.

Немного подождал, вглядываясь то в один, то в другой конец прямой безлюдной дороги.

До той поры Фредди был податлив, как резиновая кукла. Что там болтают насчет rigor mortis?[19] Том грубо выволок вялое тело, лицом в грязь, потащил за деревья и за небольшую развалину гробницы, зазубренную полукруглую стену высотой чуть больше метра. Но, подумал

---

[19] Примечания: 19
Мертвенная окоченелость (лат.).

Том, возможно, это обломок патрицианского склепа, он достаточно хорош для этой свиньи. Том ругался последними словами, проклиная уродство Фредди и его тяжесть, и вдруг пнул его ногой в челюсть. Он устал, устал до слез, Фредди Майлз надоел ему до тошноты. Он с нетерпением ждал, когда наконец-то сможет отвязаться от него навсегда. На ходу отметил, что земля сухая и твердая и на ней не останется следов. Швырнул пальто рядом с трупом, быстро повернулся, нетвердо зашагал к машине на онемелых ногах и развернул ее в сторону.

Прежде чем отъехать, вытер рукой в перчатке внешнюю сторону дверцы, чтобы уничтожить отпечатки пальцев. Это было единственное место, к которому он прикасался до того, как надел перчатки. Он припарковал машину на углу улицы, поворачивающей к Американскому агентству, напротив ночного клуба «Флорида», и вышел, оставив ключи в замке. Бумажник Фредди был все еще у него в кармане, хотя итальянские деньги он переложил в свой собственный, а купюры в двадцать швейцарских франков и несколько австрийских шиллингов сжег у себя в квартире. Теперь он вынул бумажник Фредди и, проходя мимо канализационной решетки, бросил его в

щель.

Он сделал только две ошибки, думал Том по дороге домой. Логично было бы, если бы грабители взяли и пальто, ведь пальто было хорошее, а также и паспорт, который остался в нагрудном кармане. Но не всегда грабитель поступает логично, тем более итальянский. Да и не всякий убийца поступает логично. Мысленно он вернулся к разговору с Фредди. «…Итальянский парнишка. Совсем молоденький». Кто-то выследил его, ведь сам он ни одной живой душе не говорил, где живет. Как же он так оплошал! Возможно, двоетрое мальчишек-рассыльных знали его адрес, но мальчишка-рассыльный не пойдет в кафе «Греко». Как же он так опростоволосился! Том съежился под плащом. Он воображал смуглое молодое лицо парня, тяжело дыша идущего за ним по пятам, оглядывающего фасад дома, куда вошел Том, чтобы запомнить, в каком окне зажегся свет. Том сгорбился и прибавил шагу, как будто убегал от маньяка.

Глава 17

Около восьми утра Том вышел купить газету. Там ничего не было. Возможно, пока тело найдут, пройдет не один день. Вряд ли кто-либо станет обходить со всех сторон не представляющую исторической ценности гробницу вроде той, позади которой он положил Фредди. В своей безопасности Том был уверен, но чувствовал себя разбитым. Из-за тяжелого похмелья шалили нервы, он не мог доделать ни одного из дел, за которые брался, вплоть до того, что, не дочистив зубы, пошел проверить, вправду ли его поезд отправляется в десять тридцать, а не в десять сорок пять. Поезд отправлялся в десять тридцать.

К девяти он был полностью готов, одет, а пальто и плащ лежали на кровати. Он успел поговорить с синьорой Буффи, сказав, что будет в отлучке не менее трех недель, а то и дольше. Синьора Буффи была такая же, как всегда, и ни словом не помянула вчерашнего американского гостя. Том пытался придумать такой поворот разговора, который позволил бы ему как бы невзначай выяснить ее истинные мысли по поводу вопросов Фредди, но

не сумел и решил оставить это. Лучше считать, что все прекрасно. Том старался победить похмелье доводами рассудка, он ведь выпил самое большее три мартини и три перно. Он знал, что все дело в самовнушении и похмелье оттого, что он собирался притвориться, будто много выпил с Фредди. Этого не понадобилось, но он непроизвольно все еще притворялся.

Зазвонил телефон, Том снял трубку и мрачно сказал:

— Pronto[20].

— Синьор Гринлиф? — спросил итальянский голос.

— Да.

— Qui paria la stazione polizia nomero ottantatre. Lei e un amico dl un'americano chi se chiama Fredderick Mee-Layse?[21]

— Фредерик Майлз?

— Да, — сказал Том. Взволнованной скороговоркой полицейский объяснил, что труп Фредерика Майлезе найден сегодня утром на старой Аппиевой дороге, а синьор Майлезе вчера какое-то

---

[20] Примечания: 20

Алло (ит.).

[21] Примечания: 21

Говорят из полицейского участка номер восемьдесят три. Вы друг американца по имени Фредерик Майлезе? (ит.)

время был в гостях у него, синьора Гринлифа, не так ли?

— Да, именно так.

— А в какое время?

— Примерно с полудня до… ну, наверно, часов до пяти или шести. Не помню точно.

— Не будете ли вы любезны ответить на несколько вопросов?.. Нет, не трудитесь приезжать. Следователь приедет к вам. Сегодня в одиннадцать утра вас устроит?

— Буду очень рад помочь, если смогу, — сказал Том, изобразив голосом подобающее волнение, — но не может ли следователь прийти прямо сейчас? Мне необходимо уйти из дому в десять.

В трубке прозвучало что-то вроде стона. Полицейский сказал, что это вряд ли получится, но они попробуют. Если им не удастся прийти до десяти, они просят его не выходить из дому, это очень важно.

— Va bene[22], — согласился Том и повесил трубку.

Черт бы их побрал! Теперь он не попадет ни на поезд, ни на теплоход. Его самым горячим желанием было выбраться, покинуть Рим и эту

---

[22] Примечания: 22
Хорошо (ит.).

квартиру. Он стал собираться с мыслями для разговора со следователем. Все было очень просто, даже скучно. Он скажет истинную правду. Они выпили, Фредди рассказывал о Кортино, они долго беседовали. Потом Фредди ушел, может быть слегка перебрав, зато в прекрасном настроении. Нет, он не знает, куда пошел потом Фредди. Похоже, на вечер у него было назначено свидание.

Том пошел в спальню и поставил на мольберт картину, которую начал писать несколько дней назад. Краски на палитре все еще были влажные, потому что он держал палитру в тазу на кухне так, чтобы на нее капала вода. Он смешал белую и голубую краски и стал наносить мазки на серовато-голубое небо. Вообще-то картина была выдержана в любимых Дикки Гринлифом ярких тонах — красновато-коричневом и кипенно-белом — и изображала римский пейзаж: открывавшиеся из окна крыши и стены. Небо было единственным отклонением, но зимой небо в Риме такое пасмурное, что даже Дикки написал бы его серовато-голубым, а не цвета электрик. Том нахмурил брови, как всегда хмурил брови Дикки во время занятий живописью.

Телефон снова зазвонил. Том вполголоса выругался и пошел снять трубку.

— Алло!

— Алло! Это Фаусто, — прозвучало в трубке, — come sta?[23] — И знакомый, бьющий ключом, неистовый молодой смех.

— О-о, Фаусто! Спасибо, хорошо! Извини меня, — продолжал Том, он говорил по-итальянски голосом Дикки, в манере Дикки — смеясь и немного рассеянно. — Я пытаюсь писать картину… попытка с негодными средствами…

Том старался говорить голосом Дикки, только что узнавшего о гибели своего друга Фредди, и вместе с тем голосом Дикки в обычное утро, выкладывающегося за работой.

— Можно пригласить тебя на ленч? Мой поезд на Милан отходит в четыре пятнадцать.

Том тяжело вздохнул, как вздыхал Дикки:

— Я уезжаю в Неаполь. Да, прямо сейчас, через двадцать минут.

Если удастся избежать встречи с Фаусто, незачем и говорить ему о звонке из полиции. Газеты сообщат новость об убийстве Фредди не раньше полудня, а то и позднее.

— Но я здесь! В Риме! Дай мне адрес! Я на вокзале! — весело, со смехом кричал в телефон

---

[23] Примечания: 23
Как дела?(ит.)

Фаусто.

— Как ты узнал мой телефон?

— Позвонил в справочное бюро. Там сказали, что ты не даешь своего телефона, но я наплел целую историю, будто ты, мол, выиграл в лотерею в Монджибелло. Может, девица из справочного и не поверила, по на размер выигрыша я не поскупился. Дом, и корова, и колодец, и даже холодильник. Пришлось перезвонить три раза, но в конце концов она дала мне телефон. Дикки, где ты живешь?

— Это не важно. Мы бы встретились за ленчем, если бы мне не надо было на поезд, но вот видишь…

— Я помогу тащить вещи! Скажи, где ты живешь? Я приеду на такси, и мы поедем вместе.

— Не успеешь. Давай встретимся на вокзале через полчаса. Поезд в десять тридцать до Неаполя.

— Договорились.

— Как там Мардж?

— А, innamorata di te![24], — сказал, смеясь, Фаусто. — Ты собираешься встретиться с ней в Неаполе?

— Да нет, не собираюсь. Мы увидимся через

---

[24] Примечания: 24
Влюблена в тебя (ит.).

десять минут, Фаусто. Сейчас мне надо спешить. Arrividerch[25].

— До скорого, Дикки! Пока! — Он повесил трубку.

Когда Фаусто увидит сегодняшние газеты, он поймет, почему Дикки не пришел на вокзал, а до того будет думать, что они не встретились случайно. Возможно, Фаусто увидит газеты уже в полдень, ведь итальянская пресса не упустит такой сенсации — убийство американца на Аппиевой дороге. После разговора с полицией Том поедет в Неаполь на другом поезде, не раньше четырех, когда Фаусто уже не будет на вокзале. И в Неаполе подождет следующего теплохода до Мальорки.

Только бы Фаусто не выпытал в справочном бюро еще и его адреса и не вздумал явиться сюда до четырех часов. Только бы Фаусто не ввалился в квартиру, когда здесь будет полиция.

Том задвинул два чемодана под кровать, третий поставил в степной шкаф и закрыл дверь. Он не хотел наталкивать полицию на мысль, что он собирается вот-вот уехать. Но из-за чего он так волнуется? Вряд ли они напали на след. Возмож-

---

[25] Примечания: 25
До свидания (ит.).

но, кто-нибудь из приятелей Фредди знал, что тот собирается разыскать его вчера, вот и все. Том взял кисть и смочил ее в плошке со скипидаром. Пусть полицейские видят, что он не так уж и расстроен известием о гибели Фредди. Он даже в силах немного поработать в ожидании допроса, хотя одет был для выхода на улицу. Он же сказал им, что собирается уходить. Да, он приятель Фредди, по не слишком близкий.

Синьора Буффи впустила полицейских в половине одиннадцатого. Том смотрел вниз с лестничной площадки. Они не остановились расспросить синьору Буффи. Том вернулся в квартиру. В комнате стоял острый запах скипидара.

Их было двое: постарше, в форме офицера, и помоложе, в форме рядового полицейского. Тот, что постарше, вежливо поздоровался и попросил Тома предъявить паспорт. Том предъявил, и офицер перевел острый взгляд с его лица на фотокарточку Дикки. Никто доселе не рассматривал ее так пристально, и Том собрал волю в кулак, готовясь встретить опасность. Но ничего не произошло. Полицейский вернул паспорт с легким поклоном и улыбкой. Это был низенький человек средних лет, похожий на тысячи других итальянцев средних лет, с густыми с проседью

бровями и коротенькими густыми черными с проседью усами. Он не выглядел ни особенно сообразительным, ни безнадежно тупым.

— Как его убили? — спросил Том.

— Ударили по голове и по затылку тяжелым предметом, — ответил полицейский, — и ограбили. Мы полагаем, что он был пьян, когда уходил от вас вчера?

— Да… немного. Мы с ним выпили. Мы пили мартини и перно.

Полицейский записал это в блокнот, записал и время, которое, по словам Тома, провел у него Фредди — примерно с полудня и приблизительно до шести.

Полицейский помоложе с красивым бесстрастным лицом прогуливался по квартире, заложив руки за спину. С рассеянным видом наклонился к мольберту, как будто был в музее и один.

— Вы знаете, куда он собирался пойти от вас?

— Нет, не знаю.

— Но вы сочли, что он в состоянии вести машину?

— Да, конечно. Он был пьян, но вполне мог вести машину. Иначе я поехал бы с ним.

Офицер задал еще один вопрос, и Том притворился, что не совсем понял. Полицейский задал

вопрос вторично, выбирая другие слова, и, улыбаясь, переглянулся со своим подопечным. Том переводил глаза с одного на другого, немного обиженно. Полицейский хотел знать, каковы были отношения между ним и Фредди.

— Он был мой приятель, — сказал Том. — Не слишком близкий. Я не видел его и не получал от него весточки месяца два. Я ужасно расстроился, когда сегодня утром услышал об этом несчастье. — Том придал своему лицу озабоченное выражение, которое должно было возместить бедность его словаря. Кажется, он добился своей цели. Допрос был очень поверхностным, а полицейские, похоже, собирались уйти через две-три минуты.

— В котором часу его убили? — спросил Том.

Полицейский все еще писал. Он поднял свои кустистые брови.

— Очевидно, сразу же после того, как этот синьор ушел от вас, потому что, по мнению врачей, смерть наступила по меньшей мере двенадцать часов назад, а может быть, и раньше.

— В котором часу его нашли?

— Сегодня на рассвете. Его нашли рабочие, которые шли по дороге.

— Dio mio![26] — пробормотал Том.

— Он не говорил, что собирается совершить прогулку по Аппиевой дороге?

— Нет, — сказал Том.

— Что вы делали вчера после того, как ушел синьор Майлезе?

— Я оставался здесь, — сказал Том и широко повел руками, как сделал бы Дикки, — а потом немного поспал. А попозже, в восемь или в половине девятого, вышел прогуляться.

Сосед по дому, чьей фамилии Том не знал, встретился ему вчера примерно без четверти девять, когда он возвращался домой, и они сказали друг другу «добрый вечер».

— Вы гуляли один?

— Да.

— А синьор Майлезе уехал отсюда один? Вы не знаете, он не собирался с кем-нибудь встречаться?

— Не знаю. Он ничего такого не говорил. Интересно, были ли у Фредди приятели, с кем он вместе жил в гостинице или где там он остановился? Том надеялся, что полиция не устроит очную ставку с кем-нибудь из приятелей Фредди,

---

[26] Примечания: 26
Боже мой! (ит.)

кто мог быть знаком и с Дикки. Теперь его имя — Ричард Гринлиф — попадет в итальянские газеты, и адрес тоже. Придется переезжать. Хлопот не оберешься. Он выругался себе под нос. Полицейский воззрился на него, по пусть думает, что это он клянет злую судьбу, постигшую Фредди.

— Ну хорошо, — сказал полицейский, улыбаясь, и закрыл блокнот.

— Вы думаете, что это сделали... — Том попытался подыскать итальянский эквивалент слову «хулиган», — жестокие, грубые парни, не так ли? Вы уже напали на след?

— Сейчас мы ищем отпечатки пальцев на машине. Очевидно, убийца остановил машину на дороге и попросил подвезти его. Машину мы нашли сегодня поблизости от площади Испании. К вечеру мы обязательно что-нибудь обнаружим. Спасибо вам, синьор Гринлиф.

— Di niente![27] Если я и в дальнейшем смогу чем-нибудь помочь...

Уже в дверях полицейский обернулся:

— Вы будете на месте ближайшие несколько дней, на случай если у нас появятся еще вопросы?

---

[27] Примечания: 27
Не за что!(ит.)

Том помялся:

— Вообще-то я собирался завтра поехать на Мальорку.

— Но у нас могут возникнуть вопросы в связи с выяснением личности подозреваемых, — объяснил полицейский. — Вы, вероятно, сумеете рассказать, каковы были отношения того или иного лица с покойным. — Он отчаянно жестикулировал.

— Это понятно. Но я не так уж хорошо знал синьора Майлза. Я думаю, у него есть в городе более близкие приятели.

— Кто? — Полицейский снова закрыл дверь и вытащил блокнот.

— Не знаю. Я сказал только, что у него наверняка были приятели, которые знали его лучше, чем я.

— Простите, по мы все же настаиваем, чтобы вы были на месте ближайшие несколько дней, — повторил полицейский невозмутимо, как будто и речи не могло быть о том, чтобы Том стал спорить, хоть он и американец. — Как только в этом отпадет необходимость, мы вас известим. Простите, если это нарушает ваши планы. Возможно, вы еще успеете все отменить. Всего доброго, синьор Гринлиф!

— Всего доброго!

Дверь за полицейскими закрылась, и Том остался один. Надо переехать в гостиницу, подумал он, сообщив в полицию, куда именно. Он не хотел, чтобы приятели Фредди и Дикки, узнав из газет его адрес, стали наносить ему визиты. Том попытался оценить свое поведение с точки зрения полицейских. Его ответы не вызвали у них сомнения. Он не стал разыгрывать ужас по поводу гибели Фредди, но это согласовывалось с тем, что он и не был особенно близким приятелем убитого. Нет, все сошло совсем неплохо, если не считать того, что он должен быть под рукой у полиции.

Зазвонил телефон. Том не снял трубки, подумав, что это Фаусто звонит с вокзала. Было пять минут двенадцатого, поезд на Неаполь уже ушел. Когда звонки прекратились, Том снял трубку и позвонил в «Англию». Он заказал номер и сказал, что будет через полчаса. Потом позвонил в полицейский участок, он запомнил его номер — восемьдесят три — и, проведя в бесплодных переговорах десять минут, потому что никто не знал, кто такой Ричард Гринлиф, сумел наконец передать сообщение, что, если синьор Ричард Гринлиф понадобится полиции, его можно найти

в albergo[28] «Англия».

Не прошло и часу, как он перебрался в «Англию». Ему больно было смотреть на три чемодана — два принадлежавших Дикки и один собственный: для того ли он паковал их! И вот как все обернулось…

В полдень он вышел купить газеты. О том, что его интересовало, сообщала каждая. «АМЕРИКАНЕЦ УБИТ НА СТАРОЙ АППИЕВОЙ ДОРОГЕ…», «ЗВЕРСКОЕ УБИЙСТВО RICISSIMO AMERICANO[29] ФРЕДЕРИКА МАЙЛЗА МИНУВШЕЙ НОЧЬЮ НА АППИЕВОЙ ДОРОГЕ…», «В ДЕЛЕ ОБ УБИЙСТВЕ АМЕРИКАНЦА НА АППИЕВОЙ ДОРОГЕ ПОЛИЦИЯ ЕЩЕ НЕ НАПАЛА НА СЛЕД…». Том прочитал все сообщения от слова до слова. Никакой зацепки действительно не было или пока еще не было обнаружено. Ни следов, ни отпечатков пальцев. Не было и подозреваемых. Но в каждой газете упоминался Герберт Ричард Гринлиф и указывался адрес его квартиры — места, где в последний раз видели Фредди. Однако ни в одном из сообщений не содержалось и намека на то, что на Герберта Ричарда Гринлифа падает

---

[28] Примечания: 28
Гостиница (ит.).

[29] Примечания: 29
Очень богатого американца (ит.).

подозрение. В газетах говорилось, что Майлз был явно нетрезв, и с типичными для итальянской журналистики подробностями перечислялись напитки: аперитив под названием «американо», шотландское виски, бренди, шампанское, даже граппа. Упущены были только джин и перно.

Том обошелся без ленча, шагая из угла в угол в своем номере и чувствуя себя удрученным и загнанным в ловушку. Он позвонил в бюро путешествий в Риме, где покупал билет на Пальму, и отказался от него. Ему обещали вернуть двадцать процентов стоимости. Следующий теплоход до Пальмы отходил через пять дней.

Часа в два настойчиво зазвонил телефон.

— Алло, — сказал Том с нервной, раздраженной интонацией Дикки.

— Привет, Дик. Это Вэн Хаустон.

— О-о, — протянул Том, как будто знал говорившего, но в этом единственном слове не выразилось ни особого удивления, ни теплоты.

— Ну как ты? Давненько не видались, а? — спросил охрипший усталый голос.

— Да, давно. Ты где?

— В «Хеслере». Я просматривал чемоданы Фредди вместе с полицией. Послушай, я хочу с тобой встретиться. Что там произошло с Фредди вчера?

Вечером я пытался найти тебя, ведь Фредди обещал вернуться в гостиницу к шести. У меня не было твоего адреса. Что произошло вчера?

— Спроси что-нибудь полегче. Фредди ушел от меня около шести. Мы выпили немало коктейлей, но мне казалось, он вполне может вести машину, иначе я, конечно, не отпустил бы его. Он сказал, машина стоит внизу. Не представляю, что могло случиться. Разве только кто-то попросил его подвезти, а потом выстрелил в него из револьвера.

— Но его убили не из револьвера. Я согласен с тобой, возможно, кто-то силой заставил его поехать на Аппиеву дорогу или у него был провал в сознании. Ведь ему пришлось пересечь весь город, чтобы добраться туда. «Хеслер» всего в нескольких кварталах от твоего дома.

— А разве у него раньше бывали провалы в сознании? Да еще за рулем?

— Послушай, Дикки, нам надо повидаться. Я сейчас свободен, вот только полиция запретила мне сегодня отлучаться из гостиницы.

— И мне тоже.

— Послушай, приходи! Оставь записку, где можно тебя найти, и приходи.

— Не могу, Вэн. Полицейские придут примерно через час, и я должен быть здесь. Позвони попоз-

же. Может, повидаемся вечером.

— Хорошо. В котором часу?

— Позвони часиков в шесть.

— Договорились. Не вешай нос, Дикки.

— И ты тоже.

— До встречи, — слабо выдохнул Вэн.

Том повесил трубку. Похоже было, что под конец разговора Вэн чуть не плакал.

Том пощелкал по рычажкам телефонного аппарата, чтобы соединиться с коммутатором гостиницы. Он попросил, чтобы всем, кто будет ему звонить, кроме полиции, отвечали, что его нет в номере. Попросил также передать портье, чтобы к нему наверх никого не пускали. Как бы кто-либо ни настаивал.

После этого телефон больше не звонил. Часов в восемь, когда уже стемнело, Том спустился купить вечерние газеты. Он оглядел маленький холл и гостиничный бар, примыкавший к главному вестибюлю, высматривая человека, который мог бы оказаться Вэном. Он был готов ко всему, готов был даже увидеть Мардж, ждущую его сидя в кресле, но не увидел даже никого похожего на полицейского шпика. Купил вечерние газеты, пошел в небольшой ресторанчик в нескольких кварталах и стал читать. Полиция

все еще не напала на след. Том узнал, что Вэн Хаустон, двадцати восьми лет, был близким другом Фредди, они вместе совершили путешествие из Австрии в Рим и собирались отсюда отправиться во Флоренцию, где, согласно газетной статье, оба постоянно проживали. Полиция допросила трех итальянских парней, двоих восемнадцати и одного шестнадцати лет, подозреваемых в совершении «зверского убийства», но потом их освободили. Том облегченно вздохнул, прочитав, что на belissimo[30] «Фиате-1400» с откидным верхом не было найдено свежих и пригодных для целей следствия отпечатков пальцев.

Том медленно жевал свою costoletta di vitello[31], прихлебывая вино и проглядывая каждую колонку в поисках экстренного сообщения, которое в итальянских газетах иногда вставляли в номер в последнюю минуту. По поводу убийства Майлза больше ничего не нашел. Но на последней странице последней газеты прочитал:

«Barka affondata con macchie di sangue trovata nell' acqua poco fondo vicino San-

---

[30] Примечания: 30
Прекраснейшем (ит.).

[31] Примечания: 31
Телячью котлету (ит.).

Remo»[32].

Том быстро прочел заметку, охваченный большим страхом, чем когда тащил труп Фредди по лестнице или когда полицейские явились допросить его. Вот оно, возмездие! Кошмар стал явью, воплотившимся кошмаром были и сами слова заголовка. В заметке подробно описывалась лодка, и Том увидел мысленным взором все, что тогда произошло. Дикки на корме лодки, мчащейся на полной скорости, Дикки, улыбающийся ему, Тому. Труп Дикки, погружающийся в воду, оставляя за собой шлейф из пузырьков. В заметке высказывалось предположение, что обнаруженные в лодке пятна — следы крови, но с уверенностью это не утверждалось. Не говорилось, какие шаги полиция или кто-либо еще собирается предпринять в связи с этими пятнами. «Но уж что-нибудь полиция обязательно предпримет», — подумал Том. Хозяин лодочной станции, вероятно, назовет точную дату, когда пропала лодка.

После этого полиция проверит, кто останавливался в гостиницах в тот день. Хозяин лодочной станции может даже вспомнить, что лодку не

[32] Примечания: 32

Затопленная лодка с пятнами крови найдена на неглубоком месте неподалеку от Сан-Ремо (ит.).

вернули два американца. Если полиция даст себе труд проверить проживавших в гостиницах, фамилия Ричарда Гринлифа бросится им в глаза, как красный флаг. В этом случае, разумеется, пропавшим без вести окажется Том Рипли — это он, возможно, был убит в тот день. Воображение Тома проследило несколько путей. Допустим, они будут разыскивать труп Дикки и найдут его. Теперь будет считаться, что это труп Тома Рипли. Дикки будет заподозрен в убийстве. Следовательно, на него падет подозрение и в убийстве Фредди. Дикки внезапно превратился в кровожадного злодея. С другой стороны, хозяин лодочной станции может не припомнить дня, когда ему не вернули лодку. Если даже он и припомнит, полиция может не проверить гостиницы. Возможно, итальянская полиция не настолько заинтересуется этим делом. Может быть. А может быть, и наоборот. Том сложил газеты, заплатил по счету и вышел. В гостинице он подошел к портье и спросил, не звонил ли ему кто-нибудь.

— Да, signer. Questo e questo e questo[33]. — Портье выложил перед ним на конторку записки, как игрок козырные карты.

---

[33] Примечания: 33
Это, и это, и это (ит.).

Два раза звонил Вэн. Один раз Роберт Гилбертсон. (Кажется, это имя встречалось ему в записной книжке Дикки? Надо проверить.) Один раз звонила Мардж. Том взял бумажку в руки и внимательно прочитал итальянский текст: синьорина Шервуд звонила в три тридцать пять пополудни и будет еще звонить. Звонок был междугородний, из Монджибелло.

— Большое спасибо.

Том кивнул и собрал все записки.

Ему не понравилось, как поглядывает на него портье. Чертовы итальянцы такие любопытные!

Он сидел у себя в номере, сгорбившись в кресле, курил и размышлял. Старался вычислить, что по логике вещей должно произойти само собой, если он ничего не будет делать, и что может произойти в результате каких-либо его действий. Очень вероятно, что Мардж примчится в Рим. Очевидно, она звонила в римскую полицию, чтобы узнать его адрес. Если заявится к нему, придется снова превратиться в Тома и постараться убедить ее, что Дикки вышел на какое-то время, как он пытался убедить Фредди. Если ему это не удастся… Том нервно потер руки. Надо избежать встречи с Мардж, вот и все. Особенно сейчас, когда назревает эта история с лодкой. Если он встретится с

Мардж, все пойдет наперекосяк. Все полетит в тартарары! Но если только он сумеет держаться твердо, не произойдет решительно ничего. Просто сейчас такой момент, такая критическая ситуация, в которой сошлись история с лодкой и нераскрытое убийство Фредди, и потому навалились затруднения. Но если он сумеет и дальше делать и говорить людям то, что нужно, с ним решительно ничего не случится. И скоро опять у него будет семь футов под килем. Он поплывет в Грецию или в Индию. Или на Цейлон. Куда-нибудь далеко-далеко, туда, где ни один старый приятель не постучится в дверь. Каким же он был дураком, когда думал, что может позволить себе жить в Риме! С таким же успехом он мог бы выставить самого себя на обозрение в Лувре.

Он позвонил на вокзал Термини и справился насчет завтрашних поездов в Неаполь. Их было четыре или пять. Том записал часы отправления всех. До теплохода на Мальорку пять дней, и это время он пересидит в Неаполе. Единственное, что ему нужно, — это разрешение полиции, и, если завтра ничего не случится, он его получит. Не могут же они вечно держать взаперти человека, на которого не падает даже тень подозрения, только для того, чтобы при случае подкинуть ему

вопросик! Нет, завтра ему обязательно разрешат уехать. Должны разрешить. По всем законам логики.

Он снова поднял трубку и попросил портье, если позвонит мисс Марджори Шервуд, соединить с ним. По телефону он за две минуты убедит ее, что все в порядке, что он переселился в гостиницу только для того, чтобы ему не докучали телефонными звонками посторонние люди, а полиция могла бы найти его, если понадобится опознать подозреваемых, на которых она выйдет. Он скажет Мардж, что завтра или послезавтра вылетает в Грецию, так что ей не стоит приезжать в Рим. Кстати, он может полететь в Пальму самолетом из Рима. Раньше ему это не приходило в голову.

Он прилег на кровать усталый, но еще не готовый раздеться, так как чувствовал: сегодня еще что-то произойдет. Попытался сосредоточиться на Мардж. Он представил себе, как в это самое время она сидит у Джордже или взяла коктейль в баре гостиницы «Мирамаре» и долго, медленно потягивает его, обдумывая, звонить Дикки или нет. Он мысленно видел ее озабоченно нахмуренные брови, взлохмаченные волосы, как она сидит и ломает голову над тем, что сейчас происходит в Риме. Она сидит за столиком одна, ей не хочется

ни с кем разговаривать. Том видел, как она встает и идет домой, собирает чемодан и назавтра идет к двенадцатичасовому автобусу. Он сам перенесся туда, стоял на дороге перед почтой, кричал ей, чтобы она не ездила, пытался остановить автобус, но не сумел…

Вся эта сцена растворилась в желто-сером, цвета песка в Монджибелло, водовороте. Том увидел улыбающегося Дикки в вельветовом костюме, который был на нем в Сан-Ремо. Костюм весь промок, галстук превратился в веревку, с которой капала вода. Дикки наклонился над Томом, потряс его. «Я плавал, — сказал он. — Том, проспись! Со мной все в порядке. Я плавал. Я жив». Том извивался, уклоняясь от его прикосновения. Он услышал, как Дикки смеется над ним, услышал басовитый счастливый смех Дикки. «Том!» Голос был глубже, сочнее, лучше, чем самое удачное подражание Тома. Он заставил себя сесть на кровати. Тело было словно налито свинцом, движения медленны, будто он пытался всплыть, находясь глубоко под водой.

«Я плавал!» — звучал голос Дикки, гулко отдаваясь в ушах, словно доносился сквозь длинный туннель.

Том оглядел комнату, стараясь отыскать Дик-

ки в желтом свете под лампой, в темном углу у высокого гардероба. Чувствовал, как глаза его расширились от ужаса, и, хотя знал, что его страх беспочвенный, все продолжал повсюду искать Дикки: под полузадернутыми шторами у окна, на полу по другую сторону кровати. Он сполз с постели, шатаясь пересек комнату и открыл окно, потом другое. Он был как бы в наркотическом опьянении. «Кто-то подсыпал какую-то дрянь мне в вино», — подумал вдруг он. Том встал на колени перед окном, вдыхая холодный воздух, борясь со слабостью, как с врагом, который одолеет его, если он не напряжет свои силы до крайности. Наконец смог дотащиться до ванной и смочил лицо над раковиной. Слабость прошла. Теперь он знал — наркотик тут ни при чем. Он просто дал волю воображению. Потерял над собой контроль.

Том выпрямился и спокойно снял галстук. В точности копируя движения Дикки, разделся, принял ванну, надел пижаму и лег в постель. Постарался подумать о том же, о чем думал бы Дикки. Он подумал бы о матери. В ее последнее письмо были вложены две любительские фотографии: она и мистер Гринлиф пьют кофе в гостиной. Сцена, которую Том видел сам, когда после обеда пил с ними кофе. Он стал сочинять

очередное письмо к родителям. Теперь, к их удовольствию, стал писать чаще. Надо было успокоить их насчет этой истории с Фредди, поскольку они были с ним знакомы. Миссис Гринлиф в каком-то из своих писем спрашивала о Фредди Майлзе. Но, сочиняя письмо, Том все время прислушивался, не зазвонит ли телефон, и это мешало сосредоточиться.

Глава 18

Проснувшись, он сразу подумал о Мардж. Потянулся к телефону и спросил, не звонила ли она ночью. Нет, не звонила. Возникло ужасное предчувствие, что Мардж сегодня приедет в Рим. Его как ветром сдуло с постели, но потом, когда включился в привычный ритуал принятия ванны и бритья, настроение переменилось. К чему так беспокоиться из-за Мардж? Он всегда умел с ней справляться. Во всяком случае, она приедет не раньше пяти или шести, потому что первый автобус уходит из Монджибелло в полдень, а на такси до Неаполя она вряд ли раскошелится.

Может быть, сегодня удастся уехать из Рима. В десять он позвонит в полицию и выяснит.

Том заказал в номер кофе с молоком и булочки, попросил также принести утренние газеты. Как ни странно, в газетах не было ни словечка ни об убийстве Майлза, ни о лодке в Сан-Ремо. Почему? Стало страшно, Том вновь ощутил тот же ужас, что и прошлой ночью, когда искал Дикки у себя в комнате. Он раздраженно бросил газеты на стул.

Зазвонил телефон, и Том, покоряясь судьбе, под-

бежал к нему. Это либо Мардж, либо полиция.

— Алло?

— Алло. Тут к вам пришли два синьора из полиции, синьор.

— Отлично. Будьте добры, попросите их подняться.

Через минуту он услышал шаги по покрытому ковром коридору. Это были тот же пожилой полицейский и другой молодой его подчиненный.

— Добрый день, — вежливо поздоровался офицер со своим обычным легким поклоном.

— Добрый день. Нашли что-нибудь новенькое?

— Нет? — ответил полицейский с вопросительной интонацией. Он сел на стул, предложенный Томом, и открыл коричневый кожаный портфель. — Тут всплыло еще одно обстоятельство. Вы ведь в приятельских отношениях с другим американцем, Томом Рипли?

— Да.

— Вы знаете, где он?

— Думаю, вернулся в Америку примерно месяц назад.

Полицейский сверил со своей бумагой.

— Вот как. Надо будет получить подтверждение от отдела въездного контроля Соединенных Штатов. Видите ли, мы разыскиваем Тома Рипли.

Есть основания думать, что он погиб.

— Погиб? Почему?

После каждой фразы полицейский слегка поджимал губы под густыми, стального цвета усами, так что казалось, будто он улыбается. Вчера Том тоже натыкался на эту улыбку как на препятствие.

— Вы вместе с ним ездили в Сан-Ремо в ноябре, не так ли?

Значит, они проверили гостиницы.

— Да.

— Где вы в последний раз видели его? В Сан-Ремо?

— Нет, я встречался с ним в Риме. — Том вспомнил: Мардж знала, что из Монджибелло он вернулся в Рим. Он ведь сказал ей, что, дескать, собирается помочь Дикки обустроиться в Риме.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Не уверен, что смогу назвать точную дату. Вроде бы месяца два назад. Кажется, я получил от него открытку из… Генуи, он писал, что собирается вернуться в Америку.

— Вам кажется?

— Нет, я точно получил, — сказал Том. — Почему вы полагаете, что он погиб?

Полицейский с сомнением заглянул в свои бу-

маги. Том посмотрел на полицейского помоложе, который, скрестив руки, прислонился к комоду и бесстрастно взирал на него.

— Вы совершили прогулку на лодке вместе с Томом Рипли в Сан-Ремо?

— Прогулку на лодке? Куда?

— На маленькой лодке? Вокруг бухты? — Офицер задавал вопросы спокойно, неотрывно глядя на Тома.

— Кажется, да. Да, точно. Я вспомнил. А что?

— Дело в том, что найдена затопленная маленькая лодка с пятнами. Возможно, с пятнами крови. Она пропала двадцать пятого ноября. Не была возвращена на причал, где ее наняли. Двадцать пятое ноября как раз тот день, который вы провели в Сан-Ремо вместе с синьором Рипли.

Полицейский смотрел на него не отводя глаз.

Уже сама мягкость этого взгляда вызывала у Тома раздражение. Это было нечестно, казалось ему. Тем не менее он сделал огромное усилие, чтобы вести себя как нужно. Посмотрел на себя как бы со стороны. Подкорректировал даже свою позу, сделал ее более непринужденной, положив руку на столбик спинки кровати.

— Но во время этой прогулки с нами ничего не случилось. Все было благополучно.

— Вы вернули лодку?

— А как же!

Офицер по-прежнему не спускал с него глаз.

— Ни в одной гостинице после двадцать пятого ноября Том Рипли не зарегистрирован, мы это проверили.

— Правда? Может, вы проверили не все гостиницы?

— Не в каждом маленьком городке или деревне, но во всех более или менее крупных городах проверили. Мы нашли вашу фамилию в «Хеслере», вы жили там с двадцать восьмого по тридцатое, и после этого…

— Том… синьор Рипли не жил вместе со мной в Риме. Он в это время поехал в Монджибелло и оставался там несколько дней.

— Где он жил, когда приехал в Рим?

— В какой-то маленькой гостинице. Не помню, где именно. Я у него не был.

— А где были вы?

— Когда?

— Двадцать шестого и двадцать седьмого ноября. То есть сразу же после Сан-Ремо.

— В Форте-деи-Марми, — ответил Том. — Я сделал там остановку по пути сюда. Я жил в пансионе.

— В каком?

Том покачал головой:

— Не помню. В каком-то очень маленьком. — В конце концов, подумал он, с помощью Мардж он сможет доказать, что Том был в Монджибелло, живой, уже после Сан-Ремо, так что зачем полиция станет расследовать, в каком пансионе останавливался Дикки Гринлиф двадцать шестого и двадцать седьмого? Том сел на край кровати. — Я все же не могу понять, почему вы думаете, что Том Рипли погиб.

— Мы думаем, что кто-то погиб в Сан-Ремо, — ответил полицейский. — Кто-то был убит в этой лодке. Для этого и затопили лодку, чтобы скрыть пятна крови.

Том нахмурился:

— А это точно пятна крови?

Полицейский пожал плечами.

Том тоже пожал плечами:

— Наверно, не меньше двух сотен человек нанимали в тот день лодки в Сан-Ремо.

— Нет, гораздо меньше. Человек тридцать. Правда ваша, это мог быть любой из тридцати… или любая пара из пятнадцати, — добавил он с улыбкой. — Мы даже не знаем фамилий всех этих людей. Но мы начинаем считать Тома Рипли

пропавшим без вести.

Теперь полицейский отвел глаза и смотрел в угол комнаты, судя по выражению лица, он думал о чем-то постороннем. Или он наслаждался теплом, идущим от радиатора позади его стула?

Том нетерпеливо переменил позу. Ему был ясен ход мысли в этой итальянской башке. Дикки Гринлиф второй раз оказался на месте происшествия или поблизости от места, где произошло убийство. Пропавший без вести Том Рипли совершил прогулку на лодке двадцать пятого ноября вместе с Дикки Гринлифом. Следовательно… Том нахмурил брови и выпрямился.

— Вы хотите сказать, что я лгу, когда говорю, будто видел Тома Рипли в Риме числа первого декабря?

— Нет, что вы, я вовсе не хочу этого сказать! — Полицейский сделал примирительный жест. — Я только хотел узнать от вас о вашем путешествии вместе с синьором Рипли после Сан-Ремо, поскольку мы не можем его найти. — Он обнажил желтоватые зубы в широкой улыбке.

Том расслабился, раздраженно пожав плечами. Было совершенно очевидно, что итальянская полиция не собиралась с бухты-барахты обвинять американского гражданина в убийстве.

— Простите, что не могу сказать вам точно, где он находится в данную минуту. Почему бы вам не поискать его в Париже? Или в Генуе? В любом случае он остановится в маленькой гостинице, он всегда предпочитал именно такие.

— У вас сохранилась открытка, которую он прислал вам из Генуи?

— Нет, не сохранилась.

Том запустил пальцы в волосы, как делал иногда Дикки, когда сердился. На короткое мгновение сосредоточился на том, чтобы еще полнее перевоплотиться в Дикки Гринлифа, прошелся, как тот, разок-другой по комнате и сразу почувствовал себя лучше.

— Вы знакомы с кем-нибудь из приятелей Тома Рипли?

Том покачал головой:

— Нет. Я и с ним-то самим не слишком хорошо знаком, или, во всяком случае, недолго. Не знаю, много ли у него приятелей в Европе. Кажется, есть знакомый в Фаэнце. И кто-то во Флориде. Но я не помню их фамилий.

Если этот итальяшка думает, что он скрывает фамилии приятелей Тома, чтобы уберечь их от полицейских расспросов, то пусть себе так думает.

— Хорошо, мы наведем справки, — сказал полицейский и убрал свои бумаги. За время разговора он сделал в них не меньше дюжины пометок.

— Кстати, пока вы не ушли, — сказал Том раздраженным и искренним тоном Дикки. — Я хотел спросить, когда мне можно уехать из города. Я собирался на Сицилию. Мне бы очень хотелось уехать сегодня же, если это возможно. Я предполагаю остановиться в гостинице «Пальма» в Палермо. Вам будет очень просто связаться со мной, если понадоблюсь.

— Палермо, — повторил полицейский. — Ebbene[34], это, пожалуй, возможно. Разрешите я позвоню?

Том закурил итальянскую сигарету, а офицер попросил к телефону капитана Ауличино и затем стал совершенно бесстрастно излагать, что синьор Гринлиф не знает, где сейчас находится синьор Рипли, что тот, возможно, вернулся в Америку, а возможно, по мнению синьора Гринлифа, находится во Флоренции или Фаэнце. «Фаэнца, — четко выговаривая, повторил он, — в округе Болонья». Когда его собеседник записал это, офицер сказал, что синьор Гринлиф хочет уехать в

---

[34] Примечания: 34
Ну (ит.).

Палермо сегодня.

— Хорошо. — Полицейский повернулся к Тому: — Да, вы можете ехать в Палермо сегодня.

— Хорошо. Спасибо. — Том проводил двоих полицейских до двери. — Если выясните, где Том Рипли, прошу сообщить мне, — простодушно сказал он.

— Само собой. Мы будем держать вас в курсе, синьор. Всего доброго.

Оставшись один, Том стал, насвистывая, вновь упаковывать те немногие вещи, которые вынул из своего чемодана. Он гордился своей идеей назвать Сицилию вместо Мальорки, поскольку Сицилия — это еще Италия, а Мальорка уже заграница, и, само собой, итальянская полиция скорее выпустит его, если он останется на территории страны. Потом он вспомнил: в паспорте Тома Рипли нет отметки, что он еще раз побывал во Франции после поездки в Сан-Ремо. А ведь он сказал Мардж, что Том Рипли собирается поехать в Париж и оттуда в Америку. Если они будут спрашивать Мардж, был ли Том Рипли в Монджибелло после Сан-Ремо, она может добавить, что после этого он поехал в Париж. А если ему придется снова стать Томом Рипли и предъявить свой паспорт полиции, они увидят, что он больше

не был во Франции после поездки в Канн. Ну что ж, он скажет, что передумал и решил остаться в Италии. Это в общем-то пустяки.

Том, нагнувшийся над чемоданом, резко выпрямился. А вдруг все это ловушка? Может быть, отпуская на Сицилию, его просто будут держать на веревке подлиннее, создавая видимость, что он вне подозрений. Хитрый маленький ублюдок этот полицейский. Он один раз назвал свою фамилию. Том попытался припомнить ее. Равини? Роверини? Ну хорошо, а что они выиграют, держа его на более длинной веревке? Он сказал им точно, куда отправляется. Не собирался никуда бежать. Хотел лишь одного — выбраться из Рима. Во что бы то ни стало выбраться из Рима! Он швырнул в чемодан последние шмотки, с силой захлопнул крышку и запер чемодан на ключ.

Снова телефонный звонок. Том схватил трубку:

— Алло?

— О Дикки! — С придыханием.

Мардж, и, судя по чистоте и громкости звука, она находится внизу. Ошарашенный, он сказал голосом Тома:

— Кто его спрашивает?

— Это Том?

— Мардж! Привет! Где ты?

— Я внизу. Дикки там? Можно мне подняться?

— Поднимайся через пять минут, — сказал Том со смешком. — Я еще не вполне одет.

Служащий гостиницы всегда отсылал посторонних в телефонную будку возле лестницы. Никто из них не мог подслушать разговора.

— Дикки там?

— В данную минуту нет. Он вышел с полчаса назад, но вот-вот вернется. Если хочешь его разыскать, я знаю, где он.

— Где?

— В восемьдесят третьем полицейском участке. Ой, нет, я ошибся, в восемьдесят седьмом.

— У него неприятности?

— Нет, он просто отвечает на вопросы. Его вызвали на десять часов. Дать тебе адрес?

Он жалел, что заговорил голосом Тома: ведь так легко было выдать себя за слугу или какого-либо приятеля Дикки. За кого угодно. И сказать ей, что Дикки ушел на целый день.

Мардж выдохнула:

— Не-е-т, я подожду его.

— А, вот адрес, — сказал Том, как будто только что нашел его. — Виа Перуджа, двадцать один. Ты знаешь, где это?

Сам-то он этого не знал, просто хотел послать ее в направлении, противоположном Американскому агентству, куда намеревался сходить за почтой перед отъездом из Рима.

— Я не хочу туда идти, — сказала Мардж. — Если не возражаешь, поднимусь и подожду вместе с тобой.

— Понимаешь… — Он рассмеялся своим, Тома Рипли, характерным смешком, который Мардж хорошо знала. — Дело в том, что ко мне с минуты на минуту должны прийти. Это деловое свидание. Разговор насчет будущей работы. Хочешь верь, хочешь нет, но закоренелый бездельник Том Рипли собирается взяться за работу.

— Вот как, — сказала Мардж без всякого интереса. — Ну а что там с Дикки? Почему ему пришлось пойти в полицию?

— Да только потому, что они с Фредди немного выпили в тот самый день. Ты же читала газеты? В газетах их невинный междусобойчик ужасно раздут только потому, что эти болваны никак не могут напасть на след.

— Дикки давно здесь живет?

— Здесь? Нет, только со вчерашнего вечера. Я-то был на севере страны. Когда узнал насчет Фредди, приехал в Рим повидаться с Дикки. Если

бы не полиция, я бы сроду его не нашел.

— Кому ты рассказываешь! Я просто с ног сбилась, и мне тоже пришлось обратиться в полицию. Я так переволновалась! Что ж он не позвонил мне… к Джордже или еще куда-нибудь.

— Я ужасно рад, что ты приехала, Мардж. Дикки будет в восторге, когда тебя увидит. Он беспокоился, что ты подумаешь, когда прочтешь газеты.

— Честное слово? — спросила Мардж недоверчиво, но с явным удовольствием.

— Может, подождешь меня у «Анджело»? Это бар немного дальше по улице, которая начинается напротив пашей гостиницы и ведет к лестнице на площади Испании. Я постараюсь минут через пять выбраться, и мы с тобой выпьем виски или по чашечке кофе, идет?

— Ладно. Но ведь есть же бар прямо в гостинице.

— Я не хочу, чтобы мой будущий босс видел меня в баре.

— Ну хорошо. «Анджело», говоришь?

— Не найти этот бар невозможно. Улица начинается прямо напротив гостиницы. Пока.

Он закончил паковаться, осталось только взять куртки из гардероба. Он снял трубку и попросил подготовить ему счет и прислать кого-нибудь за

вещами. Затем приготовил багаж для посыльных, аккуратно сложив все вместе, и, не садясь в лифт, спустился по лестнице. Хотел посмотреть, может, Мардж все еще ждет его в вестибюле или задержалась, чтобы позвонить кому-нибудь еще. Вряд ли она была уже внизу, когда к нему приходили полицейские. Между их уходом и звонком Мардж прошло минут пять. Том надел только что купленный плащ и шляпу, чтобы скрыть осветленные волосы, а лицу придал робкое, чуть испуганное выражение, присущее Тому Рипли.

В вестибюле Мардж не было. Том оплатил счет. Администратор передал еще одну записку. Оказывается, заходил Вэн Хаустон. — Записку он написал собственноручно десять минут назад.

«Прождал тебя полчаса. Ты что, даже прогуляться не выходишь? Подняться к тебе мне не разрешили. Позвони мне в „Хеслер“.

Вэн».

Может быть, Вэн и Мардж столкнулись нос к носу и, если они знакомы, сидят сейчас вместе в баре «Анджело».

— Если меня будут спрашивать, скажите, что я уехал из города.

— Хорошо, синьор.

Том вышел, к подъезду как раз подъехало сво-

бодное такси.

— Будьте добры, к Американскому агентству. Водитель поехал не по той улице, где находился бар «Анджело». Том расслабился и поздравил сам себя. Прежде всего с тем, что вчера под действием нервного импульса ему пришло в голову сбежать из квартиры и перебраться в гостиницу.

В квартире нипочем не ускользнуть бы от Мардж. Адрес она знает из газет. Трюк, удавшийся в гостинице, там бы не прошел: она все равно прорвалась бы в квартиру, чтобы подождать Дикки. Воистину повезло!

В Американском агентстве его ждала почта — три письма, из них одно от мистера Гринлифа.

— Как ваше самочувствие? — спросила молодая девушка-итальянка, выдававшая ему почту.

Судя по наивно-любопытному выражению ее лица, она тоже читала газеты. На ее улыбку Том ответил улыбкой. Ее звали Мария.

— Спасибо, самочувствие отличное, а у вас? К сожалению, она никогда не сможет получать в римском отделении Американского агентства почту на имя Тома Рипли. Двое или трое служащих знают его в лицо. Для почты на собственное имя он завел абонемент в неаполитанском отделении Американского агентства, но до сих пор с прось-

бой о пересылке ни разу не обращался к ним ни лично, ли письменно, поскольку не ожидал на имя Тома Рипли ничего важного, даже еще одного разноса от мистера Гринлифа. Когда все уляжется, как-нибудь нагрянет в неаполитанское отделение с паспортом Тома Рипли и востребует свою почту.

И все же ему приходилось повсюду таскать с собой Тома Рипли, его паспорт и его одежду, на случай всяких неожиданностей вроде телефонного звонка Мардж сегодня утром. Еще немного, и Мардж оказалась бы в номере. Пока полиция сомневается в невиновности Дикки Гринлифа, было бы чистейшим самоубийством выехать из страны в обличье Дикки, потому что, если ему вдруг придется превратиться в Тома Рипли, в паспорте Рипли не будет отметки о выезде из Италии. Если он захочет выехать из Италии, решительно и бесповоротно вырвать Дикки из лап полиции — ему нужно выехать в обличье Тома Рипли, вернуться в обличье Тома Рипли и, лишь когда полиция закончит расследование, снова превратиться в Дикки. Только так можно выйти из положения.

Сделать это нетрудно, и выход надежный. Единственное, о чем следует беспокоиться, — это

погода в ближайшие несколько дней.

Глава 19

Теплоход приближался к гавани Палермо медленно и как бы ощупью, осторожно раздвигая своим белым носом плавающие в воде апельсинные корки, солому и куски поломанных корзин из-под фруктов. Точно так же, думал Том, и сам он как бы с завязанными глазами приближается к Палермо. До этого он провел два дня в Неаполе, и в газетах не появилось ничего интересного об убийстве Майлза, а о лодке в Сан-Ремо и вовсе ничего. Полиция, насколько ему было известно, его не искала. Но возможно, они просто считали, что не стоит труда разыскивать его в Неаполе, а поджидали в гостинице в Палермо.

Во всяком случае, на пристани полицейских не оказалось. Том поискал их глазами и не увидел. Купил две газеты, взял такси и поехал со своим багажом в гостиницу «Пальма». В вестибюле полицейских тоже не было. Это был роскошный вестибюль с монументальными колоннами и пальмами в кадках вдоль стен. Служащий сообщил номер заказанной комнаты и дал посыльному ключ. Том почувствовал себя так легко,

что набрался храбрости, подошел к окошечку почты и спросил, нет ли чего на имя синьора Ричарда Гринлифа. Служащий ответил, что нет.

Том начал постепенно расслабляться. Итак, не было письма даже от Мардж. Она, разумеется, уже побывала в полиции и выяснила, куда подевался Дикки. На теплоходе Тома посещали ужасные видения. Например, Мардж прибывает в Палермо раньше его на самолете или в гостинице «Пальма» его ждет сообщение от Мардж, что она прибудет следующим теплоходом. Даже на своем теплоходе после посадки в Неаполе он первым делом постарался выяснить, нет ли ее в числе пассажиров.

Теперь он начал догадываться, что недавний эпизод оказался последней каплей, переполнившей чашу терпения Мардж, и она решила махнуть на Дикки рукой. Возможно, утвердилась в мнении, что он убежал от нее, чтобы быть только вдвоем с Томом. Возможно, при всей ее тупости, эта мысль наконец дошла до Мардж. Вечером, сидя в глубокой горячей ванне и щедро намыливая плечи, Том размышлял, не послать ли ей письмо с подтверждением. Он напишет его как Том Рипли. Сейчас самое время. Напишет, что до сих пор молчал из деликатности и по телефону

в Риме тоже не хотелось выкладывать начистоту, но теперь она, мол, сама уже все поняла. Они с Дикки очень счастливы вместе, и тут уж ничего не поделаешь. Том весело захихикал. Он все смеялся и смеялся и никак не мог остановиться. Чтобы прекратить это, пришлось, зажав нос, погрузиться в воду.

Дорогая Мардж, сочинял он, пишу тебе, потому что Дикки, видно, никогда не решится, хоть я просил его много раз. Я считаю, что такого замечательного человека, как ты, грех столь долго водить за нос.

Он снова захихикал, но привел себя в чувство тем, что сосредоточился на до сих пор еще не решенной проблеме. Возможно, среди прочего Мардж сообщила итальянской полиции, что в гостинице «Англия» говорила с Томом Рипли. Полиция, которая ломает голову, куда же он подевался, теперь ищет его в Риме. Полиция конечно же станет искать Тома Рипли где-то поблизости от Дикки Гринлифа. Дополнительная опасность проистекает, например, из того, что его, по описанию Мардж, сочтут теперь Томом Рипли, и произведут личный обыск, и найдут оба паспорта, его и Дикки. Но что сам он сказал насчет риска? Что именно риск-то и придает всему

этому главную прелесть. Он не мог удержаться и запел итальянскую песенку:

Не разрешает папа твой,
Не разрешает мама,
Ну как же, как же нам с тобой
Заняться этим самым?

Вытираясь в ванной, он разливался громким баритоном Дикки, который никогда не пел при нем, по Том был уверен, что Дикки подписался бы под его исполнением.

Он надел один из своих новых немнущихся дорожных костюмов и вышел прогуляться в сумерки Палермо. Вот через площадь собор, в архитектуре которого, как он читал, ощущается норманнское влияние. Том припомнил: в путеводителе сказано — собор построен английским архиепископом. Дальше к югу были Сиракузы, где некогда разыгрался морской бой между римлянами и греками. И Ухо Диониса. И Таомино. И Этна! Остров был велик и совершенно нов для него. Сицилия! Цитадель бандита Джулиано! Колонизованная древними греками, пережившая норманнское и сарацинское нашествия! К осмотру достопримечательностей он приступит завтра, но незабываемым останется это сегодняш-

нее мгновение, подумал Том, остановившись посмотреть на высокий, увенчанный куполом собор. Чудесно созерцать бурые арки его портика и думать о том, как завтра он войдет внутрь, представлять себе сладковатый затхлый воздух собора, запах бесчисленных горящих свечей и ладана, курившегося здесь сотни лет. О радость предвкушения! Предвкушение было для него приятнее самого переживания. Всегда ли с ним так будет? А когда он проводил вечера в одиночестве, касаясь руками вещей Дикки, разглядывая его кольца у себя на пальцах или его шерстяные галстуки, его черный бумажник крокодиловой кожи… Что это было — переживание или предвкушение?

А там, к югу от Сицилии, лежит Греция. Он обязательно побывает в Греции. Побывает в обличье Дикки Гринлифа, с деньгами Дикки, в одежде Дикки, с манерой поведения Дикки. Но вдруг ему не удастся побывать в Греции как Дикки Гринлифу? Препятствие за препятствием станут громоздиться на его пути: убийство, подозрение, усилия разных людей… А ведь он не хотел убивать, это был вынужденный шаг. Мысль поехать в Грецию и уныло таскаться по Акрополю в обличье американского туриста Тома Рипли

нисколько не привлекала его. Тогда лучше уж сидеть дома. Его глаза, устремленные на кампанилу[35], наполнялись слезами. Он повернулся и зашагал по другой улице.

На следующее утро Том получил письмо, толстое письмо от Мардж. Он, улыбаясь, сжал его в пальцах. Судя по толщине, там написано то, чего он и ожидал. Он прочитал письмо за завтраком. Смаковал каждую строчку вместе со свежими горячими булочками и приправленным корицей кофе. Письмо и вправду содержало все, чего он ожидал. Даже превзошло ожидания.

> «…Если ты действительно не знал, что я была у тебя в гостинице, это означает только, что Том тебе не сказал, но вывод из этого можно сделать тот же самый. Почему ты боишься признаться, что не можешь жить без своего дружка? Могу только пожалеть, мой добрый старый товарищ, что у тебя не хватило смелости сказать мне об этом раньше, и сказать прямо. Ты что же, считал меня провин-

[35] Примечания: 35

Кампанила (ит. campanile) — в итальянской архитектуре Средних веков и эпохи Возрождения — колокольня, обычно в виде четырехгранной (иногда круглой) башни, стоящая, как правило, отдельно от храма.

циальной курицей, которая и слов таких не знает? Не я, а ты вел себя как провинциал. Так или иначе, теперь, когда я сама высказала тебе то, о чем ты боялся рассказать мне, надеюсь, совесть перестанет тебя мучить и ты будешь высоко держать голову. Ведь нет ничего прекраснее, чем гордость за человека, которого любишь, не так ли? Помнишь, мы однажды говорили об этом?

Второе достижение моих римских каникул состоит в том, что я сообщила полиции, где находится Том Рипли — у тебя. Они там, похоже, сбились с ног, разыскивая его. (Интересно почему? Что он натворил?) Я объяснила полиции, насколько хватило моего знания итальянского, что вы с Томом неразлучны, и мне непонятно, как они могли найти тебя, не найдя при этом Тома.

Я поменяла билет на теплоход, хочу съездить ненадолго к Кейти в Мюнхен, а в Америку уезжаю в конце марта, после чего, как я полагаю, наши с тобой пути разойдутся навсегда. Я не держу на тебя зла, дружище. Просто я думала, что у тебя

больше мужества.

Спасибо за чудесные воспоминания. Они для меня уже сейчас, как экспонаты в музее или как некий предмет, сохранившийся в янтаре, кажутся немного нереальными, а ты меня, по-видимому, так воспринимал всегда. Желаю тебе всего, всего наилучшего.

Мардж».

Тьфу! Такие сантименты под самый конец!

Том сложил письмо и засунул в карман куртки. Кинул взгляд на двери гостиничного ресторана, уже привычно ожидая появления полицейских. Если полиция думает, что Дикки Гринлиф и Том Рипли путешествуют вместе, они, наверное, уже проверили регистрационные журналы во всех гостиницах Палермо. Но он не заметил, чтобы за ним наблюдали или шли следом. А может быть, они уже перестали сходить с ума с этим розыском, поскольку узнали, что Том жив. И в самом деле, раз он жив, на кой черт его разыскивать? Может быть, подозрение в убийстве в Сан-Ремо и убийстве Майлза, павшее на Дикки, тоже улетучилось? Может быть.

Том поднялся к себе в номер и принялся пи-

сать письмо мистеру Гринлифу на портативной машинке Дикки. Поскольку мистер Гринлиф сейчас, очевидно, очень тревожится в связи с делом Майлза, Том начал с объяснений по этому поводу, здравых и логичных. Он писал, что полиция покончила со своими допросами и теперь единственное, чего они могут от него хотеть, — это опознание подозреваемых, на которых они выйдут, так как ими могут оказаться их с Фредди общие знакомые.

Пока он сидел за машинкой, зазвонил телефон. Мужской голос сказал, что говорит лейтенант такой-то, полиция Палермо.

— Мы разыскиваем Томаса Феликса Рипли. Он не с вами в гостинице? — вежливо спросил он.

— Нет, — ответил Том.

— Вы знаете, где он?

— Думаю, в Риме. Я видел его там три-четыре дня назад.

— В Риме его искали, но не нашли. Вы не знаете, куда он мог поехать из Рима?

— Понятия не имею.

— Peccato[36], — сказал полицейский со вздохом разочарования. — Большое спасибо, синьор.

---

[36] Примечания: 36
Жаль (ит.).

— Не стоит. — Том повесил трубку и вернулся к письму.

Километры скучной прозы Дикки Гринлифа Том катал теперь более бегло, чем когда-то собственные письма. Большую часть послания адресовал матери Дикки, сообщая о состоянии своего гардероба, которое было хорошим, и состоянии своего здоровья, которое тоже было хорошим, и спрашивая, получила ли она триптих из эмали, который он купил в антикварной лавке в Риме и послал ей две недели назад. Попутно размышлял о том, что делать с Томасом Рипли. Полицейский спрашивал его вроде бы вежливо и без нажима, но все же рисковать не стоило. Не следовало держать паспорт Тома на виду в кармане чемодана, пусть даже и завернутым в кучу старых налоговых деклараций Дикки, так что таможенник его не разглядел. Паспорт надо спрятать, например, в подкладку нового чемодана из кожи антилопы, где его не будет видно, даже если из чемодана выложат все вещи, но откуда Том, если понадобится, сможет достать его незамедлительно. А рано или поздно он может понадобиться. Может прийти время, когда оставаться Дикки Гринлифом станет опаснее, чем Томом Рипли.

Половину утренних часов Том провел за письмом к Гринлифам. Он догадывался, что теперь Дикки вызывает у мистера Гринлифа больше беспокойства и раздражения, чем когда Том встречался с ним в Нью-Йорке. Мистер Гринлиф считал, что переезд Дикки из Монджибелло в Рим — сумасбродный каприз. Попытка Тома представить занятия живописью в Риме как перспективные и обнадеживающие потерпела полную неудачу. Мистер Гринлиф отверг ее уничтожающей репликой, мол, лучше бы Дикки вообще не мучить себя занятиями живописью, поскольку он уже убедился, что красивых пейзажей вокруг или перемен декораций недостаточно для того, чтобы сделаться художником. Нужен еще талант. На мистера Гринлифа не произвел также впечатления интерес, проявленный Томом к проспектам фирмы, которые тот ему прислал. Как это было не похоже на то, чего Том ожидал: что мистер Гринлиф будет есть у него из рук, что он полностью загладит невнимание и равнодушие, которые Дикки выказывал родителям прежде, и тогда сможет попросить у мистера Гринлифа немного денег сверх положенного и получит их. Сейчас просить денег у мистера Гринлифа было невозможно.

«Береги себя, мамуля, — писал он. — Остерегайся простуд. (Она писала, что за эту зиму четырежды простуживалась и встретила Рождество сидя в постели, опираясь на подушки, закутавшись в розовую шерстяную шаль, которую он прислал ей в числе других рождественских подарков.) Если бы ты оставила себе и носила одну пару из тех изумительных шерстяных носков, которые прислала мне, ты никогда не простудилась бы. Я за эту зиму ни разу не простудился, а этим не так легко похвастаться, когда проводишь зиму в Европе… Мамуля, не надо ли прислать тебе чего-нибудь отсюда? Для меня такое удовольствие покупать тебе что-нибудь…»

Глава 20

Прошло пять дней. Тихих, уединенных, но очень приятных. Он бродил без определенной цели по улицам Палермо, порой заходя на часок в кафе или ресторан, где читал свои путеводители и газеты. Однажды пасмурным днем нанял извозчика и совершил дальнюю прогулку в Монте-Пеллегрино поглядеть на необычную гробницу святой Розалии, покровительницы Палермо. Изображения знаменитой статуи святой, застывшей в исступленном восторге, который психиатры назвали бы по-другому, он видел еще в Риме. Том нашел гробницу чрезвычайно забавной. Увидев статую, едва удержался, чтоб не захихикать: пышное женское тело в лежачем положении, ищущие руки, бессмысленные глаза, полуоткрытый рот. Все было как в натуре, не хватало только звука — частого дыхания. Тому вспомнилась Мардж. Он посетил один из византийских дворцов, Палермскую библиотеку, с ее картинами и старинными потрескавшимися рукописями в стеклянных ящиках, изучил строение здешней береговой зоны, представленное

в путеводителе в виде тщательно вычерченных диаграмм. Сделал набросок с картины Гвидо Рени — просто так, без определенной цели и заучил длинную надпись-цитату из Тассо на одном общественном здании. Он писал письма Бобу Деланси и Клио в Нью-Йорк. В длинном письме к Клио описывал свои путешествия, радости, удовольствия и разнообразные знакомства с достоверностью и страстью, с какой Марко Поло описывал Китай.

Но он чувствовал себя одиноким. Это было совсем не то ощущение, какое испытывал в Париже: один и вместе с тем не один. Тогда ему представлялось, что скоро обретет блестящий круг новых друзей, с которыми начнет новую жизнь, с новыми отношениями, нормами поведения и обычаями, куда более изысканными и чистыми, чем те, что были у него во всей прежней жизни. Теперь он понимал, что это невозможно. Придется держаться вдали от людей. Всегда. Он может обрести другие нормы поведения и обычаи, но не друзей. Разве что уехав в Стамбул или на Цейлон. А что толку находить друзей среди тех, с кем можно познакомиться в таких местах? Он был один. В эту игру можно играть лишь в одиночку. Заведи он друзей, они стали бы для

него величайшей угрозой. Ему суждено колесить по белу свету в одиночку. Ну что ж, тем лучше. Тем меньше опасность разоблачения. Стало быть, нет худа без добра. И его настроение понемногу поднималось.

Он изменил свое поведение, начал играть новую роль — созерцателя, стоящего в жизни особняком. По-прежнему был вежлив и улыбался всем. И тому, кто просил дать посмотреть газету в ресторане, и персоналу в гостинице. Но теперь голову держал еще выше, стал немногословным. Его окружал ореол легкой грусти. Он сам получал удовольствие от этой перемены. Полагал, что его можно принять за молодого человека, пережившего несчастную любовь или какую-то сильную душевную встряску и ищущего забвения на культурный лад, посещая красивейшие уголки земли.

Он вспомнил о Капри. Погода была по-прежнему плохая, зато Капри — ведь это тоже Италия! Тогда, с Дикки, Том видел Капри мельком, но это лишь раздразнило его аппетит. Господи, каким занудой был Дикки в тот день! Возможно, нужно воздержаться до лета, подумал Том, до лета держаться подальше от полиции. Но больше, чем в Грецию и на Акрополь, ему хотелось вырваться

на один счастливый денек на Капри, а культура пусть подождет. Он читал, что представляет собой Капри зимой: ветер, дождь, не с кем слова сказать. И все-таки это Капри! Водопад Тиберия и Голубой грот никуда не делись, на площади безлюдно, но это та же площадь, каждый булыжник на месте. Можно поехать хоть сегодня. Том ускорил шаг, направляясь к своей гостинице. Лазурный берег и без туристов привлекал его. Может быть, до Капри удастся добраться по воздуху? Он слышал, что от Неаполя туда летают гидропланы. Если в феврале рейсов нет, он может нанять гидроплан лично для себя. Для этого же и существуют деньги!

— Добрый день! Что слышно? — Он с улыбкой поздоровался с портье.

— Вам письмо, синьор. Очень срочное, — сказал портье, тоже улыбаясь.

Письмо было из Неаполитанского банка. В конверт был вложен другой конверт, из банка Дикки в Нью-Йорке. Том сначала прочитал письмо из Неаполитанского.

«10 февраля 19…
Глубокоуважаемый синьор!
Банк „Уэнделл траст компани“ в Нью-

Йорке поделился с нами своими сомнениями о том, является ли Ваша роспись в получении пятисот долларов за январь сего года подлинной. Спешим сообщить Вам об этом и получить Ваше согласие на принятие необходимых мер.

Мы сочли нужным поставить в известность полицию, а от Вас ждем подтверждения вывода, к которому придет наш эксперт по подписям, а также эксперт по подписям „Уэнделл траст компани“. Всякая информация, которую Вы будете в состоянии нам предоставить, является для нас очень ценной, и мы убедительно просим Вас при первой же возможности связаться с нами.

С уважением Ваш покорный слуга,

Эмилио ди Браганизи, Генеральный директор Неаполитанского банка.

P. S. Даже если Ваша подпись подлинна, мы убедительно просим Вас, несмотря на это, возможно скорее посетить нашу контору в Неаполе и оставить новый образец подписи для постоянной регистрационной картотеки. Пересылаем Вам письмо, направленное на Ваше имя.

„Уэнделл траст компании.“»

Том вскрыл второе письмо.

«Дорогой мистер Гринлиф!

Наш отдел подписей сообщил нам, что, по его мнению. Ваша роспись в получении ежемесячного денежного перевода за январь № 9747 вызывает сомнения. Полагая, что неполучение чека могло по той или иной причине ускользнуть от Вашего внимания, спешим поставить Вас в известность об этом обстоятельстве с просьбой подтвердить либо подлинность Вашей подписи на упомянутом чеке, либо наше подозрение, что упомянутый чек является подложным. Мы сообщили об этом факте также и в Неаполитанский банк.

Прилагаем регистрационную карточку для нашей постоянной картотеки образцов подписей, просим подписать и вернуть ее нам.

Просим ответить как можно скорее.

С уважением

Эдуард Т. Каванач, делопроизводитель».

Том провел языком по пересохшим губам. Он напишет в оба банка, что с деньгами все в порядке. Но надолго ли они отстанут? Он уже подписал три перевода, начиная с декабря. Поднимут ли они теперь документацию, чтобы проверить все его подписи? Окажется ли эксперт в состоянии определить, что все три подписи подделаны?

Том поднялся к себе в номер и тут же сел за машинку. Он заправил в нее лист почтовой бумаги с маркой гостиницы и на мгновение застыл, тупо уставившись на нее. Нет, они на этом не успокоятся. Если у них есть специальный отдел, где эксперты будут разглядывать подписи через лупу и всякое такое, они, возможно, в состоянии определить, что подписи подделаны. Но Том знал, что подделаны они чертовски здорово. Январский перевод он подписал немного второпях, поспешно, он это помнил, но и тут работа была вполне на уровне, иначе он не отослал бы чек. Он сообщил бы в банк, что потерял его, и попросил бы прислать дубликат. Чаще всего проходит много месяцев, пока подлог удается раскрыть. Почему же именно этот они засекли всего за один месяц? Не потому ли, что теперь, после убийства Фредди Майлза и истории с лодкой в Сан-Ремо, вся его жизнь подвергается тщательной проверке? Его

просят зайти в Неаполитанский банк. А вдруг там знают Дикки в лицо? Тома охватил ужас, по всему телу пробежала дрожь. На минуту он ощутил себя слабым и беспомощным, не в силах пошевелиться. Мысленным взором он видел себя лицом к лицу с десятком полицейских, итальянских и американских. Они спрашивали его, где Дикки Гринлиф, а он не мог ни представить им Дикки Гринлифа, ни объяснить, где он, ни доказать, что Дикки жив. Он видел, как пытается расписаться «Г. Ричард Гринлиф» под взглядом десятка экспертов-графологов и вдруг теряет над собой контроль и вообще не может ничего написать. Том положил руки на клавиши машинки и заставил себя начать. Это письмо он пошлет в «Уэнделл траст компани», в Нью-Йорк.

«12 февраля 19…

Уважаемые господа!

В ответ на ваше письмо касательно полученного мною денежного перевода за январь сообщаю: чек, о котором идет речь, я подписал собственноручно и деньги получил сполна. Если бы чек не дошел до меня, я, разумеется, немедленно поставил бы вас в известность.

С уважением
Г. Ричард Гринлиф».

Поупражнявшись на обороте конверта «Уэнделл траст компани», он подписал письмо и карточку. Потом написал такое же письмо в Неаполитанский банк, обещал зайти в ближайшие дни и оставить образец подписи для карточки. Надписал на обоих конвертах «Срочно», спустился в холл, купил марки у швейцара и опустил письма в почтовый ящик.

После этого пошел прогуляться. На Капри его больше не тянуло. Было четверть пятого. Он все шел и шел, сам не зная куда. Наконец остановился перед витриной антикварного магазина и долго не мог оторвать взгляда от мрачной картины маслом, где двое бородатых святых спускались с темного холма в лунном свете. Он вошел в лавку и купил эту картину без рамы не торгуясь. Свернул ее в рулон и так принес в гостиницу.

Глава 21

«Полицейский участок № 83
Рим
14 февраля 19…

Глубокоуважаемый синьор Гринлиф! Вам надлежит срочно явиться в Рим, чтобы ответить на несколько важных вопросов, касающихся Тома Рипли. Ваше присутствие будет чрезвычайно ценным и существенно ускорит расследование.

В случае Вашей неявки в течение недели мы будем вынуждены принять меры, нежелательные как для нас, так и для Вас.
С полным уважением
капитан Энрико Фаррара».

Стало быть, розыск Тома Рипли продолжается. Но возможно, это означает, что и в деле Майлза открылось что-то новое. Не в обычае у итальянцев вызывать американца в таких выражениях. В последней фразе — прямая угроза. И разумеется, они уже знают о подлоге.

Держа письмо в руке, Том тупо обвел глазами комнату. Поймал свое отражение в зеркале

— уголки губ опущены, взгляд беспокойный, испуганный. Он выглядит так, будто своей позой и выражением лица изо всех сил старается изобразить страх и потрясение. И поскольку он непроизвольно, безо всякой игры, на самом деле так выглядел, его страх от собственного вида удвоился. Том сложил письмо и сунул его в карман, затем снова вынул и разорвал на мелкие клочки.

Он начал быстро паковать чемодан. Сорвал пижаму и халат с крючков на двери ванной, запихал туалетные принадлежности в кожаный несессер с инициалами Дикки, рождественский подарок Мардж. И вдруг остановился. Надо избавиться от вещей Дикки, ото всех до единой. Здесь? Сейчас? Выбросить за борт на обратном пути в Неаполь?

На этот вопрос ответа не было, зато внезапно стало ясно, что нужно сделать, что именно он сделает, когда вернется в Италию. Ехать в Рим и не подумает. Отправится на самый север, в Милан или Турий, а может быть, куда-нибудь в окрестности Венеции и купит видавшую виды подержанную машину, уже наездившую много километров. Скажет, что два или три месяца мотался по Италии и ничего не слышал о том, что разыскивается Томас Рипли. Это скажет не кто

иной, как сам Томас Рипли.

Он продолжал паковаться. Знал: с Дикки Гринлифом покончено. Ужасно не хотелось снова становиться Томасом Рипли, снова превращаться в ничтожество, усваивать прежние привычки и повадки и чувствовать, что окружающие относятся к нему свысока и он им в тягость, если только не разыгрывает, словно шут, перед ними спектакль. Чувствовать себя ни на что не годным и ничего не умеющим, кроме как на короткое время развлечь людей. Очень не хотелось возвращаться к самому себе, как не хотелось бы надевать потрепанный, мятый, в сальных пятнах костюм, который и новый был не больно-то хорош. Его слезы капали на бело-синюю полосатую рубашку Дикки. Накрахмаленная и чистая, она лежала в чемодане сверху и выглядела такой же новой, как тогда, когда он впервые вытащил ее из комода Дикки в Монджибелло. Но на кармашке были вышиты красными нитками инициалы Дикки. Продолжая укладываться, Том наперекор судьбе решал, какие вещи Дикки он может оставить себе, поскольку на них нет инициалов и никто не смог бы припомнить, что это вещи Дикки, а не его собственные. Вот разве Мардж припомнит кое-что. Например, новую записную

книжку в синем кожаном переплете, куда Дикки успел записать всего несколько адресов и которая скорее всего была подарком Мардж. Но Том не собирался с нею встречаться.

Том оплатил счет в гостинице, но теплоход на материк отходил только на следующий день. Он заказал билет на имя Ричарда Гринлифа, думая о том, что, видно, в последний раз пользуется этим именем и в то же время надеясь, что ошибается. Он не мог отказаться от надежды, что все обойдется. Имеет же он право надеяться!.. И потому глупо впадать в уныние. Впадать в уныние было глупо в любом случае, даже будучи Томом Рипли. Томас Рипли в самом деле никогда не впадал в уныние, хотя часто выглядел унылым. Разве эти последние месяцы ничему его не научили? Если хочешь быть бодрым, или меланхоличным, или задумчивым, или заботливым, или вежливым, надо просто играть, изображая эти чувства и качества.

Очень бодрящая мысль пришла ему в голову наутро, когда он в последний раз проснулся в Палермо: всю одежду Дикки он сдаст в камеру хранения Американского агентства в Венеции на чужое имя и получит ее обратно когда-нибудь после, если захочет или если понадобится, а может

быть, и не обратится за ней некогда. При мысли о том, что дорогие рубашки Дикки и шкатулка с его запонками, браслетом и ручными часами будут надежно храниться где-то на складе, а не лежать на дне Тирренского моря или в мусорном ящике на Сицилии, он сразу почувствовал себя гораздо лучше.

Два запертых чемодана, с которых он соскоблил инициалы Дикки, вместе с двумя начатыми им в Палермо картинами он отправил от измени Роберта С Феншоу из Неаполя по адресу отделения Американского агентства в Венеции с поручением хранить на складе до востребования. Оставил, рискуя себя выдать, только кольца Дикки, которые положил на самое дно неказистой маленькой шкатулки из коричневой кожи, принадлежавшей Томасу Рипли. Сам не зная почему, он берег ее долгие годы и возил с собой повсюду, где бы ни путешествовал или куда бы ни переселялся. Помимо этих колец, в ней хранилась интересная коллекция его собственных запонок, булавок для галстука, запасных пуговиц, а также два пера для авторучки и катушка белых ниток с воткнутой в нее иголкой.

Из Неаполя Том поехал поездом через Рим, Флоренцию, Болонью. Сошел в Вероне и авто-

бусом доехал до городка Тренто примерно в сорока милях. Он не хотел покупать машину в таком большом городе, как Верона, потому что там в полиции могут вспомнить его фамилию, когда он обратится за водительскими правами. В Трепто купил подержанную кремовую «ланчу» за сумму, примерно соответствующую восьмистам долларам. Купил на имя Томаса Рипли, и на это же имя снял номер в гостинице, чтобы выждать сутки, пока не получит водительских прав. Прошло шесть часов, и пока ничего еще не случилось. Не оправдались опасения Тома, что даже этой маленькой гостинице окажется известна его фамилия, что в отделе, где оформляют водительские права, тоже могут обратить на нее внимание. Права он получил на следующий день часам к двенадцати, и ничего так и не случилось. В газетах тоже не появилось ничего ни о розыске Тома Рипли, ни по поводу убийства Майлза, ни об истории с лодкой в Сан-Ремо. Все это вызывало в нем удивительное ощущение безопасности, счастья и, пожалуй, даже некой нереальности всех этих убийств и розысков. Он почувствовал себя счастливым даже в своей отчаянно-безотрадной роли Томаса Рипли. В конце концов, разве сможет кому-либо хоть на минуту прийти в голову

мысль, что такой скромник способен совершить убийство? И единственное убийство, в котором его могли заподозрить, — это убийство Дикки в Сан-Ремо. Но тут они, пожалуй, не слишком продвинулись в расследовании. Перевоплощение в Тома Рипли содержало в себе по меньшей мере одно преимущество: снимало чувство вины за глупое, ненужное убийство Фредди Майлза.

Он хотел было тут же поехать в Венецию, но подумал, что следует хоть одну ночь провести так, как он якобы проводил все ночи в течение нескольких месяцев (так он скажет полицейским), а именно — поспать в машине прямо на проселочной дороге. Одну ночь он провел где-то в окрестностях Брешии на заднем сиденье «ланчи», с трудом поместившись и чувствуя себя глубоко несчастным. На рассвете переполз на переднее сиденье с таким болезненным растяжением шейной мышцы, что едва удавалось поворачивать голову, чтобы нормально вести машину. Но этот опыт придаст его словам достоверность, думал он, теперь он сумеет лучше изложить свою легенду. Он купил путеводитель по Северной Италии, испещрил его датами в соответствующих местах, загнул углы страниц, наступил на переплет и сломал его.

Следующую ночь провел уже в Венеции. Возможно, это было ребячеством, но Том до той поры избегал Венеции, ибо боялся разочароваться. Думал, что только сентиментальные дураки да американские туристы восторгаются Венецией и даже в лучшем случае это город для молодоженов, которые получают удовольствие от невозможности попасть куда бы то ни было иначе, как на гондоле, движущейся со скоростью пешехода. Венеция оказалась больше, чем он предполагал, на улицах было полно точно таких же, как и повсюду, итальянцев. Оказалось, по всему городу можно ходить пешком, для чего сооружены узкие тротуарчики и мосты, так что гондолами пользоваться вовсе не обязательно. По большим каналам курсируют моторные катера, такие же быстроходные и эффективные, как и поезда подземки, а также что от каналов вовсе не воняет. В городе был огромный выбор гостиниц, начиная от «Гритти» и «Даниэли», о которых он слышал раньше, и кончая завалящими гостиничками и паисончиками в глухих переулках, находящимися настолько в стороне от проторенных путей, так далеко от мира полицейских и американских туристов, что, как представлялось Тому, он мог бы жить там месяцами, не привлекая ничьего

внимания. Он выбрал гостиницу под названием «Констанца», очень близко от моста Риальто. Она была чем-то средним между знаменитыми роскошными отелями и никому не известными приютами в глухих переулках. Чистая, недорогая, из нее было удобно добираться до всяких достопримечательностей. Как раз такая и подходила Тому Рипли.

Том провел часа два в своей комнате, не спеша распаковывая собственные старые, давно знакомые вещи и погружаясь в раздумья, за окном на Большой канал опускались сумерки. Он предугадывал разговор, который очень скоро произойдет у него в полиции… «Понятия не имею. Я виделся с ним в Риме. Если вы сомневаетесь, это может подтвердить Марджори Шервуд… Ну разумеется, я Том Рипли! (Тут последует его характерный смешок.) Не могу попять, из-за чего вся эта суматоха… Сан-Ремо? Да, помню. Мы вернули лодку через час… Да, после Монджибелло я возвращался в Рим, но провел там не более двух суток, а потом отправился странствовать по северу Италии… Где он сейчас, не имею ни малейшего представления, но недели три назад я видел его…» Том, улыбаясь, слез с подоконника, переменил рубашку и галстук на более нарядные

и вышел поискать ресторан, где можно приятно поужинать. Хороший ресторан. Том Рипли мог в виде исключения позволить себе потратиться. Его небольшой бумажник был так туго набит длинными банкнотами по десять и двадцать тысяч лир, что его невозможно было закрыть. Перед отъездом из Палермо он по дорожным чекам Дикки получил тысячу долларов наличными.

Том купил две вечерние газеты, сунул их под мышку и продолжил путь по горбатому мостику, по длинной улице шириной метра в полтора, вдоль которой тянулись магазины кожаных изделий и мужских рубашек, в витринах же ювелирных магазинов сверкали в коробочках россыпи ожерелий и колец. Именно в таких коробочках он когда-то представлял себе сокровища из волшебных сказок. Ему понравилось, что в Венеции нет автомобилей. От этого, по его мнению, город уподобился человеческому организму. Улицы служили венами, а пешеходы — циркулирующей по ним кровью. Он пошел обратно другой улицей и второй раз пересек Пьяцца Сан-Марко. Повсюду были голуби — в воздухе, в лучах света, даже поздним вечером падавшего из витрин. Голуби бродили под ногами у прохожих, словно сами были экскурсантами в собственном

городе. Под аркой собора рассыпаны стулья и столики нескольких кафе, выходивших на площадь, так что и людям и голубям приходилось отыскивать узкие проходы между ними. В разных углах площади орали патефоны. Том попытался представить себе, как летом выглядит это место, залитое солнцем, полное народу, пригоршнями бросающего в воздух корм для голубей, которые, трепеща крыльями, слетаются поклевать. Он пошел по другой улице, узкому освещенному тунелю. Здесь было много ресторанов. Он выбрал с виду очень солидный и респектабельный, с белыми скатертями и стенами, обшитыми темным деревом. Из тех ресторанов, где, как он уже знал по опыту, основное внимание уделяется кухне, а не временным гостям — туристам. Он сел за столик и раскрыл одну из газет.

И сразу же наткнулся на маленькую заметку на второй странице:

> «Полиция разыскивает пропавшего без вести американца.
>
> Дикки Гринлиф, друг убитого Фредди Майлза, пропал без вести после поездки на Сицилию».

Том, низко нагнувшись над газетой, весь ушел в

чтение. Он возмущался всей этой непроходимой дурью, ужасающей тупостью и беспомощностью полиции. Да и со стороны редакции глупо было впустую тратить место в газете, печатая подобную заметку. В ней говорилось, что Г. Ричард (Дикки) Гринлиф, близкий друг покойного Фредерика Майлза, американца, убитого три недели назад в Риме, исчез после того, как предположительно сел на теплоход, идущий из Палермо в Неаполь. И сицилийская и римская полиция поставлены на ноги и ведут vigilantissimo[37] розыск. В последнем абзаце говорилось, что Гринлиф только что получил предписание явиться в римскую полицию и ответить на ряд вопросов, касающихся исчезновения Томаса Рипли, также близкого друга Гринлифа. Рипли, как говорилось в газете, считается пропавшим без вести примерно три месяца назад.

Том отложил газету, непроизвольно разыграв удивление, какое может испытать человек, прочитавший в газете, будто он пропал без вести. Притворялся так естественно, что не замечал пытавшегося подать меню официанта, пока меню не коснулось его руки. Да, вот теперь настало

---

[37] Примечания: 37
Тщательнейший (ит.).

время самому явиться в полицию. Если у них ничего против него нет — а что может быть против Тома Рипли? — вряд ли будут проверять, когда он купил машину. Прочитав заметку в газете, он вздохнул с облегчением: это было доказательством, что полиция не выловила его фамилии в отделе регистрации автомашин в Тренто.

Том поужинал не спеша и с удовольствием, заказал напоследок кофе-эспрессо и выкурил пару сигарет, перелистывая свой путеводитель по Северной Италии. И появились другие соображения. Например, почему это он разглядел такую маленькую заметку? Ведь она была только в одной газете. Нет, являться в полицию рано. Надо подождать, пока не попадутся две или три подобные заметки или одна большая статья, которая, естественно, могла бы привлечь его внимание. Очевидно, такая статья появится в ближайшее время. Пройдет еще несколько дней, Дикки Гринлиф так и не отыщется, и тогда возникнет подозрение, что он скрывается потому, что убил Фредди Майлза, а возможно, и Тома Рипли тоже. Мардж, вероятно, сказала им, что говорила с Томом Рипли, но воочию полиция его пока еще не видела. Он листал справочник, водил глазами по строкам бесцветной прозы и статистических

данных, а сам в это время думал, думал.

Он думал о Мардж, которая сейчас, вероятно, продает свои дом в Монджибелло и пакует вещи для отправки в Америку. Она прочтет в газетах об исчезновении Дикки и будет считать, что в этом виноват он, Том. Напишет отцу Дикки, утверждая, как минимум, что Том Рипли очень дурно влияет на Дикки. Мистер Гринлиф, вероятно, сам приедет в Европу.

Как хорошо было бы явиться в полицию в обличье Тома Рипли и успокоить их на этот счет, а потом явиться в обличье целого и невредимого Дикки Гринлифа и прояснить также и эту маленькую загадку!

Он подумал, что надо играть Тома Рипли еще лучше, путь даже переигрывать. Еще больше сутулиться, еще больше стесняться. Быть может, даже завести очки в роговой оправе и поджимать губы с еще более унылым видом, дабы подчеркнуть контраст с постоянным оживлением Дикки. Ведь вполне возможно, что он нарвется на кого-либо из полицейских, видевших его прежде в облике Дикки Гринлифа. Как бишь его, того полицейского в Риме, звали? Ровассини, что ли? Надо снова прополоскать волосы в крепком растворе хны, чтобы они стали даже темнее своего

естественного цвета.

Он в третий раз просмотрел все газеты в поисках сообщений, связанных с убийством Майлза, но так ничего и не нашел.

Глава 22

На следующее утро в самой главной газете появился подробный отчет, где лишь в коротеньком абзаце говорилось о розыске Тома Рипли, зато смело утверждалось, что Дикки Гринлиф «дал повод для подозрения в соучастии» в убийстве Майлза и если он не явится в полицию, чтобы снять с себя подозрение, это будет расценено как попытка ускользнуть от «неприятностей». В газете упоминалось также о подложных чеках. Дескать, последним сообщением от Ричарда Гринлифа было письмо в Неаполитанский банк, официально подтверждающее подлинность его подписи на чеках. Между тем двое из трех экспертов Неаполитанского байка сошлись во мнении, что январский и февральский чеки синьора Гринлифа были подложными; такова же точка зрения американского банка синьора Гринлифа, приславшего в Неаполь фотокопии его подписи. Статья заканчивалась в несколько игривом тоне: «Может ли человек подделать собственную подпись? Или состоятельный американец выгораживает кого-либо из своих друзей?»

А пошли они все к черту! Дикки и сам расписывался по-разному: когда он однажды в Монджибелло расписался в присутствии Тома, подпись была одна, а на страховом полисе, который Том нашел среди бумаг Дикки, совсем другая. Пусть выкопают все бумаги, которые он подписал за последние три месяца, и посмотрим, что это им даст! Они явно не заметили, что подпись на его письмах из Палермо тоже была подделана.

Единственное, что его действительно интересовало, — это не нашла ли полиция каких-либо улик, изобличающих Дикки как убийцу Фредди Майлза. Да и это едва ли по-настоящему интересовало, ибо не касалось его лично. В газетном киоске на Пьяцца Сан-Марко он купил «Оджи» и «Эпоку», богато иллюстрированные фотографиями малоформатные еженедельники. Они печатали всякую всячину, был бы «жареный факт». Но в них о розыске Дикки Гринлифа ничего не было. Возможно, что-либо появится на следующей неделе. Однако фотографии Тома у них все равно не будет. Мардж в Монджибелло фотографировала Дикки, но Тома не снимала никогда.

Бесцельно слоняясь в это утро по городу, в лавке, где продавали игрушки и всякую ерунду

для розыгрышей, Том купил очки в такой, как хотел, оправе с простыми стеклами. Зашел в собор Святого Марка и тщательно осмотрел его изнутри, хотя и ничего не видя. Виноваты в этом были не очки. Он думал о том, что теперь пора объявиться, и немедленно. Что бы ни случилось, но чем дольше он откладывает, тем хуже для него все обернется. Выйдя из собора, Том с несчастным видом спросил у полицейского, как пройти в ближайший участок. Ои и чувствовал себя несчастным. Страха не было, но необходимость объявиться в качестве Томаса Феликса Рипли он считал одним из величайших несчастий в своей жизни.

— Так, значит, вы Томас Рипли? — спросил капитан полиции, выказывая не больше интереса, чем если бы Том был вдруг нашедшейся пропавшей собакой. — Могу я взглянуть на ваш паспорт?

Том подал ему паспорт.

— Не знаю, из-за чего весь этот переполох. Но когда я прочитал в газетах, что меня считают пропавшим без вести… — Все это, в точности как он и предполагал, оказалось до смерти скучным. Полицейские с непроницаемыми лицами стояли вокруг и пялились на него. — Что вы теперь пред-

примете? — спросил он капитана.

— Позвоню в Рим, — невозмутимо ответил тот, снимая трубку.

Подождав несколько минут, пока освободится линия, капитан бесстрастно сообщил кому-то на другом конце провода, что этот американец, Томас Рипли, находится в Венеции. После нескольких отрывочных реплик полицейский сказал Тому:

— Они хотели бы повидать вас. Вы сможете сегодня выехать в Рим?

Том нахмурил брови:

— Я не собираюсь в Рим.

— Я скажу им, — коротко ответил полицейский и снова заговорил в трубку.

Теперь он договаривался, чтобы полицейские из Рима приехали сюда. Том еще раз оценил привилегированность положения американского гражданина.

— В какой гостинице вы остановились?

— В «Констанце».

Полицейский передал эту информацию в Рим. Потом повесил трубку и сообщил Тому, что его коллега из Рима прибудет в Венецию поговорить с ним сегодня вечером после восьми.

— Спасибо, — сказал Том, поворачиваясь

спиной к унылой фигуре полицейского, заполнявшего какой-то бланк. Весь этот маленький спектакль был нестерпимо скучен.

Остаток дня Том провел в своей комнате, спокойно размышляя, читая и внося дальнейшие мелкие изменения в свою внешность. Вполне возможно, что к нему пришлют того же самого полицейского, который говорил с ним в Риме, лейтенанта Ровассини, или как бишь там его. Том подкрасил брови свинцовым карандашом. Целый день валялся в своем коричневом твидовом костюме и даже оторвал пуговицу от пиджака. Дикки был аккуратистом, а Том, в противоположность ему, будет демонстративно неряшливым. Он не стал есть ленч. Есть вообще-то и не хотелось, к тому же он худел, сбрасывая тот килограмм, который набрал, дабы войти в роль Дикки Гринлифа. Теперь он станет еще худее, чем когда-либо раньше был Том Рипли. В его собственном паспорте значился вес шестьдесят два килограмма. Дикки весил шестьдесят семь, а роста они были одного — метр восемьдесят семь.

В половине десятого вечера зазвонил телефон, и Тому сообщили, что лейтенант Роверини ждет его в вестибюле.

— Будьте добры, попросите его подняться.

Том подошел к креслу, в котором намеревался сидеть, разговаривая с Роверини, и отодвинул его подальше от круга, освещенного торшером. Комнате придал вид, будто последние несколько часов он читал и вообще убивал время: горели торшер и маленькая настольная лампа, покрывало на кровати было смято, несколько книг лежали раскрытыми переплетом вверх, на письменном столе — начатое письмо к тете Дотти.

Лейтенант постучал в дверь.

Том неторопливо открыл.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер. Лейтенант Роверини из римской полиции.

На простодушном улыбающемся лице лейтенанта не выразилось ни удивления, ни подозрительности. Вслед за ним молча вошел другой полицейский, молодой, высокого роста. Вовсе не другой, понял вдруг Том, а тот же самый. Он сопровождал лейтенанта, когда Том впервые встретился с ним в своей квартире в Риме. Лейтенант сел в кресло, предложенное Томом, свет падал прямо на него.

— Вы приятель синьора Ричарда Гринлифа? — спросил он.

— Да.

Том опустился в другое кресло, сгорбился в нем, опираясь на подлокотники.

— Когда и где вы видели его в последний раз?

— Мы ненадолго встретились в Риме как раз перед тем, как он поехал на Сицилию.

— А получали ли вы от него известия, когда он был на Сицилии?

Лейтенант все записывал в блокнот, который достал из коричневого портфеля.

— Нет, не получал.

— Так-так, — сказал лейтенант. Он больше смотрел на свои бумаги, чем на Тома. Наконец поднял глаза, в них был дружеский интерес. — Когда были в Риме, вы не знали, что полиция хочет встретиться с вами?

— Нет, не знал. Не могу понять, почему говорят, будто я пропал без вести. — Том поправил очки и посмотрел полицейскому прямо в глаза.

— Объясню позднее. Когда вы были в Риме, синьор Гринлиф не сказал вам, что полиция хочет встретиться с вами?

— Нет.

— Странно, — спокойно заметил полицейский, делая очередную пометку. — Синьор Гринлиф знал, что мы хотим встретиться с вами. Синьор Гринлиф не очень склонен к сотрудничеству.

— Он улыбнулся Тому.

Том сохранил на лице серьезное и внимательное выражение.

— Синьор Рипли, где вы были с конца ноября?

— Путешествовал. По большей части был на севере Италии. — Том нарочно говорил по-итальянски с видимым трудом, время от времени допуская ошибки и совсем в другом ритме, чем Дикки.

— Где именно? — Лейтенант приготовился записывать.

— Милан, Турин, Фаэнца… Пиза…

— Мы наводили справки в гостиницах, например в Милане и Фаэнце. Вы что, всегда останавливались у знакомых?

— Нет. Я… частенько спал в машине. — Всем своим видом Том давал понять, что у него не так уж много денег и он из тех молодых людей, которым интереснее терпеть лишения и неудобства наедине с путеводителем и томиком Силоне или Данте, чем шиковать в роскошной гостинице. — Простите, не продлил визу, — добавил он с виноватым видом. — Я не знал, что это так важно. — На самом деле он знал, что туристы в Италии почти никогда не дают себе труда продлевать визу и живут в стране месяцами, хотя при въезде

заявили, что приехали на две-три недели.

Слово «виза» он нарочно произнес неправильно, и лейтенант мягко, чуть ли не по-отечески, поправил его.

— Спасибо.

— Могу ли я взглянуть на ваш паспорт?

Том вынул паспорт из внутреннего кармана пиджака. Лейтенант тщательно изучал фотокарточку, а Том придавал своему лицу такое же выражение — тревожное, с приоткрытым ртом. На фотографии он без очков, но пробор в волосах был на том же самом месте и галстук завязан таким же свободным треугольным узлом. Лейтенант проглядел несколько штампов, лишь частично заполнявших две первые страницы паспорта.

— Вы находитесь в Италии со второго октября, за исключением короткой поездки во Францию вместе с синьором Гринлифом?

— Да.

Лейтенант улыбнулся — теперь это была любезная итальянская улыбка — и наклонился вперед, упершись руками в колени.

— Ну что ж, все это проясняет хотя бы один важный вопрос — загадку лодки из Сан-Ремо.

Том нахмурился:

— Не понимаю…

— Там нашли затопленную лодку и внутри обнаружили пятна, похожие на пятна крови. Естественно, поскольку вы, по нашим сведениям, пропали без вести непосредственно после поездки в Сан-Ремо… — он развел руками и рассмеялся, — мы сочли разумным спросить у синьора Гринлифа, что случилось с вами. Это мы и сделали. Ведь лодка пропала в тот самый день, когда вы вдвоем были в Сан-Ремо. — Он снова засмеялся.

Том сделал вид, что не понимает соли шутки.

— Но разве синьор Гринлиф не сказал, что после Сан-Ремо я поехал в Монджибелло? Я сделал для него… — он подыскивал слова, — несколько маленьких работ.

— Отлично! — сказал, улыбаясь, лейтенант Роверини. Он по-домашнему расстегнул медные пуговицы шинели и расчесал пальцем густые кудрявые усы. — А Фредерика Майлезе вы тоже знали? — спросил он.

Том невольно испустил вздох облегчения — кажется, вопрос о лодке был закрыт.

— Нет, только однажды видел его, когда он сошел с автобуса в Монджибелло. Больше я с ним никогда не встречался.

— Так-так, — протянул лейтенант, осмысливая

ответ. С минуту помолчал, похоже исчерпав все вопросы, потом улыбнулся. — Ах, Монджибелло! Красивый городок, правда? Моя жена оттуда родом.

— Какое совпадение, — отозвался Том любезно.

— Да. Мы с ней провели там медовый месяц.

— Очень красивый городок. Благодарю вас. — С этими словами Том закурил сигарету, предложенную лейтенантом. Это, вероятно, был всего лишь антракт, продиктованный итальянской учтивостью, передышка между двумя раундами. Им наверняка еще предстоит углубиться в частную жизнь Дикки, историю с подложными чеками и всякое такое. Том сказал серьезно, с видимым трудом подбирая итальянские слова: — Я читал в газете, что, если синьор Гринлиф не явится в полицию, его заподозрят в убийстве Фредди Майлза. Его и в самом деле считают виноватым?

— Ах нет, нет, нет! — замахал руками лейтенант. — Но он должен явиться, это необходимо! Почему он прячется от нас?

— Не знаю. Как вы сказали, он не очень склонен к сотрудничеству, — с недовольным видом произнес Том. — Он настолько не склонен к сотрудничеству, что даже не сказал мне, чтобы я зашел в полицию, когда был в Риме. Но в то же

время… Мне кажется невероятным, чтобы он убил Фредди Майлза.

— Да, но… Один человек в Риме показал, что видел двоих мужчин у машины синьора Майлезе напротив дома синьора Гринлифа и что оба были пьяны или… — для вящего впечатления он выдержал паузу, не сводя с Тома глаз, — возможно, один из них был мертв, потому что другой подпирал его, прислонив к машине. Конечно, мы не можем с определенностью утверждать, что человек, которого подпирали, был синьор Майлезе… или синьор Гринлиф, — добавил он, — но если бы нашли синьора Гринлифа, по крайней мере, мы могли бы спросить его, был ли он так пьян, что синьору Майлезе пришлось подпирать его. — Он рассмеялся. — Это очень серьезное дело.

— Да, понимаю.

— Вам не приходит на ум, хотя бы предположительно, где сейчас может находиться синьор Гринлиф?

— Нет. Решительно не приходит.

Лейтенант задумался.

— Вы не знаете, синьор Гринлиф и синьор Майлезе не были в ссоре?

— Нет, но…

— Но что?

Том продолжал медленно, старательно строя итальянские фразы:

— Я знаю, что Дикки не поехал с Фредди Майлзом кататься на лыжах. Помню, очень удивился, почему он не поехал. Он не объяснил мне почему.

— Об этом я знаю. Синьор Майлезе с компанией катались на лыжах в Кортино-д'Ампеццо. Вы уверены, что тут не замешана женщина?

Том чуть не прыснул, но сделал вид, что тщательно обдумывает такую возможность.

— Вряд ли.

— Ну а эта девушка, Марджори Шервуд?

— Я допускаю, что это не исключено, — сказал Том, — и все-таки вряд ли. Наверно, я не тот человек, который может отвечать на вопросы о личной жизни синьора Гринлифа.

— Синьор Гринлиф никогда не говорил с вами о своих сердечных делах? — спросил лейтенант с удивлением, естественным для представителя романских народов.

В эту ловушку он может заманивать их все дальше и дальше, подумал Том. Мардж будет поддерживать его версию хотя бы уже своей бурной реакцией на вопросы о Дикки, и итальянская полиция так никогда и не проникнет в суть запу-

танной эмоциональной жизни Дикки Гринлифа. Он ведь и сам никак не мог в ней разобраться.

— Нет, — сказал Том. — О своих самых интимных, личных делах Дикки, пожалуй, не говорил со мной никогда. Я знаю, что он с глубочайшей нежностью относится к Марджори. — И добавил: — С Фредди Майлзом она тоже была знакома.

— Насколько хорошо знакома?

— М-м… — Том всем своим видом давал понять, что мог бы кое-что порассказать, если бы захотел.

Лейтенант наклонился вперед:

— Поскольку вы какое-то время жили вместе с синьором Гринлифом в Монджибелло, возможно, сможете рассказать о его привязанностях вообще. Это очень важно.

— Почему бы вам не поговорить с синьориной Шервуд? — предложил Том.

— Мы говорили с ней в Риме еще до того, как синьор Гринлиф исчез. Я договорился встретиться с ней еще раз в Генуе, откуда она поедет в Америку. Сейчас она в Мюнхене.

Том молчал. Он теперь успокоился. Именно на это он и надеялся в минуты самого большого оптимизма: у полиции не было к нему абсолютно никаких претензий, его ни в чем не подозревали.

Том вдруг почувствовал себя чистым и сильным, на нем не осталось и следа какой-либо вины, как на его старом чемодане не осталось тщательно соскобленной наклейки из камеры хранения в Палермо. Он сказал, старательно подбирая слова, все так же серьезно и в манере, характерной для Тома Рипли:

— Я вспомнил. Тогда, в Монджибелло, Марджори сначала говорила, что ни в коем случае не поедет в Кортино, а потом передумала. Не знаю почему. Может быть, вам как-то это пригодится.

— Но она и вправду не поехала в Кортино.

— Не поехала, но, я думаю, только потому, что не поехал синьор Гринлиф. Уж до такой-то степени он наверняка нравится синьорине Шервуд, чтобы она не поехала одна развлекаться туда, куда надеялась поехать вместе с ним.

— Вы думаете, синьоры Майлезе и Гринлиф поссорились из-за синьоры Шервуд?

— Не могу вам сказать. Это возможно. Я знаю, что синьор Майлз тоже относился к ней с глубочайшей нежностью.

— Так-так.

Лейтенант нахмурил брови, стараясь разобраться во всем этом. Он глянул на своего младшего коллегу, который явно внимательно слушал,

но, судя по его неподвижному лицу, ничем не мог помочь.

Сказанное Томом рисовало Дикки ревнивым любовником, который не дал Мардж поехать развлечься в Кортино, потому что ей слишком нравился Фредди Майлз. Сама мысль, что кто-либо, а в особенности Мардж, может предпочесть Дикки Гринлифу этого быка с вытаращенными глазами, вызывала у Тома улыбку. Он вовремя спохватился и придал своему лицу выражение недоумения.

— Вы действительно считаете, что Дикки нарочно прячется, или вы думаете, что не находите его из-за случайного стечения обстоятельств?

— О нет. Очень уж тут много всего. Во-первых, эта история с чеками. Вы, вероятно, знаете о ней из газет.

— Насчет чеков я не совсем понимаю.

Полицейский объяснил. Он точно помнил, от какого числа был каждый чек и сколько экспертов считает их подложными. А синьор Гринлиф подтвердил подлинность чеков.

— Но если банк приглашает его в связи с подделкой его подписи и римская полиция тоже приглашает его в связи с убийством его друга, а он исчезает… — Лейтенант развел руками. — Это

может означать только одно: он прячется от нас.

— А вы не думаете, что кто-либо мог убить его самого? — мягко спросил Том.

Полицейский пожал плечами, по меньшей мере четверть минуты его плечи чуть ли не касались ушей.

— Нет, не думаю. Известные мне факты не допускают такой версии. Делают ее маловероятной. Так что вывод один… Мы связывались по радио со всеми, и большими и маленькими, судами, отплывавшими из Италии с пассажирами на борту. Одно из двух: он либо воспользовался совсем крохотной лодочкой, возможно рыбачьей, либо скрывается в Италии. Конечно, он может прятаться еще где-нибудь в Европе, мы обычно не фиксируем фамилий выезжающих из страны, а у синьора Гринлифа было в запасе несколько дней для выезда. Так или иначе, он скрывается. Так или иначе, ведет себя как человек, за которым есть вина. Не знаю, какая именно, но тут что-то неладно.

Том пристально и серьезно смотрел на полицейского.

— Видели ли вы когда-нибудь своими глазами, как синьор Гринлиф подписывает эти переводы? В частности, переводы за январь и февраль?

— Однажды видел, — сказал Том. — Но боюсь, что это было в декабре. В январе и феврале меня с ним не было. А неужели же вы серьезно подозреваете его в том, что он мог убить синьора Майлза? — спросил он снова, как бы не в силах этому поверить.

— У него нет алиби, — ответил полицейский. — Он говорит, что после ухода синьора Майлезе вышел прогуляться, по никто не видел его на этой прогулке. — Вдруг он ткнул пальцем в сторону Тома. — И еще… мы узнали от синьора Вэна Хаустона, друга синьора Майлезе, что синьор Майлезе с большим трудом разыскал синьора Гринлифа в Риме, как будто синьор Гринлиф намеренно скрывался от него. Возможно, синьор Гринлиф был сердит на синьора Майлезе, хотя, по словам синьора Вэна Хаустона, синьор Майлезе вовсе не был сердит на синьора Гринлифа.

— Понимаю, — сказал Том.

— Ну вот, — подвел итог лейтенант.

Он пристально смотрел на руки Тома. Или Тому показалось, что полицейский пристально смотрит на его руки. На пальце Тома красовалось его собственное кольцо. Но быть может, лейтенант вспомнил, что уже видел эти руки? Том смело протянул руку и раздавил сигарету в

пепельнице.

— Ну ладно, — сказал лейтенант, вставая. — Большое спасибо за помощь, синьор Рипли. Вы один из немногих, от кого мы можем узнать о жизни синьора Гринлифа. Его знакомые в Монджибелло старательно держат язык за зубами. Увы, типично итальянская черта! Страх перед полицией. — Он хихикнул. — Надеюсь, что в следующий раз, если у нас возникнут к вам вопросы, нам будет легче вас найти. Проводите больше времени в городах и меньше в сельской местности. Если только вы не горячий поклонник итальянской глубинки.

— Да, я ее поклонник! — с жаром ответил Том. — На мой взгляд, нигде в Европе нет такого красивого сельского пейзажа, как в Италии. Но если хотите, я буду сам сообщать вам в Рим, где нахожусь. Я не меньше вашего заинтересован в том, чтобы моего друга нашли. — Том сделал вид, будто при чистоте и невинности своих помыслов просто забыл о том, что Дикки подозревается в убийстве.

Лейтенант дал ему карточку со своей фамилией и служебным адресом в Риме. Он поклонился:

— Большое спасибо, синьор Рипли! Всего доброго!

— Всего доброго.

Полицейский помоложе, выходя, отдал честь, Том кивнул в ответ и закрыл за ними дверь.

Казалось, он сейчас взлетит — раскинув руки, вылетит в окно, как птица. Ну что за идиоты! Ходят вокруг да около и никак не могут разгадать загадку. Не могут догадаться, что Дикки сбежал от вопросов о подлоге прежде всего потому, что он не Дикки Гринлиф. Единственное, до чего они додумались, — это что Дикки, возможно, убил Фредди Майлза. Но Дикки мертв, мертв... Дикки сыграл в ящик, откинул копыта, а он, Том Рипли, в безопасности! Он поднял телефонную трубку.

— Будьте добры, соедините меня с «Гранд-отелем», — сказал он на деревянном итальянском Тома Рипли. — Il ristorante, per piacere[38]. Будьте добры зарезервировать столик на одного на половину десятого вечера. Спасибо. На имя Рипли. — И он повторил фамилию по буквам.

Сегодня он устроит себе праздничный ужин. И будет смотреть на Большой канал в лунном свете, и лениво следить глазами за скользящими по воде гондолами с фигурами гондольеров и веслами, вырисовывающимися на фоне залитой лун-

---

[38] Примечания: 38
Ресторан, пожалуйста (ит.).

ным светом воды. Том внезапно почувствовал, что голоден как волк. Сейчас он съест что-нибудь экзотическое и дорогое. Фирменное блюдо «Гранд-отеля», каково бы оно ни было, будь то фазанья грудка или petto di polo[39], а для начала закажет cannelloni[40], и сливочный соус к изысканным макаронам, и доброе вино альполичелла, которое будет прихлебывать, мечтая о будущем и строя планы дальнейших путешествий.

Пока он переодевался, на ум пришла блестящая идея: надо завести конверт с надписью «Вскрыть тогда-то и тогда-то» (через несколько месяцев). Внутри будет подписанное Дикки завещание: в нем он откажет Тому все свои деньги и свой ежемесячный доход. Это была гениальная идея.

---

[39] Примечания: 39
Куриная грудка (ит.).

[40] Примечания: 40
Короткие широкие макароны, фаршированные мясом (ит.).

Глава 23

«Венеция 28 февраля 19…

Дорогой мистер Гринлиф!

Я подумал, что при сложившихся обстоятельствах Вы не поймете превратно, если я напишу Вам и сообщу все, что знаю о Ричарде. Я, по-видимому, один из последних, кто его видел.

Я видел его в Риме примерно второго февраля в гостинице „Англия“. Как Вы знаете, к тому времени прошло всего два или три дня после гибели Фредди Майлза. Дикки был расстроен и нервничал. Он сказал, что, как только полиция закончит допрашивать его в связи с гибелью Фредди, он уедет в Палермо. Он, казалось, прямо-таки рвался прочь из Рима, что вполне понятно. И это все на фоне подавленности, которая огорчила меня больше, нежели бросающееся в глаза нервное возбуждение. О нем-то я хотел Вам сообщить. У меня появилось чувство, будто он попытается сделать нечто ужасное.

Возможно, сделает что-то с собой. Я знал также, что он не хочет снова встречаться со своей приятельницей Мардж и, если она приедет из Монджибелло в Рим повидаться с ним в связи с делом об убийстве Майлза, будет избегать ее. Я постарался убедить его встретиться с ней. Не знаю, виделись ли они. Мардж оказывает на людей успокаивающее воздействие. Возможно, Вы знаете об этом.

Я пытаюсь объяснить Вам, почему я думаю, что Ричард мог покончить с собой. Сейчас, когда я пишу это письмо, его еще не нашли. Надеюсь, и даже уверен, что к тому времени, когда Вы получите мое письмо, уже найдут. Я, разумеется, не сомневаюсь, что Дикки ни прямо, ни косвенно не имеет никакого отношения к гибели Фредди, но думаю, что вызванное ею потрясение, а также последующие допросы способствовали нарушению его душевного равновесия. Сожалею, что приходится писать Вам столь удручающее послание. Возможно, все это окажется вовсе не нужным и Дикки (что опять же вполне понятно, учитывая его

характер) просто скрывается, переживая неприятности. Но время идет, и я все больше беспокоюсь. Я счел своим долгом написать Вам просто для того, чтобы Вы знали…»

«Мюнхен 3 марта 19…

Дорогой Том!

Спасибо тебе за письмо. Очень мило с твоей стороны. Я ответила на вопросы полиции письменно, и к тому же один полицейский приезжал сюда, чтобы увидеться со мною. В Венецию я не приеду, но за приглашение спасибо. Послезавтра уезжаю в Рим встречать отца Дикки, он прилетает сюда. Да, я с тобой согласна, ты правильно сделал, что написал ему.

Я так расстроена всем этим, что свалилась с чем-то вроде мальтийской лихорадки, а может быть, подействовало то, что немцы называют „фен“, с примесью какого-то вируса. В буквальном смысле не могла встать с постели четыре дня, иначе была бы уже в Риме. Так что извини, пожалуйста, за это бессвязное и, возможно, глупое письмо, которым я

столь недостойно отвечаю на твое премилое. Но что я хочу подчеркнуть, так это свое решительное несогласие с твоей мыслью, будто Дикки покончил с собой. Не тот он человек, хотя я знаю все, что ты можешь возразить: мол, люди никогда не ведут себя так, как от них ожидают, и т. д. Нет, что касается Дикки — что угодно, только не самоубийство. Его убили в каком-нибудь глухом закоулка Неаполя… или даже Рима, потому что ведь никто не знает, поехал ли он после Сицилии в Рим или нет. А может быть, ему осточертело, что к нему все время пристают, он ведь не терпит никаких обязанностей и сейчас прячется. Думаю, все дело в этом.

Я рада, что, по-твоему, история с подлогами — просто ошибка. В смысле — ошибка работников банка. Я тоже так считаю. Дикки очень изменился с ноября, вполне мог измениться и его почерк. Будем надеяться, что к тому времени, когда ты получишь это письмо, что-либо уже прояснится. Я получила телеграмму от мистера Гринлифа, он приезжает в Рим, так что я должна беречь все силы

для этого.

Приятно было наконец узнать твой адрес. Еще раз спасибо за письмо, за советы и приглашение.

С наилучшими пожеланиями

Мардж.

P.S. Я еще не сообщила добрую для меня весть. Удалось заинтересовать моей книгой одного издателя. Он говорит, что не может заключить со мной договор, пока не увидит всю работу целиком, но, в общем, есть реальная перспектива. Теперь только б закончить эту проклятую книгу!

М.».

Очевидно, она решила наладить с ним отношения. Возможно, в полиции тоже о нем говорит теперь в совсем другом тоне.

Исчезновение Дикки сильно взволновало итальянскую прессу. Мардж или кто-то другой снабдили репортеров фотографиями. В «Эпоке» были снимки Дикки на яхте в Монджибелло, в «Оджи» — Дикки на пляже в Монджибелло и Дикки на террасе у Джордже, а также снимок Дикки с Мардж — «приятельницей как исчезнувшего

Дикки, так и убитого Фредди». Оба улыбаются, обнимая друг друга за плечи. Был даже снимок Герберта Гринлифа-старшего, типичный портрет бизнесмена. В свое время адрес Мардж в Мюнхене Том узнал тоже из газеты. Последние две недели в «Оджи» печаталась с продолжением биография Дикки, где его школьные годы описывались как мятежные, а светская жизнь в Америке и бегство в Европу ради занятий искусством расцвечивались такими яркими красками, что он выступал как нечто среднее между Эрролом Флинном и Полем Гогеном. Иллюстрированные еженедельники постоянно публиковали последние сообщения из полиции, которые фактически сводились к нулю, хотя были перегружены самыми разнообразными теоретическими выкладками, какие только угодно было состряпать автору к данному номеру. Излюбленной версией было — что Дикки убежал с другой девушкой, возможно, она-то и подписывала чеки, и развлекается инкогнито где-нибудь на Таити, или в Южной Америке, или в Мексике. Полиция по-прежнему прочесывает и Рим, и Неаполь, и Париж. Вот и все факты. Никаких следов, ведущих к убийце Фредди Майлза, и ни слова о том, что кто-то видел, как Дикки Гринлиф тащил Фредди Майлза, или, наоборот,

может, Фредди тащил Дикки? Том удивлялся, почему полиция скрывает этот факт от газет. Том с удовольствием прочитал о себе как о «верном друге» без вести пропавшего Дикки Гринлифа, который по собственному почину сообщил все, что знал, о характере и привычках Дикки и так же недоумевает по поводу его исчезновения, как и все остальные. «Синьор Рипли, один из молодых состоятельных американских гостей в Италии, — писала „Оджи“, — в настоящее время живет в Венеции, во дворце с видом на Пьяцца Сан-Марко». Это понравилось Тому больше всего. Он вырезал эту рекламу.

Тому и в голову не приходило называть свое жилище дворцом, но, конечно, это было то, что итальянцы называют «палаццо», то есть дворец: двухэтажный дом восемнадцатого века. Парадный подъезд выходил на Большой канал, и подъехать к нему можно было только на гондоле; широкая каменная лестница спускалась прямо в воду, а двустворчатая железная дверь открывалась двадцатисантиметровым ключом. Кроме того, за железной была еще и обычная дверь, также открывающаяся ключом. За исключением тех случаев, когда Том хотел покрасоваться перед гостями, привезя их к себе на гондоле, он

обычно пользовался менее парадными задними воротами, выходящими на Виа Сан-Спиридионе. Задние ворота, тоже высотой больше четырех метров — вровень с окружавшей дом каменной стеной, — вели в сад, немного запущенный, но все еще пышный, цветущий. Гордостью этого сада были две искривленные оливы и купальня для птиц в форме античной статуи: голый мальчик с широкой плоской чашей в руке. Это был сад, как раз подходящий для венецианского дворца. Немного запущенный, нуждающийся в кое-каком обновлении, которого так и не дождется. Но все равно сияющий вечной красотой, потому что таким прекрасным его создали более двух веков назад. Внутри дом выглядел в точности таким, каким, по мнению Тома, должен выглядеть дом интеллигентного холостяка, во всяком случае в Венеции. Внизу, от парадного фойе до каждой комнаты, мраморный пол в черно-белую шахматную клетку, наверху пол бело-розового мрамора. Обстановка, похожая скорее не на мебель, а на материальное воплощение ренессансной музыки, исполняемой на гобоях, старинных флейтах и виолах «да гамба». От прислуги — это были Анна и Уго, молодая итальянская пара, до него служившая у постоянно живущего в Венеции

американца: они знали и «Кровавую Мэри», и creme de menthe frappe[41] — Том требовал наведения глянца на резные поверхности шкафчиков, сундуков и стульев, пока в них не начнут вспыхивать тусклые огоньки, перемещающиеся вслед за изменением точки зрения, так что мебель казалась живой. Современность ощущалась только в ванной. В спальне стояла огромная, поперек себя шире, кровать. Том украсил спальню комплектом открыток с видами Неаполя начиная с 1540-го и примерно до 1880 года, эту серию он раскопал в антикварной лавке. Он украшал свой дом больше недели, только этим и занимался. Он больше не сомневался в безошибочности своего вкуса, в Риме такой уверенности еще не ощущал, да и в оформлении той квартиры не было и намека на утонченный вкус. Теперь Том был уверен в себе во всех отношениях.

Уверенность в себе вдохновила даже на письмо к тетушке Дотти, выдержанное в развязном, снисходительном тоне, прибегать к которому прежде никогда не хотелось, да это и не удалось бы. Осведомился о ее цветущем здоровье, спросил, как поживает узкий кружок ее злобных подруг в

[41] Примечания: 41
Мятный ликер со льдом (фр.).

Бостоне, и объяснил, чем ему нравится Европа и почему он собирается некоторое время пожить здесь. Объяснил столь убедительно, что эту часть письма перепечатал отдельно и положил в ящик письменного стола. Сие вдохновенное послание он настрочил однажды после завтрака, сидя в своей спальне в новом шелковом халате, сшитом на заказ в Венеции, и поглядывал в окно на Большой канал, Часовую башню и Пьяцца Сан-Марко по ту сторону канала. Закончив письмо, сварил себе еще кофе и на машинке Дикки написал завещание Дикки, где тот отказывал ему, Тому Рипли, свой ежемесячный доход и все деньги, лежащие на его счетах в различных банках, и подписал его: Герберт Ричард Гринлиф-младший. Сначала Том собирался присовокупить подпись свидетеля, вымышленную итальянскую фамилию человека, которого Дикки якобы зазвал в свою римскую квартиру специально, чтобы заверить завещание, но отказался от этой мысли, опасаясь, как бы банки или мистер Гринлиф, желая оспорить завещание, не принялись выяснять личность свидетеля. Придется рискнуть на незаверенное завещание. К тому же машинка Дикки была совсем разбитая и печатала с погрешностями не менее узнаваемыми, чем индивидуальный

почерк, а Том слыхал, что собственноручно написанные завещания действительны и без подписи свидетеля. Ну а подпись была безупречна, в точности такая же, как хитрая затейливая подпись в паспорте Дикки. Прежде чем подписать завещание, Том полчаса тренировался, потом посидел, расслабив кисти рук, потом расписался на клочке бумаги и тут же — на завещании. Пусть кто-нибудь попробует доказать, что это не собственноручная подпись Дикки! Том вставил в машинку конверт, напечатал: «Тем, кого это касается» — с примечанием, запрещающим вскрывать конверт до июня текущего года. Он засунул письмо в боковой карман чемодана, будто настолько не придал ему значения, что даже не потрудился вытащить, когда распаковывал вещи, въехав в этот дом. Затем положил машинку в сумку, спустился вниз по лестнице и бросил в ответвление канала, нечто вроде небольшого, тянувшегося вдоль боковой стены его дома залива, такого узкого, что не могла пройти и лодка. Давно пора было избавиться от машинки, но он все тянул с этим. Наверное, подумал он, подсознательно знал, что когда-нибудь напечатает на ней завещание или еще что-нибудь очень важное, а потому оставил у себя.

По итальянским газетам и парижскому изданию «Геральд трибюн» Том внимательно следил за розыском Гринлифа и расследованием убийства Майлза, что было естественно, поскольку он был приятелем обоих. В конце марта газеты стали выдвигать предположение, что Дикки погиб, что он убит тем или теми, кто подделывал его подпись. В одной из римских газет приводилось мнение неаполитанского эксперта, что подпись на письме из Палермо, где подтверждалась подлинность подписей на чеках, тоже поддельная. Правда, остальные эксперты не соглашались с ним. Какой-то полицейский, не Роверини, а другой, полагал, что преступник или преступники принадлежали к ближайшему окружению Гринлифа, имели доступ к письму из банка и достаточно наглости, чтобы ответить на него самим. Газета цитировала слова этого полицейского: «Загадка не только в том, кто именно совершил подлог, но и в том, как он получил доступ к письму, поскольку портье в гостинице точно помнит, что отдал заказное письмо из банка в собственные руки Гринлифа. Портье вспоминает также, что Гринлиф в Палермо всегда был один…»

И далее следовали рассуждения, казалось бы

вплотную подводящие к правильному ответу, но ответ этот так и не был найден. Однако Том, прочитав статью, несколько минут был в шоке. До истины им оставалось сделать один-единственный шаг, и где гарантия, что кто-либо не сделает его завтра или послезавтра? А может быть, они уже знают истину и просто стараются усыпить его бдительность — лейтенант Роверини, чтобы держать его в курсе розыска Дикки, посылал сообщения каждые четыре-пять дней, а в один прекрасный, уже недалекий день они на него ринутся в атаку, вооруженные всеми необходимыми уликами.

Тому стало казаться, что за ним следят, в особенности когда шел по длинной узкой улице, ведущей к воротам его сада.

Виа Сан-Спиридионе была всего лишь щелью между стенами домов, без единого магазина, и так скудно освещена, что он едва различал дорогу. Сплошные ряды домов и характерные для Италии высокие, вровень со стенами, крепко запертые ворота, ведущие в сады. Если на него нападут, убежать некуда, и ни одного подъезда, где можно было бы укрыться. Том не знал, кто на него нападет. Не обязательно полиция. То, что его пугало, не имело ни имени, ни конкретных форм,

и все же страхи преследовали, точно фурии. Только подавив их двумя-тремя коктейлями, он мог спокойно пройти по Сан-Спиридионе. Тогда уж он шел по улице с важным видом и насвистывая.

За свои первые две недели в новом доме он побывал в гостях только дважды, хотя выбор домов, куда он мог пойти на коктейль, был большой. Круг знакомых появился благодаря случаю. В первый же день, когда он занялся поисками жилища, маклер, вооруженный тремя огромными ключами, повез его смотреть некий дом в районе Сан-Стефано, предполагая, что тот пустует. На самом деле в доме не только жили, но как раз в это время принимали гостей, и хозяйка настояла, чтобы Том и маклер выпили по коктейлю в возмещение напрасного беспокойства, причиненного ее забывчивостью. Оказывается, она месяц назад заявила в маклерскую контору о сдаче дома в аренду, но передумала и оставалась в нем жить, а в контору не сообщила. Том остался, был сдержан, учтив и перезнакомился со всеми гостями, которые, как он предположил, составляли большую часть светского общества, проводящего зиму в Венеции. Судя по тому, как радушно его встретили, с какой готовностью вызвались помочь в поисках дома, они жаждали притока свежей

крови. Разумеется, вспомнили его фамилию, и он даже удивился, каким престижным оказалось знакомство с Дикки Гринлифом. Было ясно, что, желая придать остроту своему пресному житью-бытью, все эти люди будут приглашать его к себе, и выспрашивать, и вытягивать из него мельчайшие подробности случившегося. Том вел себя сдержанно, но очень вежливо, как подобает молодому человеку в его положении — робкому молодому человеку, не привыкшему блистать в обществе. По поводу Дикки он главным образом недоумевал: что же, в конце концов, с ним произошло?

На этом коктейле Том получил адреса трех других домов, где всегда будут рады его видеть (в одном он уже побывал), и приглашения еще на два коктейля. Пошел только на один, где хозяйкой была титулованная особа, графиня Роберта (Титти) делла Латта-Каччагуэрра. Не то было настроение, чтобы ходить на приемы. Людей видел словно в тумане, а разговор шел настолько вяло и трудно, что нередко приходилось просить собеседника повторить сказанное. Скучал ужасно, но считал, что эти люди ему нужны для тренировки. Отвечая на их наивные вопросы («Наверно, Дикки много пил?», или «Но он все-

таки был влюблен в Мардж, правда?», или «Как вы думаете, куда же он уехал на самом деле?»), он готовился к ответам на вопросы более острые, которые задаст ему при встрече мистер Гринлиф, если эта встреча произойдет. Дней через десять после получения письма от Мардж Том начал беспокоиться из-за того, что мистер Гринлиф не написал и не позвонил ему из Рима. В минуты страха ему представлялось: полиция посвятила мистера Гринлифа в игру, которую ведет с Томом Рипли, и попросила не общаться с ним.

Ежедневно он с нетерпением открывал почтовый ящик, ожидая письма от Мардж или от мистера Гринлифа. Его дом был готов их принять. Ответы на возможные вопросы были готовы у него в голове. Нельзя же до бесконечности ждать, когда поднимется занавес и начнется спектакль. А может быть, Том так противен мистеру Гринлифу (не говоря уж о возможности прямого подозрения), что он просто не хочет иметь с ним никакого дела. Возможно, Мардж поддерживает его в этом. Во всяком случае, Том не в состоянии отправиться в путешествие, пока этот вопрос так или иначе не решится. А он хотел отправиться в путешествие, в то самое долгожданное путешествие в Грецию, и уже обдумывал маршрут

по островам.

Утром четвертого апреля ему позвонила Мардж. Она была в Венеции, на вокзале.

— Я заеду за тобой, — с готовностью сказал Том. — Мистер Гринлиф тоже приехал?

— Нет, он в Риме. Я одна. Не надо приезжать за мной. У меня только небольшая дорожная сумка.

— Что за глупости! — сказал Том, которому бездействие казалось невыносимым. — Одна не найдешь моего дома.

— А вот и найду. Это дом, соседний с церковью делла Салуте, верно? Я доеду на катере до Пьяцца Сан-Марко, а там возьму гондолу, чтобы пересечь канал.

Да, она вправду знала дорогу.

— Ну ладно, раз ты настаиваешь. — Он подумал, что не мешает еще раз как следует осмотреть все в доме, прежде чем туда попадет она. — Ты уже поела?

— Нет.

— Прекрасно. Приглашаю тебя на ленч. Будь осторожна при посадке на катер.

Их разъединили. Том хладнокровно и медленно обошел дом. Сначала две большие комнаты наверху, потом спустился вниз по лестнице и осмотрел гостиную. Только бы дом не показался

ей слишком роскошным! Он убрал со стола в гостиной серебряный портсигар, который купил всего два дня назад и отдал выгравировать на нем свои инициалы, и положил его в нижний ящик серванта.

В кухне Анна возилась с ленчем.

— Анна, сегодня приготовьте ленч на двоих, — сказал Том. — Я жду в гости молодую даму.

От этой перспективы Анна расплылась в улыбке:

— Американскую даму?

— Да. Старую приятельницу. Когда ленч будет готов, вы с Уго можете быть свободными. Мы обслужим себя сами.

— Хорошо.

Обычно Анна и Уго приходили в десять и уходили в два. Том не хотел, чтобы они присутствовали при его разговоре с Мардж: оба немного владели английским. Не настолько, чтобы полностью понять разговор, но уж когда речь зайдет о Дикки, постараются не упустить ни словечка, и это раздражало Тома.

Том приготовил в кувшине несколько порций мартини, поставил в гостиной поднос с бокалами и бутербродами на тарелке. При первом же звуке дверного кольца распахнул дверь.

— Мардж! Рад тебя видеть! Входи! — Он взял у нее чемодан.

— Как поживаешь. Том? Вот это да! — Она огляделась вокруг, подняла глаза к высокому лепному потолку. — Это твой дом?

— Я снял его. За бесценок, — скромно сказал Том. — Заходи, выпьем. Расскажи, что новенького. Ты была в полиции в Риме?

Он положил ее пальто и прозрачный дождевик на кресло.

— Была, и мистер Гринлиф тоже. Он, конечно, очень расстроен.

Она села на диван. Том расположился в кресле напротив.

— Ну как, они выяснили что-нибудь? Один тамошний полицейский держит меня в курсе, но ни разу не сообщил что-нибудь в самом деле важное.

— Выяснили, что перед отъездом из Палермо Дикки обменял дорожные чеки на наличные, получив больше тысячи долларов. Перед самым отъездом. Значит, ему нужны были деньги, чтобы куда-нибудь поехать, в Грецию или там в Африку. Не мог же он менять чеки на наличные, чтобы после этого покончить с собой.

— Не мог, — согласился Том. — Ты права, это

вселяет надежду. Я не читал об этом в газетах.

— По-моему, в газетах этого и не было.

— Газеты печатали только всякую чепуху. Что Дикки, мол, обычно ел на завтрак в Монджибелло, — сказал Том, разливая мартини.

— Просто кошмар какой-то! Сейчас стало чуть-чуть получше, но как раз когда приехал мистер Гринлиф, газеты просто невозможно было читать. Большое спасибо! — Она взяла свой мартини.

— А как он себя чувствует?

Мардж покачала головой:

— Мне его так жалко! Все время твердит, дескать, американская полиция лучше справилась бы, и всякое такое. Вдобавок совсем не знает итальянского, и это все усугубляет.

— А что он делает в Риме?

— Ждет. Что нам еще остается? Я опять отложила свой отъезд. Мы с мистером Гринлифом ездили в Монджибелло, и я там всех расспрашивала, в основном, конечно, ради мистера Гринлифа. Я-то заранее знала, что они ничего не могут сказать. Дикки не был там с ноября.

— Да, конечно.

Том размышлял, потягивая мартини. Мардж явно надеялась на лучшее. Даже и теперь она сохраняла типично скаутские активность и бод-

рость. Казалось, вот-вот, сделав резкое движение, что-нибудь опрокинет. От нее веяло крепким здоровьем и чуть заметной неряшливостью. Как она его раздражала! Но он разыграл комедию: встал, похлопал ее по плечу и нежно чмокнул в щечку.

— Может быть, он отсиживается где-нибудь в Танжере и пережидает, пока все не уляжется.

— В таком случае он совершенно не считается с нами, — рассмеялась Мардж.

— Я вовсе не хотел никого волновать, когда рассказал об его депрессии. Просто считал своим долгом поставить в известность тебя и мистера Гринлифа.

— Понимаю. Думаю, ты правильно поступил, рассказав нам. Но я с тобой не согласна.

Она улыбнулась своей широкой улыбкой, глаза лучились надеждой. Нет, ей-богу, она просто чокнутая!

Том вернул ее с небес на землю, задавая вопросы о том, какие версии разрабатываются римской полицией, какие улики у них есть (оказалось — ни одной, достойной упоминания) и что она слышала по поводу убийства Майлза. Об этом Мардж тоже не сообщила ничего нового. Она знала, что Фредди и Дикки видели вместе перед домом Дикки в тот самый вечер около восьми

часов, но считала, что значение этого эпизода раздуто.

— Может, Фредди надрался, а может, Дикки просто так обнял его. В темноте и не разглядишь как следует! Непозволительно из этого делать вывод, будто Дикки убил Фредди.

— А есть ли у них какие-либо конкретные факты, хотя бы один, чтобы считать Дикки убийцей?

— Ну конечно нет!

— Тогда почему бы им не заняться делом как следует и не выяснить, кто на самом деле убил Фредди? А заодно и выяснить, где Дикки?

— То-то и оно. Во всяком случае, полиция теперь точно знает, что Дикки добрался из Палермо до Неаполя. Нашелся стюард, который помнит, что нес его чемоданы от каюты до пристани в Неаполе.

— Вот как, — сказал Том. Он тоже помнил этого стюарда, неуклюжего низкорослого недотепу, уронившего его матерчатый чемодан, пытаясь нести его под мышкой. — Но ведь Фредди, кажется, убит через несколько часов после того, как ушел от Дикки? — спросил он вдруг.

— В том-то и дело, что нет. Врачи не могут сказать точно. И похоже, у Дикки нет алиби. Вполне естественно, ведь он, несомненно, был один. Да

уж, не везет так не везет.

— Но не думают же они всерьез, что убийца Фредди Дикки?

— Прямо так не говорят. Но это носится в воздухе. Разумеется, они не могут себе позволить опрометчивых заявлений, когда речь идет об американском гражданине. Но поскольку других подозреваемых нет, а Дикки исчез… И потом, еще его квартирная хозяйка в Риме показала, что Фредди спускался к ней и спрашивал, кто живет в квартире Дикки или что-то вроде этого. Она сказала, что вид у Фредди был рассерженный, будто они поссорились. И будто бы Фредди спрашивал, живет ли Дикки один.

Том нахмурился:

— Странный вопрос.

— Сама удивляюсь. Фредди не слишком хорошо говорил по-итальянски, и, возможно, квартирная хозяйка его неправильно поняла. Во всяком случае, уже сам факт, что Фредди был сердит, бросает тень на Дикки.

Том поднял брови:

— Я бы сказал, что это бросает тень на Фредди. Может быть, Дикки-то вовсе не был сердит. — Он был совершенно спокоен, ведь Мардж ничего не пронюхала. — По-моему, тут не о чем тревожить-

ся, если только не всплывет что-либо реальное. На мой взгляд, все это просто чепуха. — Он снова наполнил ее бокал. — Кстати, об Африке. Они наводили справки в Танжере? Дикки часто говорил, что хочет поехать в Танжер.

— Думаю, они подняли на ноги полицию повсюду. По-моему, им бы следовало пригласить полицейских из Франции. Французская полиция здорово справляется с такими делами. Ну конечно, это невозможно. Здесь Италия, — сказала она, и голос ее дрогнул от волнения.

— Съедим ленч дома? — спросил Том. — Прислуга уходит только в два. Воспользуемся этим преимуществом.

Анна возвестила, что ленч готов.

— Чудесно, — сказала Мардж. — Тем более дождик моросит…

Анна уставилась на Мардж — узнала по газетным фотографиям, понял Том.

— Вы с Уго можете идти, если хотите. Спасибо.

Анна вернулась в кухню, где была дверь в боковой стене дома, выходившая в маленький проулок. Этим-то выходом и пользовались слуги. Но Том слышал, как она гремит кофеваркой, несомненно нарочно оттягивая свой уход, чтобы еще раз взглянуть на Мардж.

— С Уго? Одной служанки тебе мало?

— Здесь принято наниматься парами. Ты не поверишь, но я арендую этот дом всего за пятьдесят долларов в месяц. Правда, без отопления.

— Я и вправду не верю! Цена почти такая же, как в Монджибелло.

— Но это так и есть. Конечно, отопление безумно дорого, но я обычно отапливаю только спальню.

— Но здесь совсем не холодно.

— Сегодня топлю на всю катушку ради тебя, — улыбнулся Том.

— Что произошло? Какая-нибудь из твоих тетушек умерла и оставила тебе целое состояние? — спросила Мардж, все еще разыгрывая роль ослепленной окружающим великолепием.

— Нет, просто я принял решение. Собираюсь наслаждаться жизнью на те деньги, что у меня есть, пока не кончатся. Я писал тебе, что с работой, на которую я рассчитывал в Риме, не выгорело. И вот сижу в Европе, имея всего каких-нибудь две тысячи долларов на счете. И решил прожить их, а потом вернуться домой вчистую разоренным и начать все с нуля.

В письме Том объяснил Мардж, что он тогда устраивался на работу по продаже в Европе слуховых аппаратов американской фирмы. Но

решил, что это свыше его сил, да и представитель фирмы, который с ним беседовал, тоже не счел его подходящим. Том написал также, что представитель фирмы появился буквально через минуту после их телефонного разговора, потому-то он и не смог тогда встретиться с ней, как условились, в баре «Анджело».

— При такой арендной плате двух тысяч тебе ненадолго хватит.

Том понял — она пытается выяснить, давал ли ему Дикки деньги.

— Хватит до лета, — ответил Том сухо. — Думаю, я это заслужил. Почти всю зиму кочевал по Италии, как цыган, практически не тратя денег, и сыт этим по горло.

— А где же ты был зимой?

— Во всяком случае, не с Томом… то есть я хотел сказать не с Дикки, — спохватился он, смеясь, но на самом деле испугавшись своей оговорки. — Знаю, ты, наверное, думала, что мы были вместе. Но я почти так же мало общался с Дикки, как и ты.

— Хватит заливать-то. — Язык у Мардж заплетался. Похоже, спиртное уже ударило ей в голову.

Том смешал в кувшине еще два или три мар-

тини.

— Если не считать поездку в Канн и тех двух дней в феврале в Риме, я вообще не общался с Дикки.

Тут немного не сходились концы с концами, потому что он когда-то писал ей от имени Дикки, что, дескать. Том жил у него несколько дней в Риме после поездки в Канн. Но теперь, лицом к лицу с Мардж, ему вдруг стало стыдно, что Мардж знает или думает, будто он провел так много времени с Дикки, и они действительно повинны в том, в чем она его упрекала. Он прикусил язык и стал разливать коктейль, ругая себя за трусость. Во время ленча — к величайшему сожалению Тома, основным блюдом был холодный ростбиф, предельно дорогой продукт на итальянском рынке, — Мардж с большей въедливостью, чем любой полицейский, допрашивала его о душевном состоянии Дикки в тот период, когда Том был у него в Риме. Она поймала Тома за руку, напомнив об ужасных десяти днях, которые он провел с Дикки в Риме после путешествия в Канн, и расспрашивала его обо всем, начиная от Ди Массимо, художника, с которым работал Дикки, до аппетита Дикки и времени, когда он имел обыкновение вставать по утрам.

— А как, по-твоему, он относился ко мне? Я сумею выдержать все.

— Думаю, ты была его головной болью, — серьезно сказал Том. — Я думаю… Видишь ли, такая ситуация встречается не так уж редко. Во-первых, мужчина боится брака…

— Но я ведь никогда не предлагала ему жениться на мне, — возразила Мардж.

— Я знаю, но… — Том заставил себя продолжить. — Скажем так, его тяготило, что ты так носилась с ним, а он не мог ответить тебе тем же. Он, я думаю, предпочел бы более легкие отношения.

Мардж уставилась на Тома с растерянным видом, знакомым ему по прежним временам, но мгновенно взяла себя в руки и храбро произнесла:

— Ладно, теперь все это уже не имеет значения. Хочу знать одно: где он сейчас.

Ее ярость из-за того, что он якобы всю зиму пробыл с Дикки, тоже не имела значения, подумал Том. Потому что сначала она не хотела этому верить, а теперь уже верить этому и не нужно. Том осторожно спросил:

— А он, случайно, не написал тебе из Палермо?

Мардж покачала головой:

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Хотел знать, в каком, на твой взгляд, состоянии он тогда находился. Ты писала ему?

Она помедлила с ответом.

— Да… Честно говоря, писала.

— И что это было за письмо? Я потому спрашиваю, что недружелюбное письмо именно тогда могло на него плохо подействовать.

— Ну… Трудно сказать, что за письмо. Но вполне дружелюбное. Я писала, что возвращаюсь в Штаты. — Она смотрела на Тома широко раскрытыми глазами.

Том наслаждался, наблюдая за ее лицом. Ему было интересно смотреть, как мучаются другие, когда лгут. В том гнусном письме она писала о своем доносе в полицию: мол, Том и Дикки никогда не расстаются.

— В таком случае, я думаю, это не важно, — сказал Том кротко и мягко, откидываясь на спинку кресла.

Они немного помолчали, затем Том стал расспрашивать ее о книге, кто этот издатель и много ли осталось работы. Мардж отвечала с энтузиазмом. Том подумал: если бы она заполучила обратно Дикки и к следующей зиме вышла ее книга, она бы, наверно, просто лопнула от счастья. Хлоп — и нет ее.

— Как ты думаешь, стоит мне проявить инициативу и тоже поговорить с мистером Гринлифом? — спросил Том. — Я с удовольствием съезжу в Рим… — Тут он вспомнил, что удовольствие будет не столь уж большим, потому что в Риме полно людей, видевших его в обличье Дикки Гринлифа. — Или, по-твоему, он согласится приехать сюда? Он бы мог остановиться у меня. Где он живет в Риме?

— У знакомых американцев, у них большая квартира. Их фамилия Норман, а живут они на Виа Кватро-Новембре. Я думаю, будет лучше, если ты пригласишь его сюда. Я напишу тебе адрес.

— Отличная мысль. Он не любит меня, правда?

Мардж слегка улыбнулась:

— Откровенно говоря, не любит. Думаю, он, учитывая все обстоятельства, немного чересчур суров к тебе. Возможно, считает, что ты тянул из Дикки деньги.

— Вот уж чего не было, того не было. Жаль, что мне не удалось вернуть Дикки домой, но все это я ему объяснил. Когда узнал, что Дикки пропал без вести, я написал мистеру Гринлифу самое чуткое письмо, какое только мог. И что же, это совсем не помогло?

— Помогло, только… Ой, ради бога, прости, Том!

Залила такую чудесную скатерть!

Мардж перевернула свой мартини. Теперь она неуклюже размазывала салфеткой пятно на скатерти.

Том прибежал из кухни с влажной скатертью в руках.

— Все в порядке, — сказал он, протирая столешницу и наблюдая, как, несмотря на это, на дереве все явственнее проступает белое пятно. Не о скатерти он беспокоился, а о своем красивом столе.

— Ради бога, прости! — продолжала восклицать Мардж.

Том ненавидел ее. Ему вдруг вспомнился ее купальный костюм, переброшенный через подоконник в Монджибелло. Если он пригласит ее остановиться у него, этой ночью ее белье будет раскидано по его креслам. Мысль об этом была ему противна. Он заставил себя широко улыбнуться Мардж через стол.

— Надеюсь, ты окажешь мне честь и согласишься переночевать у меня. Не в моей постели, — добавил он со смешком, — наверху две комнаты, одну я предоставлю тебе.

— Огромное спасибо. С удовольствием. — Она улыбнулась ему.

Том провел ее в спальню — в другой комнате

была лишь кушетка, хотя и больше стандартного размера, но не такая удобная, как его двуспальная кровать, — и Мардж закрылась там, чтобы немного вздремнуть после ленча. Том беспокойно бродил по остальным комнатам и старался припомнить, не осталось ли в спальне чего-либо такого, что следовало бы изъять. В подкладке чемодана, который находился в стенном шкафу, был спрятан паспорт Дикки. Больше ничего не вспомнилось. Но у женщин острый глаз, даже у такой дуры, как Мардж. Небось постарается все высмотреть. Кончилось тем, что он решил войти в комнату, пока она спит, и забрать чемодан. Скрипнула половица, и Мардж широко раскрыла глаза.

— Хочу кое-что взять, — прошептал Том. — Извини.

Он вышел на цыпочках. Возможно, Мардж не вспомнит об этом, подумал Том, ведь она толком и не проснулась.

Позднее он показал Мардж весь дом. О полке с книгами в кожаных переплетах в комнате рядом со спальней сказал, что они уже стояли здесь, когда он снял дом, хотя на самом деле это были его собственные книги, купленные в Риме, Палермо и Венеции. Он вспомнил, что с десяток из них

было у него еще в Риме, и сопровождавший Роверини молодой полицейский низко наклонялся над ними, изучая названия. Но он не посчитал это серьезной причиной для беспокойства, даже если к нему еще раз придет тот же самый полицейский. Том показал Мардж парадный вход — широкую каменную лестницу. Было время отлива, и из воды выступили четыре ступеньки, две нижние покрыты толстым слоем влажных водорослей. Они были из разновидности скользких, с длинными стеблями и свисали по углам лестницы, точно грязные темно-зеленые волосы. Тому ступени казались омерзительными, а Мардж нашла их очень романтичными. У Тома появилось желание столкнуть ее туда.

— А мы можем сегодня ночью взять гондолу и вернуться этим путем? — спросила она.

— Конечно.

Разумеется, сегодня они собирались поужинать в ресторане. Том страшился перспективы долгого итальянского вечера вдвоем, ведь ужинать они будут не раньше десяти, а потом она, вероятно, захочет посидеть в кафе на Пьяцца Сан-Марко до двух часов ночи.

Том поднял глаза к подернутому дымкой бессолнечному венецианскому небу, проследил

за чайкой, скользнувшей вниз и усевшейся на ступени чьего-то парадного входа по ту сторону канала. Он прикидывал, кому бы из его новых венецианских друзей позвонить и попросить разрешения привести Мардж часиков в пять на коктейль. Все они, конечно, будут очень рады познакомиться с ней. Его выбор пал на англичанина Питера Смит-Кингсли. У Питера турецкий ковер, рояль и полно всяких напитков в баре. Том предпочел Питера остальным еще и потому, что тот любил, чтобы гости у него засиживались. Там можно будет провести время до самого ужина.

Глава 24

В семь часов вечера Том из дома Питера Смит-Кингсли позвонил мистеру Гринлифу. Его голос прозвучал гораздо доброжелательнее, чем ожидалось. Отец Дикки с обезоруживающей доверчивостью впитывал те крохи сведений, которые Том мог сообщить о сыне. В соседней комнате, помимо Мардж, находились Питер, а также двое симпатичных братцев Франчетти из Триеста, с которыми Том недавно познакомился. Все они конечно же слышали каждое слово, поэтому Том провел этот разговор гораздо лучше, чем если бы был совершенно один, без слушателей.

— Я рассказал Мардж все, что мне известно, — сказал он. — Поэтому она всегда сможет дополнить, если я что-либо опустил. Как жаль, что не могу дать полиции никаких по-настоящему ценных сведений, которые могли бы помочь расследованию.

— Ох уж эта мне полиция, — резко произнес мистер Гринлиф. — Я уже начинаю думать, что Ричарда нет в живых. По каким-то причинам в итальянской полиции склонны считать имен-

но так. Они действуют как дилетанты, словно какие-то пожилые дамочки, вообразившие себя сыщиками.

Том был поражен невозмутимостью, с которой Гринлиф воспринял предположение о смерти Дикки.

— А вы сами-то, мистер Гринлиф, как думаете? Мог ли Дикки покончить с собой? — тихо спросил Том.

Мистер Гринлиф вздохнул:

— Не знаю… Пожалуй, это могло случиться. Я всегда отдавал себе отчет, насколько мой сын неуравновешенная личность.

— Боюсь, вынужден согласиться с вами, — произнес Том. — А не хотели бы вы поговорить с Мардж? Она здесь, в соседней комнате.

— Нет-нет, спасибо. Когда она намерена вернуться в Рим?

— Кажется, говорила, что уедет завтра. Если вы сами, мистер Гринлиф, надумаете приехать в Венецию, чтобы немного отдохнуть, я буду очень рад, ежели вы остановитесь в моем доме.

Но мистер Гринлиф отклонил приглашение. Том вдруг почувствовал, что во время разговора он чересчур уж углубился в прошлое, а этого делать не следовало. Он все время как бы сам

накликал на себя беду. Мистер Гринлиф поблагодарил за звонок и церемонно пожелал спокойной ночи.

Том вернулся в соседнюю комнату к остальным.

— Никаких новостей из Рима, — удрученно сообщил он присутствующим.

— Да? — Питер был разочарован.

— Вот деньги за разговор, Питер, — сказал Том, выкладывая двенадцать сотен лир на крышку рояля. — Большое спасибо.

— Вот что я думаю, — начал Пьетро Франчетти на очень хорошем английском. — Дикки Гринлиф мог заплатить какому-нибудь неаполитанскому рыбаку или римскому торговцу сигаретами, чтобы обменяться с ним паспортами и начать ту самую уединенную, тихую жизнь, к которой всегда стремился. Возможно, у обладателя паспорта Дикки талант подделывателя банковских чеков оказался не столь выдающимся, как тому казалось, и, когда возникли подозрения, он срочно исчез. Полиции следует искать человека, который не сможет предъявить подлинного удостоверения личности, и выяснить, кто он на самом деле, а уж после этого приступить к розыску человека с этим именем. Это и будет Дикки

Гринлиф!

Все засмеялись, и Том громче всех.

— Единственное, что не срабатывает в этой версии, — так это факт, что слишком уж многие видели Дикки в январе, в феврале и…

— Кто же это, собственно говоря? — Пьетро перебил Тома с той итальянской бесцеремонностью, которая при разговоре по-английски вдвойне неприятна.

— Ну, я, например. Во всяком случае, я даже хотел обратить внимание полиции на то, что, по мнению банка, поддельные чеки поступали начиная с декабря.

— И все же такая версия вполне правдоподобна, — прощебетала Мардж, откидываясь на высокую спинку шезлонга. По-видимому, после третьей рюмки она впала в благодушное состояние. — Все это так похоже на Дикки. Вероятно, решился на это после Палермо, когда история с банковскими чеками была в самом разгаре. В подделку чеков я вообще не верю. Думаю, никакой подделки чеков не было. Дикки мог настолько измениться, что это повлияло и на его почерк.

— С этим я могу согласиться, — произнес Том. — Хотя, наверное, какие-то основания у банка есть. Мнения американских экспертов об этом

разделились, а в Неаполитанском банке во всем стараются следовать за американской стороной. Они сами никогда не заметили бы подлога, если б им не сообщили об этом из Штатов.

— Интересно, а что пишут сегодняшние газеты? — весело спросил Пит, с трудом влезая ногой в башмак, больше похожий на домашнюю туфлю; вероятно, Питер снял его, потому что он жал. — Пожалуй, я схожу за газетами.

Но тут один из братьев Франчетти выказал желание сделать это и тотчас пулей выскочил из комнаты. Одет Лоренцо Франчетти был целиком и полностью в английском стиле: розовый вышитый жилет, сшитый в Англии костюм, ботинки на толстой подошве английского же производства. Аналогично был одет и его брат. Питер, напротив, был с йог до головы во всем итальянском. Том уже заметил, что если на вечеринке или в театре встречаешь человека, одетого во все английское, то можно быть уверенным, что это итальянец, и наоборот.

Как раз когда Лоренцо вернулся с двумя итальянскими и двумя американскими газетами, приехали новые гости. Снова споры, обмен глупейшими соображениями, снова изумление по поводу свежих новостей. Дом Дикки в Монджи-

белло был продан за цену, вдвое превышающую первоначальную. Деньги будут храниться в Неаполитанском банке, пока Ричард Гринлиф не запросит их.

В той же газете, где сообщалось о продаже дома Дикки, была помещена карикатура: муж стоит на коленях и заглядывает под письменный стол. Жена спрашивает: «Обронил запонку?» Муж отвечает: «Нет, я ищу Дикки Гринлифа».

Тому довелось также услышать, что в некоторых римских мюзик-холлах даже изображают исчезновение Дикки комически. Среди вновь прибывших гостей был американец, кажется, его звали Руди. Он тут же пригласил Тома и Мардж на следующий день прийти на вечеринку с коктейлями в отель, где он остановился. Том пытался было отказаться, но Мардж радостно приняла приглашение. А Том так надеялся, что завтра ее уже здесь не будет, ведь за ленчем она обмолвилась об отъезде. Том не сомневался, что вечеринка будет ужасной. Этот Руди был вульгарным типом, слишком ярко одетым горлопаном. Он представился торговцем антиквариатом. С непринужденной настойчивостью Том увел Мардж из дома Питера, пока она не напринимала новых приглашений.

Мардж была в легкомысленно-веселом настроении, которое так раздражало Тома во время их долгого, состоящего из пяти блюд обеда. Ему приходилось делать прямо-таки сверхъестественные усилия, чтобы отвечать доброжелательно. Так дергается во время эксперимента беспомощная лягушка, к которой прикасаются электродом. Но когда Мардж перевела разговор на Дикки, он почувствовал облегчение и с готовностью принялся развивать эту тему. Говорил нечто вроде того, что «может быть, Дикки вновь обратился к живописи и, подобно Гогену, поселился на одном из островов южных морей». Господи, как же ему все это осточертело! Лениво жестикулируя, Мардж принялась фантазировать на тему Дикки и южных островов. Том понимал, что самое худшее — прогулка в гондоле — еще впереди, и если она вздумает болтать своими ручками в воде, то дай бог, чтобы акула откусила их. Он заказал десерт, который уже не лез ему в глотку, но Мардж преспокойно разделалась и с ним.

Мардж конечно же жаждала прокатиться в отдельной гондоле, а никак не в одной из тех, что курсируют между собором Святого Марка и собором Пресвятой Девы, беря на борт по десятку пассажиров зараз. Поэтому они наняли частную

гондолу. Было половина второго ночи. После многочисленных чашек кофе-эспрессо во рту у Тома появился отвратительный вкус, сердце трепыхалось, будто крылья птицы. Было очевидно, что до рассвета не заснуть. Сидя рядом с Мардж, он чувствовал себя совершенно разбитым. Так же как и она, лениво откинулся назад, в то же время тщательно заботясь о том, чтобы ненароком не коснуться ее бедра. Настроение у Мардж по-прежнему было восторженным, она наслаждалась собственным монологом о восходе солнца, который ей довелось наблюдать в свой прошлый приезд в Венецию. Тихое покачивание лодки и ритмичные всплески весла гондольера вызывали легкую тошноту. Водное пространство между причалом собора Святого Марка и ступеньками собора Пресвятой Девы казалось нескончаемым.

Все ступеньки собора, кроме двух верхних, были покрыты водой, третья заросла водорослями, и волны отвратительно колебали и прочесывали их. Том машинально расплатился с гондольером и, только уже стоя перед закрытыми массивными дверями, вдруг осознал, что у него нет от них ключей. Он огляделся вокруг, ища возможность попасть внутрь и открыть дверь изнутри, но не смог даже дотянуться до оконного проема. Мардж

расхохоталась, прежде чем он успел произнести хоть слово.

— Ты забыл ключи! Вот это да! Стоять на ступеньках, когда кругом вода, у самого входа в дом, и не иметь с собой ключей, чтобы войти внутрь!

Том попытался улыбнуться. Собственно говоря, какого черта он должен был таскать тяжеленные, словно револьверы, ключи, каждый длиной около тридцати сантиметров. Он обернулся и крикнул гондольеру, чтобы тот вернулся.

— Ха, — усмехнулся гондольер, удаляясь. — Мое сочувствие, синьор! Но я должен возвращаться к пристани собора Святого Марка.

Он продолжал грести.

— Мы забыли ключи! — громко крикнул Том по-итальянски.

— Сочувствую, синьор, — отозвался гондольер. — Ждите другого гондольера.

Мардж снова засмеялась.

— Какой-нибудь гондольер подберет нас. Ничего себе, а? — Она встала на цыпочки.

Ночь была не из приятных. Какая-то промозглая, начался мелкий дождик. Конечно, можно бы съездить за ключами на маршрутной гондоле, но и ее что-то не было. Единственная посудина в поле зрения — прогулочный катер, прибли-

жающийся к пристани собора Святого Марка. Надежда, что он подберет их, была очень слабой, по Том принялся кричать что было силы. Прогулочный катер, украшенный огнями, с множеством людей на борту, невозмутимо проплыл мимо и уткнулся носом в деревянную пристань поперек канала. Мардж сидела на ступеньках, обхватив колени руками, ничего не предпринимая… В конце концов какая-то утлая моторка, кажется рыбачья, замедлила ход и с нее послышалось громкое:

— Застряли?

— Мы забыли ключи! — радостно объявила Мардж.

И тут же отказалась перебраться в лодку. Была готова сидеть и ждать, пока Том не доберется до входа в дом со стороны улицы и не откроет двери изнутри. Том возразил, что на это уйдет уйма времени, не менее пятнадцати минут, а она, сидя здесь, рискует простудиться. В конце концов Мардж согласилась. Итальянец довез их до ближайшего причала — к ступеням собора Пресвятой Девы делла Салуте. От денег он отказался, но с удовольствием взял у Тома начатую пачку американских сигарет. Идя вместе с Мардж по улице Сан-Спиридиони, Том испытывал гнету-

щее чувство, которого, уверен, не было бы, будь он совершенно один. На Мардж улица не произвела ни малейшего впечатления, она всю дорогу щебетала как ни в чем не бывало.

Глава 25

Ранним утром Тома разбудил стук в дверь. Схватив халат, спустился вниз. Принесли телеграмму, и он ринулся наверх за чаевыми для рассыльного. А после, стоя в холодной гостиной, пробежал глазами:

«Передумал. Буду рад встречи с вас. Приезжаю в 11.45.
Г. Григлиф».

Том содрогнулся. Ну что ж, он ожидал этого. Впрочем, нет. Просто ужасно боялся. Неужели он приезжает прямо сейчас? Да нет, рассвет едва брезжит. Гостиная выглядела такой серой и неприглядной! Это — «Рад встречи с вас» придавало телеграмме какой-то отвратительно косноязычный и одновременно старомодный оттенок. Правда, в телеграммах на английском, посылаемых в Италии, бывали и более забавные ошибки, а что он почувствовал бы, если б в подписи «Г. Григлиф» они ненароком поставили инициал «Р.» или «Д.»?

Том взбежал по ступенькам, чтобы попытаться

снова заснуть. Какое-то время лежал и размышлял, не вздумает ли Мардж заглянуть к нему, ведь она могла слышать сильный стук в дверь. Нет, скорее всего, даже не проснулась. Потом он стал воображать, как встречает на пороге мистера Гринлифа, его крепкое рукопожатие, те вопросы, которые тот, возможно, начнет задавать. Но из-за охватившего его страха никак не мог сосредоточиться. Слишком хотелось спать, чтобы придумать достойные ответы на воображаемые вопросы, и в то же время он был слишком возбужден, чтобы заснуть. Подумал было сварить кофе и разбудить Мардж, чтобы было с кем поговорить. Но понял, как будет отвратительно войти к ней в комнату и лицезреть все это разбросанное нижнее белье. Это уж будет выше его сил.

Его разбудила сама Мардж, сообщив, что сварила кофе.

— Представляешь, — сказал Том, широко улыбаясь, — я получил телеграмму от мистера Гринлифа. Он приезжает около полудня.

— Правда? Когда же ты ее получил?

— Сегодня утром, если мне это не приснилось. — Том пошарил рядом с собой. — Вот она.

Мардж прочитала телеграмму.

— «Буду рад встречи с вас», — произнесла она

со смехом. — Ну что же, хорошо. Мне кажется, поездка пойдет ему на пользу. Ты как, спустишься вниз или я принесу тебе кофе сюда?

— Спущусь вниз, — ответил Том, надевая халат.

Мардж была уже совсем одета. На ней были свитер и черные хлопчатобумажные брюки очень хорошего покроя, вероятно сшитые на заказ, потому что идеально облегали ее бесформенную тыквообразную фигуру. Они еще пили кофе, когда в десять часов появились Анна и Уго, принесли молоко, булочки и утренние газеты. Том и Мардж решили сварить еще кофе, подогрели молоко и не спешили покинуть гостиную. Это было редкое утро, одно из тех, когда в газетах не было ничего об исчезновении Дикки и о деле Майлза. Так иногда бывало. Правда, в вечерних выпусках эти имена порой вновь между делом упоминались. Просто сообщалось, что Дикки все еще не найден, а убийство Майлза пока еще не раскрыто.

К одиннадцати сорока пяти Том и Мардж отправились на вокзал встречать мистера Гринлифа. Снова шел дождь, и было так ветрено и холодно, что казалось, его капли застывают на лету и в виде хлопьев снега облепляют их лица. Они стояли под крышей у входа на перрон, наблю-

дая за выходящими из ворот людьми. Наконец показался мистер Гринлиф — важный и мертвенно-бледный. Мардж бросилась к нему навстречу и поцеловала в щеку, он улыбнулся ей.

— Здравствуйте, Том, — сердечно произнес мистер Гринлиф, протягивая руку. — Как поживаете?

— Прекрасно, сэр. А вы?

У мистера Гринлифа с собой был только небольшой чемодан, но его нес носильщик, который поехал с ними на катере, хотя Том предложил свои услуги. Том хотел, чтобы они сразу же отправились к нему домой, но мистер Гринлиф пожелал сперва устроиться в гостинице.

— Я приду к вам, как только получу номер. Пожалуй, направлюсь в «Гритти». Это, кажется, недалеко от вас? — спросил мистер Гринлиф.

— Нельзя сказать, чтоб совсем рядом, но можно дойти до собора Святого Марка, а потом взять гондолу, — объяснил Том. — Мы пойдем с вами, если вы намереваетесь только взять номер и если в ваши планы не входит побыть некоторое время исключительно с одной Мардж.

Мистер Гринлиф отрицательно покачал головой. Он несколько раз бросил нервный, рассеянный взгляд в окно катера, очевидно считая, что

пребывание в незнакомом городе обязывает к этому, хотя ничто не задержало его внимания. Он не ответил на приглашение Тома позавтракать всем вместе. Том скрестил руки, надел маску добродушия и умолк. К тому же сильно ревел двигатель катера. Время от времени мистер Гринлиф обменивался с Мардж замечаниями об общих римских знакомых. Том заметил, что они превосходно ладят, хотя впервые встретились только в Риме.

Они решили позавтракать в неприметном ресторанчике, где-то между «Гритти» и «Риалито», который специализировался на «дарах моря». Блюда из них всегда были выставлены для обозрения на длинном прилавке при входе в обеденный зал. На одной из тарелок лежало ассорти из розоватых ломтиков осьминога, которое так любил Дикки, и Том, проходя мимо, не преминул заметить, обращаясь к Мардж:

— Как жаль, что Дикки не может полакомиться вместе с нами.

Мардж весело улыбнулась. У нее в предвкушении еды настроение всегда было хорошим.

Во время завтрака мистер Гринлиф немного оживился, но лицо по-прежнему оставалось каменным. Он все время озирался по сторонам,

будто надеялся, что в любую минуту может появиться Дикки. Итальянская полиция, будь она неладна, не нащупала ни малейшей ниточки во всей этой истории, и он пригласил частного американского детектива, который приедет сюда и попытается разобраться во всем на месте.

Услышав это, Том стал жевать медленнее. Он тоже считал, что американские сыщики лучше итальянских. В то же время он осознал тщетность этой затеи. Очевидно, нечто подобное почувствовала и Мардж, ее лицо внезапно потускнело и вытянулось.

— Ну что же, это очень хорошая мысль, — сказал Том.

— А вы высокого мнения об итальянской полиции? — спросил мистер Гринлиф.

— Ну в общем-то — да, — ответил Том. — Кроме того, у их полицейских большое преимущество — они говорят по-итальянски и поэтому могут проникнуть всюду и проверить все подозрения. Надеюсь, тот, кого вы пригласили, говорит по-итальянски?

— Собственно говоря, даже и не знаю, — произнес мистер Гринлиф с таким волнением, будто только теперь осознал свое упущение. — Его фамилия Мак-Карон. Мне сказали, очень опытный.

«Скорее всего, он не говорит по-итальянски», — подумал Том.

— Когда он приезжает?

— Завтра или послезавтра. Если завтра, мне придется отправиться в Рим, чтобы встретить его.

Мистер Гринлиф отставил свою телятину. Он почти не притронулся к ней.

— У Тома такой чудесный дом! — воскликнула Мардж, приступив к многослойному пирожному, пропитанному ромом.

Том попытался придать доброжелательность взгляду, которым ее окинул.

«Самые каверзные вопросы, — подумал он, — вероятно, последуют дома, когда мы с ним останемся наедине».

Он чувствовал, что у Гринлифа было желание поговорить с ним с глазу на глаз, поэтому предложил выпить кофе здесь же, в ресторане, прежде чем Мардж предложит им пить его дома. Ей очень нравился кофе, который получался в кофеварке Тома. И все равно, когда они пришли домой, Мардж уселась вместе с ними в гостиной и проторчала здесь целых полчаса. Никакого чувства такта, негодовал Том. И только когда он выразительно нахмурился и посмотрел на

лестницу наверх, она наконец поняла намек, прикрыла рот ладошкой и заявила, что пойдет немножечко вздремнуть. Несмотря ни на что, она оставалась в своем обычном, неизменно жизнерадостном настроении и во время ленча болтала с мистером Гринлифом так, будто Дикки конечно же жив, и милый мистер Гринлиф не должен, ни в коем случае не должен так расстраиваться, потому что это может повредить его пищеварению. Тому показалось: она ведет себя так, будто не теряет надежды стать когда-либо невесткой мистера Гринлифа.

Мистер Гринлиф встал и, засунув руки в карманы пиджака, принялся расхаживать по комнате подобно боссу, который собирается продиктовать секретарю письмо. Про себя Том отметил, что он никак не выразил своего отношения к роскошной обстановке дома, даже вроде бы не обратил на нее ни малейшего внимания.

— Ну вот, Том, — произнес мистер Гринлиф со вздохом. — Очень странный конец у всей этой истории, не правда ли?

— Конец всей истории?

— Ну, теперь вы живете в Европе, тогда как Ричард…

— Да, кстати, мы не обсудили еще и такую

возможность: а вдруг он вернулся в Америку, — примирительным тоном произнес Том.

— Нет, иммиграционные власти тотчас сообщили бы.

Не глядя на Тома, мистер Гринлиф продолжал мерить шагами комнату.

— А все-таки что вы думаете, где же он все же может находиться?

— Знаете, сэр, он вполне мог поселиться в Италии и укрыться в каком-нибудь отеле, где не нужно регистрироваться.

— А разве в Италии есть отели, где не требуется регистрация?

— Официально таких нет. Но всякий, кто владеет итальянским так же свободно, как Дикки, вполне может ее избежать. Собственно говоря, он вполне мог подкупить какого-нибудь владельца маленькой гостиницы, который поселил бы его у себя, даже если б ему стало известно, что постояльца зовут Ричард Гринлиф.

— И чем же, собственно говоря, он мог бы заниматься? — Мистер Гринлиф неожиданно взглянул ему прямо в глаза.

Том увидел на его лице то же страдальческое выражение, которое отметил при самой первой встрече.

— Ну, просто существует такая вероятность. Это все, что я могу сказать по поводу всего этого. — Том на минуту умолк. — Простите меня, мистер Гринлиф, но я допускаю, что Дикки уже нет в живых.

Выражение лица мистера Гринлифа не изменилось.

— Вы допускаете такую возможность в связи с той депрессией, в которую, по вашим словам, он впал в Риме?

— Депрессия была его обычным состоянием, — нахмурился Том. — Его подкосила история с Майлзом… Ведь он, как никто другой, терпеть не мог публичного интереса к своей личности, так же как и всякое насилие. — Том облизнул губы. Он совершенно искренне страдал, тщательно подбирая слова. — Дикки сказал, что, если произойдет еще что-либо в таком роде, это его совсем доконает, и тогда уже он за себя не ручается. Кроме того, именно тогда я впервые заметил, что Дикки потерял интерес к живописи, а ведь до этого я был убежден, что живопись, что бы ни случилось, всегда может оставаться его последним прибежищем.

— Неужели и правда он относился к занятиям живописью так серьезно?

— Да, он относился к этому серьезно, — твердо произнес Том.

Держа по-прежнему руки за спиной, мистер Гринлиф в который раз взглянул на потолок.

— Жаль, что мы не можем найти этого Ди Массимо. Ему наверняка должно быть что-либо известно. Насколько я понял, они с Ричардом собирались отправиться на Сицилию.

— Мне об этом ничего не известно, — выразил удивление Том. Значит, Мардж сказала ему об этом.

— Этот Ди Массимо тоже исчез, если он вообще существовал. Мне сдается, что Ричард просто придумал его, чтобы убедить меня, будто и в самом деле серьезно занимается живописью. Этого художника Ди Массимо полиция никак не может найти ни в своих списках, ни в картотеках.

— Мне не довелось встретиться с ним, — сказал Том. — Дикки упоминал о нем раза два, и я никогда не сомневался, что он существует и живет под своим именем.

— Вы сказали, «если случится что-нибудь в этом роде, он за себя не ручается». Что имелось в виду?

— Ну, собственно, тогда в Риме я не понял, что он имел в виду, а теперь понимаю. Его хотели

допросить в полиции по поводу затонувшей лодки в Сан-Ремо. С вами беседовали в полиции по этому поводу?

— Нет.

— В Сан-Ремо была найдена какая-то разбитая лодка. Они считают, что эта лодка пропала в тот же самый или почти в тот же самый день, когда мы с Дикки тоже находились в Сан-Ремо и совершили морскую прогулку на подобной лодке. Там все берут напрокат такие маленькие моторки. В общем, была найдена разбитая лодка, а на ней обнаружены какие-то пятна. Полиция считает — пятна крови. Лодку обнаружили сразу же после убийства Майлза. В то время они никак не могли разыскать меня, потому что я отправился путешествовать по Италии, и полиция принялась расспрашивать Дикки о моем местопребывании. Теперь я думаю, что в какой-то момент Дикки могло показаться, что его подозревают в том, что он меня убил.

— О боже!

— Я знаю об этом потому, что несколько недель назад полицейский инспектор в Венеции допрашивал меня в связи с этим. Он поведал, что ранее допрашивал Дикки. Удивительно, но я действительно не подозревал, что меня разыскивают. Не

больно настойчиво, но все же разыскивают, пока не прочел сообщение в одной из здешних газет. Тогда я пошел в полицию и объявился собственной персоной.

Несколько дней назад он решил, что лучше самому обрисовать мистеру Гринлифу все случившееся независимо от того, говорили ему об этом в полиции или нет, а также поведать, будто он был вместе с Дикки в Риме в то самое время, когда ему должно было быть известно, что его ищут. Кроме того, это прекрасно сходилось со словами о депрессии, в которую впал Дикки.

— Мне трудно понять все это, — произнес Гринлиф. Он сидел на диване и внимательно слушал Тома.

— Теперь все это не имеет никакого значения, так как мы с Дикки оба живы. Я рассказал обо всем этом только для того, чтобы обратить ваше внимание на следующее: Дикки знал, что меня разыскивают, так как его расспрашивали о моем местонахождении. Вероятнее всего, во время первого разговора в полиции он не знал точно, где я, но ему, по крайней мере, было известно, что я не покидал Италии. Но даже когда я приехал в Рим и мы с ним встретились, он не рассказал об этом полиции. Он не собирался помогать им. Я все

очень хорошо помню, потому что в то самое время, когда Мардж пришла в отель и разговаривала со мной, Дикки давал показания в полиции. Он считал, что разыскивать меня — дело полиции, и лично он не собирался сообщать им, где я.

Мистер Гринлиф покачал головой с мягкой отцовской укоризной, будто ему и впрямь было легко поверить в такое поведение сына.

— Мне кажется, именно в тот вечер он и произнес эту самую фразу, что если что-нибудь «в этом роде произойдет, то это его доконает». Я был тогда в Венеции, и мне все это было ужасно неприятно. Полиция наверняка проклинала меня за то, что я не объявился, зная, что меня разыскивают. Но факт остается фактом — я действительно не знал об этом.

— М-да-а, — протянул мистер Гринлиф без малейшей заинтересованности.

Том поднялся, чтобы достать бутылку бренди.

— Боюсь, я не могу согласиться с тем, что Ричард покончил с собой, — сказал мистер Гринлиф.

— И Мардж так не думает. Это всего лишь предположение. Я даже не считаю его наиболее вероятным из всех.

— Да? Каково в таком случае ваше окончательное мнение?

— Думаю, он где-то скрывается. Позвольте предложить бренди, сэр? После Штатов вам должно казаться ужасно промозгло в этом доме.

— Честно говоря, да. — Мистер Гринлиф взял протянутую рюмку.

— Видите ли, он может сейчас находиться где угодно, и совсем не обязательно в Италии. Вернувшись в Неаполь, Дикки мог отправиться куда глаза глядят: в Грецию, во Францию. Ведь доселе его по-настоящему никто не искал.

— Все так, все так, — устало согласился мистер Гринлиф.

Глава 26

Том очень рассчитывал, что Мардж забудет о приглашении торговца антиквариатом на коктейль в «Даниэли», но его надежда не оправдалась. Около четырех часов мистер Гринлиф отправился в свой отель отдохнуть, и, как только он ушел, Мардж напомнила Тому, что в пять они идут на коктейль.

— Неужели тебе этого хочется? — спросил Том. — Я даже не могу вспомнить имени того, кто нас пригласил.

— Малуф. М-а-л-у-ф. Мне хочется пойти. Хотя бы ненадолго.

Вот так и пришлось пойти. Том с отвращением видел со стороны то, что они с Мардж представляли собой в глазах всех: не один, а целых двое участников нашумевшей истории с Гринлифом, выставленные для всеобщего обозрения, как акробаты на арене цирка под лучом прожектора. Он понимал, они привлекли внимание Малуфа лишь как случайно подвернувшиеся «интересные личности», способные украсить его компанию. Наверняка уже успел раструбить,

что у него на вечеринке будут Мардж Шервуд и Томас Рипли. Невыносимо. И легкомысленного поведения Мардж совершенно не оправдывают ее слова о том, что она ничуть не обеспокоена исчезновением Дикки. В него даже закралась мысль, что Мардж так жадно пьет мартини только потому, что он бесплатный, будто в его доме не было сколько душе угодно спиртного. К тому же он собирался прикупить еще несколько бутылок, когда они отправятся обедать вместе с мистером Гринлифом.

Том не спеша потягивал вино, стараясь держаться подальше от Мардж. Когда его спрашивали, он подтверждал, что является близким другом Дикки Гринлифа, не забывая при этом заметить, что совсем мало знаком с Мардж.

— Мисс Шервуд гостит у меня в доме, — произносил он с натянутой улыбкой.

— А где же мистер Гринлиф? Как жаль, что вы не привели его, — говорил мистер Малуф, двигаясь слоновьей походкой по комнате с зажатым в руке бокалом из-под шампанского, содержащим коктейль «Манхэттен». На нем был клетчатый костюм из английского твида, из тех, что англичане шьют весьма неохотно, особенно для личностей типа Руди Малуфа.

— Я полагаю, мистер Гринлиф отдыхает. Мы увидимся с ним чуть позже за обедом.

— Вот как, — сказал Малуф. — А вы читали сегодняшние вечерние газеты?

Этот вопрос он задал исключительно вежливым, с оттенком почтительности, тоном, придав лицу торжественное выражение.

— Да, читал, — ответил Том.

Мистер Малуф кивнул, не прибавив ни слова. Том попытался вообразить, какую околесицу пришлось бы нести в свое оправдание, если бы он сказал, что не читал газет. В вечерних газетах сообщалось, что Герберт Гринлиф прибыл в Венецию и остановился в отеле «Гритти-Палас». Никаких сообщений об американском сыщике, прибывающем в Рим, как и вообще упоминания о таковом, не было, что заставило Тома усомниться, говорил ли вообще мистер Гринлиф что-либо подобное. Это начинало казаться одним из предположений, высказанных кем-то другим, или одним из его собственных опасений, не имеющих под собой никакой реальной почвы. Нелепых опасений из тех, которых через пару недель он, как правило, начинал стыдиться.

К такого рода предположениям относилась и мысль о том, что в Монджибелло у Дикки с

Мардж был роман или что они хотя бы находились на грани романа. Или все эти страхи в связи с поддельными подписями на банковских чеках, которые якобы могли разоблачить его, если он будет продолжать играть роль Дикки Гринлифа. Ужас, охвативший его тогда, бесследно исчез. Согласно последним сообщениям, семь из десяти американских экспертов отрицали факт подделки подписей, утверждая, что подпись Ричарда Гринлифа настоящая. Если бы он не поддался своим воображаемым страхам, смог бы еще раз заполнить чеки для американского банка и навсегда остаться Дикки Гринлифом.

Том сжал губы. Какой-то частью сознания он пытался воспринимать Малуфа, старавшегося произвести впечатление серьезного интеллектуала, подробно рассказывая о своей утренней поездке на острова Мурано и Бурано. Стиснув зубы и нахмурившись, Том слушал его, одновременно упорно стараясь сосредоточиться на собственных мыслях. Вероятно, стоит серьезно отнестись к сообщению мистера Гринлифа о приезде сыщика. По крайней мере, до того момента, пока оно не будет опровергнуто. Но он не позволит, чтобы это сообщение сбило его с толку или заставило хотя бы в малейшей степени

обнаружить свой страх.

Том рассеянно ответил на какое-то замечание Малуфа. Тот засмеялся своим глупым смехом и отошел. Том с насмешкой смотрел в удаляющуюся спину, осознавая, что все время вел себя грубо и следует взять себя в руки, быть повежливее. Ведь он хотел быть настоящим джентльменом, а в это понятие входит способность вести себя корректно даже по отношению к второсортным торговцам антиквариатом, перекупщикам всякой дешевки. Образцы этих, с позволения сказать, произведений искусства, всякие там пепельницы, он сподобился увидеть, например, в спальне, где гости сложили свои пальто и плащи. Все эти люди слишком напоминали тех, с кем он расстался в Нью-Йорке. Они присасывались к нему как пиявки, и хотелось бежать от них куда глаза глядят.

Он пришел сюда только из-за Мардж, единственно ради нее. Ее-то он и проклинал за то, что привела его сюда. Том отхлебнул мартини, посмотрел в потолок и решил, что еще несколько месяцев — и он достигнет такой степени душевного равновесия, что будет в состоянии переносить даже подобных типов, окажись он снова в такой компании. Он стал раскованнее с

тех пор, как покинул Нью-Йорк, и наверняка в дальнейшем еще больше преуспеет в этом.

Том снова устремил взгляд в потолок и погрузился в мечты о своем путешествии в Грецию… Из Венеции поплывет сначала по Адриатическому морю, а затем по Ионическому — на Крит. Вот какие у него планы на лето. Июнь. Какое красивое слово, до чего же сладко звучит! От него веет блаженной ленью и солнечным светом! Но лишь какое-то мгновенье Том витал в облаках. Громкий, пронзительный американский говор вновь заполонил уши, высокие ноты будто когтили, парализуя нервные окончания на плечах и спине. Он невольно начал удаляться от этих голосов, приближаясь к Мардж. Кроме нее, в комнате находились еще две дамы — отвратительные, мерзкие жены двоих не менее мерзких бизнесменов. Надо признать, на их фоне Мардж показалась более привлекательной, хотя голос у нее был неприятный. Но у тех двух — еще хуже.

Ему так хотелось намекнуть ей, что пора бы уж и уйти, но ведь не положено, чтобы мужчина первым предлагал это. Поэтому он ничего не сказал, только с улыбкой присоединился к группе, в которой стояла Мардж. Кто-то вновь наполнил рюмку Тома. Мардж разглагольствовала о Мон-

джибелло, о книге, которую писала, и, кажется, совершенно очаровала троих джентльменов с седыми макушками, залысинами и морщинистыми лицами…

Через несколько минут Мардж сама предложила покинуть Малуфа и его приспешников, от которых с трудом удалось отделаться. К тому времени все — они уже успели настолько набраться, что стали настойчиво предлагать всем скопом отправиться обедать с мистером Гринлифом.

— Да, Венеция — это город для веселья, — идиотски повторял Малуф, стараясь улучить момент, чтобы обнять Мардж и грубовато прижать к себе, как бы принуждая остаться.

Том порадовался, что не сподобился ничего съесть, а то его тут же вырвало бы.

— Какой номер телефона у мистера Гринлифа? Давайте ему позвоним! — Малуф стал пробираться к аппарату.

— Мне кажется, самое время убираться отсюда, — твердо произнес Том на ухо Мардж.

Он крепко взял ее за локоть и повел к двери, при этом оба с улыбкой раскланивались с остающимися гостями.

— Что случилось? — спросила Мардж, когда они вышли в коридор.

— Собственно говоря, ничего. Просто, по-моему, вечеринка уже начала выходить за рамки, — заявил Том, пытаясь улыбкой смягчить сказанное.

Мардж была навеселе, но не настолько, чтобы не заметить, что с Томом что-то происходит. Он был весь в поту, даже вытер капли со лба.

— Не выношу подобных личностей. Они меня просто убивают. Все время болтают о Дикки, хотя мы их совсем не знаем, да и не хотим знать. Меня прямо-таки воротит от них.

— Странно, но со мной на этой вечеринке как раз ни одна живая душа не заговорила о Дикки. Никто даже не упомянул его имени. Мне-то как раз показалось, что они вели себя гораздо достойнее, чем те, что были вчера в гостях у Питера.

Том шел молча, с высоко поднятой головой. Он терпеть не мог всех этих людишек, но нельзя же сказать об этом Мардж, ведь она сама из них.

Они зашли в отель за мистером Гринлифом. Для обеда было еще слишком рано, и решили выпить пока несколько аперитивов в кафе неподалеку от «Гритти». Тому хотелось сгладить свою вспышку на вечеринке у Малуфа, и он изо всех сил старался быть разговорчивым и любезным. Мистер Гринлиф пребывал в отличном расположении духа; он только что позвонил жене и узнал, что

она чувствует себя гораздо лучше и настроение у нее хорошее. В последние десять дней ее доктор стал делать уколы по новой системе, и ей стало лучше, как ни при каком другом лечении.

Обед проходил очень спокойно. Том рассказывал вполне пристойные, в меру смешные анекдоты, и Мардж заразительно смеялась. Мистер Гринлиф настоял на том, чтобы заплатить за обед, и тут же заявил, что из-за легкого недомогания вынужден вернуться в отель. За обедом он тщательно выбирал соус и отказался от салата, из чего Том заключил, что он, вероятно, страдает самым обычным недугом многих путешественников. Ему очень хотелось посоветовать мистеру Гринлифу одно прекрасное средство, имеющееся во всех аптеках. Но ведь с человеком, подобным мистеру Гринлифу, совершенно невозможно обсуждать такие вещи, даже если б они были совершенно одни.

Мистер Гринлиф намеревался на следующий день вернуться в Рим. Том обещал позвонить ему около восьми утра, чтобы выяснить, каким поездом он поедет. Мардж тоже собралась ехать вместе с ним в Рим, и время отправления поезда ей было безразлично. Втроем они направились в сторону «Гритти», дабы там распрощаться.

Мистер Гринлиф представлял собой забавную фигуру: типичный богатый, в серой шляпе, промышленник с Мэдисон-авеню, с непроницаемым лицом пробирающийся по узким петляющим улочкам Венеции.

— Как жаль, что мы не можем подольше побыть вместе, — сказал Том.

— Мне тоже очень жаль, мой мальчик. Может быть, когда-нибудь в другой раз. — Гринлиф похлопал его по плечу.

Том отправился домой с Мардж в радужном настроении. Все прошло просто прекрасно. Мардж, как всегда, без устали щебетала. Хихикая, сообщила, что оторвалась бретелька от бюстгальтера, и она вынуждена одной рукой все время его придерживать. Том размышлял о полученном сегодня днем письме от Боба Деланси, ведь это была первая со времени отъезда весточка из Нью-Йорка. Правда, как-то очень давно он получил открытку, в которой Боб сообщил, что в связи с налоговой аферой, случившейся несколько месяцев назад, всех его жильцов допрашивала полиция. Какой-то аферист воспользовался адресом Боба для получения денежных переводов. Он просто-напросто извлекал письма с чеками через щель почтового ящика, куда их опускал

почтальон. Почтальона тоже допросили, и он сообщил, что на конверте стояло имя Джорджа Мак-Алпина. Вся эта история казалась Бобу весьма забавной. Он с удовольствием описывал, как вели себя некоторые из его постояльцев, когда их допрашивала полиция.

Тайна так и не была раскрыта. Это очень приободрило Тома. Угроза разоблачения той давней налоговой истории постоянно висела над его головой. Он не сомневался, что рано или поздно в связи с этим будет предпринято расследование. Как хорошо, что он тогда вовремя остановился, и теперь уже просто невероятно, что полиция когда-нибудь сумеет связать имя Тома Рипли с именем Джорджа Мак-Алпина. Кроме того, как отметил в письме Боб, аферист даже не пытался получить по присланным чекам деньги.

Придя домой. Том расположился в гостиной, чтобы еще раз перечитать письмо Боба. Мардж поднялась наверх. Она хотела уложить вещи и лечь спать. Том тоже чувствовал себя утомленным, но предвкушение свободы, которая наступит завтра, после отъезда Мардж и мистера Гринлифа, было настолько приятным, что он был готов предаваться ему всю ночь напролет. Он снял ботинки, забрался с ногами на диван,

облокотился на подушки и продолжил чтение письма. По мнению полиции, кто-то посторонний время от времени заходил в дом и забирал почту, потому что жильцы Боба все как один придурки и на преступников не тянут… Было так удивительно читать о знакомых по Нью-Йорку, об Эдди и Лорен, этой безмозглой девице, которая пыталась спрятаться у него в каюте, когда он отплывал из Нью-Йорка. Какая глупая и неприятная история! И до чего же унылую жизнь они все вели: таскаться по этому Нью-Йорку, входить в подземку и выходить из нее, в качестве развлечения посещать замызганный бар на Третьей авеню, смотреть телевизор, а если даже они и могли иногда себе позволить забрести в — бар на Мэдисон-авеню или какой-нибудь хороший ресторан, то это так пресно и не идет ни в какое сравнение с ужином в самой захудалой траттории в Венеции, где все столы сплошь уставлены салатами из свежих овощей, на подносиках разложен сыр разных сортов, а доброжелательные официанты приносят лучшие в мире вина! «Конечно же я завидую тебе, который живет в Венеции, в старом палаццо! — писал Боб. — Часто ли катаешься на гондоле? Какие там девушки? Неужели станешь таким культурным, что после

Европы не захочешь разговаривать ни с кем из нас? Надолго ли ты собираешься там остаться?»

«Навсегда», — пронеслось в голове Тома. Возможно, он уже никогда не вернется в Штаты. Честно говоря, его столь сильно привлекала не Европа сама по себе. Прекрасны были уединенные вечера, которые он проводил в Венеции или Риме. Вечера наедине с самим собой, когда он наслаждался разглядыванием географических карт или, развалившись на диване, листал туристские справочники. Вечера, во время которых он вновь и вновь любовался своей, то есть принадлежавшей раньше Дикки, одеждой, примерял его кольца, гладил чемоданчик из антилопьей кожи, приобретенный в фирменном магазине «Гуччи». Он протирал этот чемоданчик специальной кожаной тряпочкой не потому, что это было уж так необходимо, он без того обращался с ним очень аккуратно, а просто на всякий случай. Он был привязан к вещам. Не ко всем подряд, а к избранным, с которыми никогда не расставался. Вещи дают человеку чувство самоуважения. Они нужны не для того, чтобы выставлять напоказ, а чтобы любить и лелеять ради их собственной ценности.

Обладание вещами делало его существование

реальным. А разве этого так уж мало? Он существовал, на самом деле существовал. Это дается немногим даже из тех, кто богат. Для этого главное не сами деньги, огромные суммы денег, а чувство надежности. А он был на пути к нему, даже когда жил у Марка Прайминджера. Он был благодарен вещам Марка, это главным образом и привлекало его в том доме. Но ведь те вещи не принадлежали ему, и было совершенно невозможно начать приобретать вещи, зарабатывая сорок долларов в неделю. Даже при строжайшей экономии он потратил бы на это лучшие годы своей жизни. Деньги Дикки только дали импульс, ускорили его движение по избранному пути.

Эти деньги обеспечивали возможность насладиться путешествием в Грецию, собрать, если вдруг вздумается, египетскую керамику (недавно он даже прочитал об этом очень интересную книгу, написанную живущим в Риме американцем), вступать во всевозможные общества любителей искусств и субсидировать их, если захочется. Деньги дарили бесконечный досуг. Например, возможность далеко за полночь читать Мальро, ведь не надо было рано утром вставать и спешить на работу. Совсем недавно он приобрел двух-

томную «Malraux's Psychologie d'art»[42], которую, пользуясь словарем, с огромным наслаждением читал в подлиннике. Он решил, что, пожалуй, стоит немножко вздремнуть, а потом снова почитать Мальро, ведь время для него не имело значения. Несмотря на выпитый кофе-эспрессо, почувствовал приятную обволакивающую дрему. На диване было так уютно, спинка и подлокотники будто обнимали, словно чьи-то руки. Пожалуй, это было даже приятнее, чем человеческие объятия. Он решил провести ночь здесь. На этом диване было гораздо удобнее, чем там, в спальне. Через несколько минут он, пожалуй, встанет и принесет одеяло.

— Том?

Он открыл глаза. По лестнице спускалась Мардж, она была босиком. Том сел: у нее в руках была коричневая кожаная шкатулка.

— Я только что нашла здесь кольца Дикки, — произнесла она взволнованно.

— А… Он отдал их мне. На хранение. — Том поднялся.

— Когда?

— Помнится, в Риме. — Он сделал шаг назад,

---

[42] Примечания: 42
«Мальро. Психология искусств» (фр.).

нащупал ботинок и взял его в руки. Проделал все это, чтобы скрыть волнение.

— Он собирался что-то предпринять? Почему он отдал тебе свои кольца?

По-видимому, она искала нитку, чтобы пришить бретельку к бюстгальтеру, и наткнулась на кольца. Господи, почему он только не спрятал их куда-нибудь подальше, хотя бы за подкладку этого чемоданчика!

— Даже и не знаю почему. Какой-то каприз, фантазия. Ты же его знаешь. Сказал, если с ним что-либо случится, пусть его кольца останутся у меня.

Мардж была потрясена:

— Куда он собирался уехать?

— В Палермо, на Сицилию.

Обеими руками он крепко держал свой ботинок в таком положении, что его деревянный каблук вполне мог послужить оружием. На миг живо представил себе, как можно все это проделать: пристукнуть ее ботинком, выволочь через парадный вход и столкнуть в канал. А потом он всем рассказывал бы, что она упала, поскользнувшись на водорослях. Увы, она так хорошо плавает, что могла бы и выплыть.

Мардж не отрываясь смотрела на шкатулку.

— Значит, он действительно хотел покончить с собой…

— Да, если тебе угодно. Эти кольца… пожалуй, они и впрямь наводят на мысль о самоубийстве.

— Почему же ты раньше ничего об этом не говорил?

— Я начисто забыл о них. Убрал, чтобы не потерять, и с тех пор мне ни разу даже в голову не пришло взглянуть на них.

— Наверняка он либо покончил с собой, либо живет под чужим именем, да?

— Боюсь, что так, — твердо, с печалью в голосе подтвердил Том.

— Надо сообщить об этом мистеру Гринлифу.

— Разумеется, я расскажу об этом и мистеру Гринлифу, и в полиции.

— Таким образом, все проясняется, — произнесла Мардж.

Том теребил в руках ботинок, как обычно теребят перчатки, и в то же время держал его в боевой готовности, потому что Мардж по-прежнему как-то странно смотрела на него. Она о чем-то размышляла. Уж не морочит ли она ему голову? А вдруг обо всем догадалась?

— Никак не могу представить себе Дикки без его любимых колец, — серьезно произнесла Мардж,

и Том понял: ни о чем не догадалась, ее мысли потекли совсем по другому руслу.

У него отлегло от сердца. На негнущихся ногах Том дошел до дивана и принялся сосредоточенно натягивать ботинки.

— Да, конечно, — машинально согласился он с Мардж.

— Пожалуй, стоит сейчас же позвонить мистеру Гринлифу. Но уже поздно. Вероятно, он уже лег. И если я скажу ему об этом сейчас, я уверена, он не заснет всю ночь.

Том пытался натянуть второй ботинок, но не мог пошевелить даже пальцами ног, они совсем онемели. Он изо всех сил напрягал свой мозг, чтобы сказать хоть что-то вразумительное.

— Как жаль, что я не сказал об этом раньше, напрочь забыл, — сказал Том проникновенным голосом. — Это был…

— Да, и теперь приглашение американского частного сыщика может выглядеть глупостью со стороны мистера Гринлифа, ведь правда? — Ее голос дрожал.

Том посмотрел на нее. Мардж была готова расплакаться. В первый раз до нее по-настоящему дошло, что Дикки, возможно, уже нет в живых.

Том медленно подошел к ней.

— Прости меня, Мардж. Прости, что я раньше не рассказал тебе о кольцах.

Он обнял ее за плечи. Был вынужден сделать это, потому что она буквально повисла на нем. Он ощутил слабый запах ее духов. Кажется, «Страдивари».

— Это одна из причин, почему у меня появилась уверенность, что он покончил с собой или, по крайней мере, мог решиться на это.

— Ты прав, — всхлипывая, совершенно убитым голосом произнесла она.

Мардж, собственно говоря, не плакала, просто склонилась к нему своей опущенной головой. Как всякий, только что узнавший о смерти близкого человека. Так оно и было.

— Хочешь бренди? — нежно спросил Том.

— Нет.

— Пойдем, присядь на диван. — Он подвел ее к дивану.

Она села, а он прошел в другой конец комнаты и налил бренди в два фужера. Когда он оглянулся, ее уже не было. Он успел только заметить, как наверху промелькнул подол ее платья и босые ноги.

Конечно же ей хочется побыть одной. Он решил было отнести ей бренди наверх, но передумал.

Бренди тут не поможет. Можно себе представить, что она испытывает. Том торжественно прошествовал с фужерами обратно в буфетную. Вылил содержимое обоих бокалов назад в бутылку и поставил ее на место, рядом с другими. Затем снова расположился на диване, вытянул вперед ногу, пытаясь ее размять, и ощутил такую усталость, что даже не мог снять ботинки. Вдруг его осенило, что таким же усталым он чувствовал себя после убийства Фредди Майлза и после убийства Дикки в Сан-Ремо. Да, он только что был на грани убийства. В его голове вновь пронеслись хладнокровные рассуждения о том, как он осторожным движением, чтобы не рассечь кожу на лице, оглушит Мардж тяжелым деревянным каблуком, потом втащит ее в передний холл, а затем вытащит через дверь, предварительно выключив освещение у подъезда. Он вспомнил и свою мгновенно сочиненную историю о том, что она, вероятно, поскользнулась на ступеньке, а он не бросился за ней в воду и не стал звать на помощь, будучи совершенно уверенным, что она наверняка доплывет до ступеней.

Он даже придумал многие реплики, которыми будет обмениваться с мистером Гринлифом, живо вообразил его, изумленного и потрясенного,

и себя, откровенно взволнованного, но только внешне, а на самом деле спокойного и уверенного, каким он был после убийства Фредди Майлза, ибо его версия происшедшего будет неуязвимой. Такой же, как и версия событий в Сан-Ремо. Его версии безупречны, потому что каждый придуманный ход событий он проигрывал в своем воображении с такой максимальной точностью, что сам начинал верить в его реальность.

На какое-то мгновение даже почудилось, будто он слышит собственные слова: «…Я стоял на ступеньках и звал ее, каждую секунду надеясь, что она вот-вот приплывет или даже что нарочно меня разыгрывает… Я и думать не думал, что она могла пораниться. Еще минуту назад стояла тут, рядом со мной, в таком хорошем настроении». Он собрался с мыслями. В сознании как бы прокручивалась магнитофонная лента. Он никак не мог остановиться, продолжая переживать эту маленькую драму, якобы разыгравшуюся здесь, у него в гостиной. Видел себя рядом с итальянскими полицейскими и мистером Гринлифом у входных дверей своего дома. Видел себя и слышал свои серьезные доводы. Которым верили.

Но не эти воображаемые диалоги и даже не отчетливые до галлюцинации ощущения совер-

шенных во время убийства действий (он знал, что не совершил их) внушали ему ужас, а воспоминания о том, как он на самом деле стоял рядом с Мардж, с холодной расчетливостью готовясь к преступлению. А также мысль, что он уже дважды совершил убийство. Те два раза были фактами, а не фантазиями. Можно сказать, что он не хотел тех убийств, но все-таки совершил их. Он не собирался стать преступником. Иногда напрочь забывал о своих преступлениях. Но временами, как вот теперь, они не давали покоя. Правда, и сегодня удалось на какое-то время отключиться, когда с наслаждением размышлял о собственных вещах и о том, почему ему так нравится жить в Европе…

Том лег на бок, поджав под себя ноги. Его била дрожь, тело покрылось испариной. Что же это с ним? Что, собственно говоря, произошло? Неужели он и впрямь завтра при встрече с мистером Гринлифом обрушит на него всю эту чушь, что якобы Мардж упала в канал, а он вопил о помощи, а потом и сам бросился в воду, но не смог ее там найти? А вдруг он способен впасть в транс, в присутствии самой Мардж начнет разыгрывать весь этот спектакль и таким образом предстанет законченным маньяком?

Завтра он должен будет предъявить мистеру Гринлифу кольца, принадлежавшие Дикки. Предстоит повторить все, что он уже рассказал Мардж. Пересказать с еще большими подробностями, дабы история выглядела вполне достоверной. Он принялся сочинять. Постепенно его мысли пришли в равновесие. Нарисовал в воображении номер в одном из римских отелей, они с Дикки стоят и беседуют. Дикки снимает с пальцев оба своих кольца и протягивает их Тому со словами: «Только, пожалуйста, никому не говори об этом…»

Глава 27

На следующее утро, в половине девятого, Мардж позвонила мистеру Гринлифу и спросила, в какое время ей с Томом удобно прийти к нему в отель. По ее голосу мистер Гринлиф понял, что она очень расстроена. Том слышал, как Мардж его же словами пересказала историю с кольцами. Судя по всему, она поверила в нее, но Том не мог догадаться, какое впечатление все это произвело на мистера Гринлифа. Он боялся, что новое известие откроет мистеру Гринлифу глаза и, может статься, их сегодняшняя встреча состоится в присутствии полицейских, которые арестуют Тома. Вероятность такого поворота событий сводила на нет преимущество того, что о кольцах мистер Гринлиф узнал не от Тома, а от Мардж и что ему не пришлось самому сообщить об этом отцу Дикки.

— Что он сказал? — спросил Том, когда она повесила трубку.

Мардж устало опустилась на стул посреди комнаты.

— У мистера Гринлифа точно такое же впечат-

ление. Сам сказал. Считает, все выглядит так, будто Дикки заранее готовился к самоубийству.

Такое впечатление… Но кто знает, ведь до их прихода у него будет время наедине с собой поразмышлять об услышанном от Мардж.

— Когда мы должны быть у него?

— Я сказала, будем не позднее половины десятого. Придем сразу же после кофе. Кофе я уже поставила.

Мардж поднялась и прошла на кухню. Она была уже одета. На ней был тот же самый дорожный костюм, в котором она приехала.

Том рассеянно присел на край дивана и ослабил узел галстука. Он так и проспал всю ночь одетый на этом диване и проснулся всего несколько минут назад, когда Мардж спустилась вниз. И как это он умудрился провести всю ночь в этой промозглой комнате? Ему стало не по себе. Да и Мардж удивилась, застав его здесь. К тому же затекла шея, спина и правое плечо. Он чувствовал себя несчастным. Резко поднявшись, крикнул Мардж:

— Я пойду наверх, мне надо умыться!

Проходя мимо, заглянул в комнату к Мардж и увидел, что свой чемодан она уже упаковала. Он стоял наготове, закрытый, на полу посреди ком-

наты. Том все еще надеялся, что они с мистером Гринлифом уедут на одном из утренних поездов. Тем более, что мистер Гринлиф собирался встретить в Риме американского детектива.

Том разделся в комнате, соседней с комнатой Мардж, потом пошел в ванную и включил душ. Взглянул на себя в зеркало, решил, что сначала следует побриться, и вернулся в комнату за электрической бритвой, которую он, когда приехала Мардж, почему-то решил унести из ванной. Когда возвращался с бритвой назад, зазвонил телефон. Мардж подняла трубку. Том нагнулся над перилами, внимательно вслушиваясь.

— О да, прекрасно… Не важно, если мы… Да, я скажу ему… Хорошо, мы постараемся поскорее… Том сейчас в ванной… О да, самое позднее через час. До встречи.

Услышав, что она направляется к лестнице, он отпрянул назад, потому что был совершенно голым.

— Том! — пронзительно закричала она. — Американский сыщик приехал! Он только что звонил мистеру Гринлифу из аэропорта и сообщил, что направляется к нему.

— Прекрасно, — откликнулся Том и сердито поспешил в ванную. Выключил душ и включил

электробритву. А что, если бы он все еще стоял под душем? Мардж точно так же прокричала бы ему все это, совершенно не заботясь, услышит он ее или нет. Уж поскорее бы убралась, хорошо бы сегодняшним утром. Если только они с мистером Гринлифом не вздумают остаться, чтобы вместе понаблюдать, как сыщик будет его допрашивать. Том понимал, что этот американец прибыл в Венецию специально для встречи с ним. А иначе дождался бы мистера Гринлифа в Риме. Интересно, понимает ли это Мардж? Скорее всего, нет. Ведь для этого нужно слегка пошевелить мозгами.

Том надел костюм и галстук умеренных тонов и спустился вниз, чтобы выпить с Мардж кофе. После обжигающего душа ему стало лучше. Мардж почти все время молчала, только заметила, что история с кольцами представляет все события в совершенно ином свете как для мистера Гринлифа, так и для сыщика, который тоже посчитает, что Дикки покончил с собой. Том очень рассчитывал именно на это. Все будет зависеть от того, что за тип этот сыщик. И все будет зависеть от первого впечатления, которое произведет на него он, Том.

День снова был серым и промозглым. Сейчас, в

девять утра, дождя не было, но он явно недавно кончился и, скорее всего, снова пойдет ближе к обеду. Том и Мардж в гондоле доехали до собора Святого Марка, а потом пошли пешком к «Гритти». Из холла позвонили мистеру Гринлифу, который сообщил, что мистер Мак-Карон уже прибыл, и пригласил их подняться к нему в номер.

Дверь открыл мистер Гринлиф.

— Доброе утро, — приветствовал он их, по-отцовски сжав руку Мардж.

Том вошел вслед за ней. Сыщик стоял у окна. Это был невысокий плотный мужчина лет тридцати пяти. Лицо одновременно и доброжелательное и настороженное. Первое впечатление Тома — в меру умен, но только в меру.

— Это Алвин Мак-Карон. Мисс Шервуд и мистер Рипли, — представил их друг другу мистер Гринлиф.

Они поздоровались.

Том заметил на кровати новенькую папку, вокруг которой были разложены какие-то бумаги и фотографии. Мистер Мак-Карон внимательно разглядывал Тома.

— Насколько я понял, вы — друг Ричарда? — спросил он.

— Мы оба его друзья, — ответил Том. Пока все рассаживались, разговор прервался. Номер мистера Гринлифа представлял собой большую, солидно обставленную комнату окнами на канал. Том сел в красное кресло без подлокотников, Мак-Карон устроился на кровати, продолжая во время разговора рыться в бумагах. Среди них были фотокопии каких-то документов. Кажется, банковских чеков с подписью Дикки. Были и фотографии самого Дикки.

— Вы принесли с собой кольца? — спросил Мак-Карон, переводя взгляд с Тома на Мардж.

— Да, — торжественно произнесла Мардж, вставая. Она вынула кольца из своей сумочки и передала Мак-Карону.

Мак-Карон положил их к себе на ладонь и протянул мистеру Гринлифу.

— Это его кольца? — спросил он мистера Гринлифа, и тот кивнул, едва взглянув на них. На лице Мардж появилось оскорбленное выражение, как будто она хотела сказать: «Мне эти кольца знакомы так же хорошо, как и мистеру Гринлифу, а может быть, даже и лучше».

Мак-Карон повернулся к Тому:

— Когда он отдал их вам? — спросил он.

— В Риме. Приблизительно третьего февраля,

всего через несколько дней после убийства Фредди Майлза, — ответил Том.

Сыщик изучающе смотрел на Тома своими мягкими карими глазами. Поднятые вверх брови образовывали на лбу грубые морщины. У него были темные вьющиеся волосы, коротко остриженные по бокам и с пышным чубом спереди. Эдакий хороший мальчик из колледжа. Прочесть его мысли совершенно невозможно. Том понял, что в его внешнем облике все было продумано именно с этой целью.

— Что он сказал вам, отдавая эти кольца?

— Сказал, что, если с ним что-нибудь случится, он хотел бы, чтобы кольца остались у меня. Я спросил, что же такое может случиться. Он сказал, что и сам не знает, но что-то может произойти. — Том выдержал тщательно продуманную паузу. — Он выглядел не более подавленным, чем обычно. Во время этого разговора мне и в голову не пришло, что он может покончить с собой. Я знал только, что он собрался уехать, вот и все.

— Куда?

— В Палермо, — ответил Том, взглянув на Мардж. — Кажется, он отдал мне кольца в тот день, когда мы разговаривали с тобой в Риме, в отеле «Англия». Ты не помнишь числа?

— Второго февраля, — произнесла Мардж покорно.

Мак-Карон делал пометки.

— Что еще вы можете сообщить? — спросил он Тома. — Какое было время дня? Он пил?

— Нет. Он вообще мало пьет. Кажется, это было днем. Он просил меня никому не говорить о кольцах, и, естественно, я обещал. Потом спрятал кольца и совершенно забыл о них, как я уже говорил мисс Шервуд, потому что у меня в сознании прочно засело, что раз он просил, я не должен никому сообщать об этом.

Том говорил откровенным тоном, не задумываясь, только слегка ненароком запинаясь. Ведь так и должен говорить всякий в подобной ситуации.

— Как вы поступили с кольцами?

— Положил в старую шкатулку, где держу всякие пуговицы и запонки.

Какое-то время Мак-Карон молча смотрел на Тома, и Том прилагал все усилия, чтобы во время этой паузы собраться с мыслями. По непроницаемому и одновременно настороженному ирландскому лицу трудно было прочесть, что последует: провокационный вопрос или прямое обвинение во лжи. Том решил еще более решительно отстаивать свою версию и стоять

насмерть. В наступившей тишине слышно было дыхание Мардж и кашель мистера Гринлифа. Эти звуки заставили Тома вздрогнуть. Мистер Гринлиф выглядел на редкость спокойным. Казалось, происходящее даже вызывает у него скуку. Уж не вступили ли они в сговор с Мак-Кароном, чтобы уличить его. Тома, во лжи в связи с байкой о кольцах?

— Мог ли такой человек, как Дикки, одолжить вам кольца на короткое время, скажем, на счастье? Делал ли он когда-либо что-либо подобное? — спросил Мак-Карон.

— Нет, — произнесла Мардж прежде, чем Том успел ответить.

У Тома отлегло от сердца. Он понял: Мак-Карон не способен проанализировать полученные сведения и ждет, что ответит Том.

— Бывало, он предлагал мне поносить какую-нибудь его куртку или там галстук. Но кольца конечно же совсем другое дело.

Он заставил себя сказать это, потому что Мардж наверняка знала о том эпизоде, когда Дикки застал его целиком вырядившимся в его одежду.

— Не могу себе представить Дикки без его колец, — обратилась Мардж к Мак-Карону. — Когда он шел купаться, всегда снимал вот этот пер-

стень с зеленым камнем, но потом тотчас снова надевал его. Они были неотъемлемой его частью. Вот почему я почти уверена, что он намеревался либо покончить с собой, либо скрыться от всех, переменив имя.

Мак-Карон кивнул.

— Как по-вашему, — обратился он к Тому, — могли быть у него враги?

— Абсолютно никаких. Я тоже думал об этом, — ответил Том.

— Известна ли вам какая-нибудь причина, в силу которой у него могло возникнуть желание скрыться ото всех или жить под чужим именем?

Поворачивая свою затекшую шею — очень болели мышцы, — Том осторожно произнес:

— Все может быть. Но в Европе это почти невозможно. Ему пришлось бы обзавестись чужим паспортом. Ведь в любой стране нужен паспорт хотя бы для того, чтобы поселиться в отеле.

— А мне вы говорили, что как раз в этом случае можно обойтись без паспорта, — сказал мистер Гринлиф.

— Я говорил это только в отношении очень маленьких гостиниц в Италии. Конечно, это могло бы стать для нас крохотным лучом надежды. Но после всех этих газетных публикаций в связи

с его исчезновением он вряд ли смог бы долго скрываться. Боюсь, за это время его кто-нибудь да выдал бы.

— Ну, уехал-то он явно со своим паспортом, — произнес Мак-Карон, — потому что приезжал на Сицилию и останавливался там в большом отеле. Сохранилась регистрационная запись.

— Да, это так, — согласился Том. Мак-Карон снова что-то записал, потом вновь бросил взгляд на Тома:

— Ну а вы-то сами, мистер Рипли, как вы все это объясняете?

Можно сказать, Мак-Карон почти совершенно был сбит с толку. Наверняка он теперь захочет поговорить с ним наедине.

— Боюсь, я вынужден согласиться с мисс Шервуд. Похоже, он покончил с собой и, вероятно, давно готовился к этому. Я уже говорил об этом мистеру Гринлифу.

Мак-Карон посмотрел на Гринлифа, но тот ничего не сказал, лишь выжидательно глядел на мистера Мак-Карона. Том понял: теперь и сыщик склонен считать, что Дикки нет в живых, и его приезд сюда — пустая трата времени и денег.

— Я просто хочу еще раз сверить все факты, — сказал Мак-Карон, продолжая рыться в бумагах.

— В последний раз Ричарда видели четвертого февраля, когда он сошел с парохода в Неаполе, возвращаясь из Палермо.

— Это так, — согласился мистер Гринлиф. — Его помнит стюард.

— Но после этого совершенно никаких признаков пребывания в каком-нибудь отеле.

Мак-Карон перевел взгляд с мистера Гринлифа на Тома.

— Да, — подтвердил Том.

Мак-Карон взглянул на Мардж.

— Да, — подтвердила Мардж.

— А когда вы его видели в самый последний раз, мисс Шервуд?

— Двадцать третьего ноября, когда он уезжал в Сан-Ремо, — с готовностью выпалила Мардж.

— Это происходило в Монджибелло? — спросил Мак-Карон, произнеся «г» вместо «дж», что явно свидетельствовало о его незнании итальянского языка.

— Да, — подтвердила Мардж. — Тогда в Риме, в феврале, мы с ним разминулись и в последний раз действительно виделись в Монджибелло.

«Браво, старушка Мардж!» Несмотря ни на что, Тома охватило чувство обожания по отношению к ней. Оно впервые появилось нынче утром во-

преки постоянному раздражению, которое она вызывала.

— Он так тщательно избегал всех в Риме, — вставил Том. — Поэтому, когда передал мне свои кольца, я подумал, что он хочет просто-напросто скрыться от всех друзей и знакомых, поселившись в другом месте. Вроде бы исчезнуть на время.

— Почему вы так решили?

Том подробнейше рассказал обо всех событиях, особенно напирая на смерть Фредди Майлза, потрясшую Дикки.

— Как вы думаете, Ричарду было известно, кто убил Фредди Майлза?

— Думаю, что нет.

Мак-Карон перевел взгляд на Мардж.

— Нет, — произнесла она, отрицательно покачав головой.

— Скажите-ка мне вот что, — начал Мак-Карон, обращаясь к Тому, — как вы считаете, может ли все это быть ключом к дальнейшему его поведению? Может ли он и теперь продолжать скрываться, чтобы избежать встречи с полицией?

— У меня нет никаких оснований для категорических утверждений.

— Как вы думаете, мог ли Дикки опасаться чего бы то ни было?

— Не могу себе этого представить, — ответил Том.

Мак-Карон начал расспрашивать, насколько близкими друзьями были Дикки и Фредди, не было ли между ними каких-либо денежных счетов, соперничества на романтической почве…

— Я знаю только одну девушку, с которой оба были знакомы, — тут же откликнулся Том. — Это — Мардж.

На что Мардж тотчас возразила: она никогда не была девушкой Фредди, поэтому какое-либо соперничество на этой почве исключается, и пусть Том скажет, что именно он был лучшим другом Дикки в Европе.

— Я бы не стал утверждать это, — отозвался Том. — Я считаю, что лучший друг Дикки — Мардж Шервуд. Я вообще не знаю ни о каких других друзьях в Европе.

Мак-Карон снова уставился на Тома:

— Каково ваше мнение насчет этих поддельных чеков?

— А разве они поддельные? По-моему, никто этого однозначно не утверждал.

— Я вообще не думаю, что чеки поддельные,

— вставила Мардж.

— Мнения экспертов на этот счет разделились, — начал Мак-Карон. — Многие считают, что подпись на чеках, предъявленных в Неаполитанский банк, подлинная. А это означает только одно: если на каких-то других чеках она поддельная, то Дикки покрывает кого-то. Если согласиться с тем, что часть чеков подписана не им, то, как вы считаете, кого именно он мог бы покрывать?

Том заколебался, а Мардж твердо заявила:

— Я достаточно хорошо знаю Дикки и не могу себе представить, чтобы он мог покрывать кого-либо. С какой стати?

Мак-Карон пристально смотрел на Тома, то ли сомневаясь в чистосердечности сказанного им, то ли тщательно обдумывая только что услышанное. Трудно сказать. Мак-Карон выглядел как типичный американец, занимающийся перепродажей автомобилей или чем-нибудь еще в этом роде. Жизнерадостный, солидный, весьма ограниченного интеллекта, обычно обсуждающий бейсбол с мужчинами и говорящий плоские комплименты женщинам. Том был весьма невысокого мнения об его уме, но было бы все-таки глупо недооценивать противника. Его небольшой, с пухлыми губами рот приоткрылся, и он

произнес:

— Не могли бы вы, мистер Рипли, спуститься со мной вниз и уделить мне несколько минут для разговора, если вы еще располагаете временем?

— Конечно, — отозвался Том вставая.

— Мы ненадолго, — обратился сыщик к мистеру Гринлифу и Мардж.

Уже стоя на пороге, Том оглянулся: мистер Гринлиф приподнялся со своего места, как бы собираясь сказать что-то, но Том его уже не слушал. Для него вдруг стало важным, что идет дождь и серые струйки растекаются по оконным стеклам. Торопливым затуманенным прощальным взглядом он оглядел все вокруг: Мардж, такая маленькая и нелепая посреди этой большой комнаты; мистер Гринлиф, вдруг превратившийся в дряхлого, трясущегося старика, пытающегося протестовать. Но главное во всей этой картине была сама комната: уютная, с видом на канал, на другой стороне которого стоял его дом, невидимый сейчас из-за дождя. Его дом, который он, наверное, уже никогда не увидит.

А мистер Гринлиф спрашивал:

— Так вы вернетесь назад всего через несколько минут?

— О да, — ответил Мак-Карон с беспристрастно-

стью прокурора.

Они подошли к лифту. «Неужели это происходит именно так? — размышлял Том. — Несколько негромких слов, сказанных в коридоре. Его препроводят в итальянскую полицию, а Мак-Карон, как и обещал, вернется в номер мистера Гринлифа». Мак-Карон держал в руках какие-то бумаги из своей папки. В лифте Том принялся внимательно изучать продолговатое лепное украшение возле светового табло в виде полоски с цифрами этажей, овал с четырьмя загогулинами. Этот овал с четырьмя загогулинами все время был перед его глазами, пока они спускались вниз.

«Придумай какую-нибудь простую, обыденную фразу, например касающуюся мистера Гринлифа», — приказал себе Том. Он стиснул зубы. Только бы не прошиб пот. Вроде бы пока нет, но, быть может, все лицо заблестит от мелких капелек, когда они спустятся в вестибюль.

Мак-Карон едва доставал до его плеча. Как только лифт остановился, Том повернулся и, с усилием растянув губы в улыбке, мрачным тоном спросил:

— Вы впервые в Венеции?

— Да, — ответил Мак-Карон.

Сыщик вел Тома через вестибюль.

— Зайдем сюда? — указал он на кофейный бар. Голос был вполне вежливым.

— Хорошо, — с готовностью согласился Том. В баре было не так уж много народу, но найти отдельный столик в укромном месте, где их никто не слышал бы, оказалось нелегко. Неужели Мак-Карон выбрал это место для того, чтобы загнать его в угол, выкладывая на стол один факт за другим? Он сел на стул, предложенный Мак-Кароном. Сам сыщик сел спиной к стене.

Подошел официант:

— Что угодно, синьоры?

— Кофе, — сказал Мак-Карон.

— Капуччино, — заказал Том. — А вы будете капуччино или эспрессо?

— А который со сливками? Капуччино?

— Да.

— Тогда я выпью капуччино.

Том заказал кофе.

Мак-Карон взглянул на Тома. Его маленький рот кривился в улыбке. Том тут же представил себе несколько возможных вариантов начала разговора. «Это вы убили Ричарда? История с кольцами — явный перебор, не так ли?» Или: «Расскажите мне подробно историю, связанную с той лодкой в Сан-Ремо, мистер Рипли». Или

просто и спокойно, подводя разговор к самому главному: «Где вы были пятнадцатого февраля, когда Ричард сошел с теплохода… в Неаполе? Хорошо, а где вы тогда жили? А где вы жили, скажем, в январе?.. Вы можете это доказать?»

А между тем Мак-Карон молчал и со слабой улыбкой разглядывал свои пухлые руки. Как будто для него было до смешного просто распутать весь этот клубок событий и сейчас он только силится облечь свои мысли в слова.

За соседним столиком четверо итальянцев оживленно беседовали, то и дело перебивая друг друга. Время от времени раздавались взрывы хохота. Тому очень хотелось уйти куда-нибудь подальше, но он сидел не шевелясь.

Том напрягся, ощутив, что его тело стало крепким, как железо, и теперь он в состоянии бросить вызов. Он услышал свой невероятно спокойный голос:

— Когда были проездом в Риме, вы успели встретиться с лейтенантом Роверини?

И, спрашивая, вдруг неожиданно для себя осознал, что его вопрос не пустой. Ведь таким образом он выясняет, знает ли американец об истории с лодкой в Сан-Ремо.

— Нет, не успел. Я узнал, что мистер Гринлиф

будет в Риме сегодня, но я приехал в Рим так рано, что решил тут же лететь сюда, чтобы не терять времени и застать его здесь, а также поговорить с вами. — Тут Мак-Карон углубился в бумаги. — Скажите, а что представляет собой Ричард в чисто человеческом плане? Как бы вы могли охарактеризовать его как личность?

Неужели Мак-Карон собирается действовать именно таким образом? Попытается найти какие-то зацепки в словах, которыми Том постарается описать Дикки? Или ему и впрямь нужно объективное мнение, которого он не смог получить у родителей Дикки?

— Он хотел быть художником, но понимал, что очень хорошим художником не сможет стать никогда, — начал Том. — Он старался вести себя так, будто его это вовсе не волнует и что он совершенно счастлив, живя в Европе и ведя тот образ жизни, который его устраивал. — Том облизнул губы. — Мне кажется, эта жизнь постепенно начала ему приедаться. Вы, вероятно, знаете, что и отец не одобрял его образа жизни. Кроме того, его отношения с Мардж также зашли в тупик.

— Что вы имеете в виду?

— Мардж была влюблена в него, а он в нее — нет. В то же время они в Монджибелло постоянно

виделись, и она надеялась… — Том почувствовал более твердую почву под ногами, но сделал вид, будто с трудом подбирает слова. — Он, собственно, никогда не обсуждал это со мной. О Мардж всегда говорил с восхищением. Относился к ней очень хорошо, но всем, да и ей самой, было ясно, что он никогда на ней не женится. Однако Мардж не сдавалась. Думаю, что это было основной причиной, по которой Дикки покинул Монджибелло.

Мак-Карон слушал Тома внимательно и сочувственно.

— Что вы имеете в виду, говоря, что Мардж не сдавалась? Как она, собственно, действовала?

Том подождал, пока официант расставил перед ними дымящиеся чашки капуччино и положил под сахарницу счет.

— Она продолжала писать ему, просила о встрече, хотя конечно же, я убежден, делала это очень тактично, давая возможность побыть одному, раз ему этого хотелось. Он рассказал мне обо всем этом во время нашей встречи в Риме. Сказал, что после смерти Майлза у него совершенно пропало желание видеть Мардж, и он боялся, что она, услышав о начавшихся у него неприятностях, надумает приехать из Монджибелло в Рим.

— Как вы думаете, а почему, собственно говоря,

он так нервничал после убийства? — Мак-Карон отхлебнул кофе, поморщился, ощутив горечь, и принялся мешать его ложечкой.

Том объяснил. Они были очень хорошими друзьями, а Фредди убили через несколько часов после того, как он ушел от Дикки.

— Как вы думаете, Ричард мог убить Фредди?

— Нет, не мог.

— Почему?

— Потому что у него не было на это никакой причины. По крайней мере, известной мне.

— Обычно в таких случаях люди говорят: потому, что тот-то и тот-то не способен убить. Том заколебался:

— Неужели? Не знаю. Я, собственно, никогда не задумывался над тем, какие именно люди способны на убийство. Один раз мне довелось видеть его очень рассерженным…

— Когда?

Том рассказал о тех двух днях в Риме, когда Дикки был одновременно раздражен и удручен из-за допроса в полиции, после чего съехал с квартиры, дабы не отвечать на звонки знакомых и незнакомых людей. Том связывал это с ухудшением общего душевного состояния. У него как раз была полоса творческих неудач. Он обрисовал

Дикки как упрямого молодого человека. Его содержит отец, и потому приходится считаться с его желаниями. По словам Тома, Дикки сумасброд, способный проявить щедрость по отношению как к знакомым, так и к незнакомым людям, человек, весьма изменчивый в настроениях: то очень общительный, то угрюмый, жаждущий уединения. Том закончил тираду утверждением, что Дикки — весьма заурядный молодой человек, которому очень хотелось быть необыкновенным.

— Если он и вправду покончил с собой, это могло произойти потому, что он знал свой основной недостаток: несоответствие собственных возможностей и претензий. Для меня гораздо проще представить его самоубийцей, нежели убийцей, — заключил Том.

— Но я отнюдь не уверен, что он убил Фредди Майлза. А у вас какое мнение на этот счет?

Том не сомневался: Мак-Карон ведет себя по отношению к нему совершенно искренне, ожидает, что Том начнет защищать Дикки — ведь они были близкими друзьями. Страх начал понемногу отступать, хотя и очень медленно, будто внутри Тома начал таять лед.

— Полной уверенности у меня нет. Но мне невероятно трудно в это поверить.

— У меня тоже нет такой уверенности. Но ведь это объяснило бы очень многое, не так ли?

— Да, — согласился Том. — Это объяснило бы все.

— Ну что ж, работа еще только начинается. Это всего лишь первый день, — произнес Мак-Карон с оптимистической улыбкой. — Я даже еще не ознакомился с отчетом римской полиции. Вероятно, после поездки в Рим мне захочется снова побеседовать с вами.

Том пристально взглянул на сыщика. Кажется, их разговор уже закончен.

— Вы владеете итальянским?

— Не так чтобы очень, но могу читать. Гораздо лучше владею французским. Думаю, языковых проблем у меня не будет. — Мак-Карон сказал это таким тоном, будто знание языка не имело особого значения.

А на самом деле оно имело решающее значение. Невозможно себе представить, чтобы, общаясь исключительно с помощью переводчика, Мак-Карон смог получить от Роверини все сведения по делу Ричарда Гринлифа. К тому же в этом случае Мак-Карон вряд ли сумеет поговорить с такими людьми, как квартирная хозяйка Дикки в Риме. А это весьма немаловажно.

— Я беседовал с Роверини здесь, в Венеции, несколько недель назад, — сказал Том. — Передайте ему от меня большой привет.

— Передам. — Мак-Карон закончил пить кофе. — В связи с тем что вы так хорошо знаете Дикки, как вы думаете, куда бы он мог направиться, желая скрыться от всех?

Том слегка выгнул спину, прислонившись к спинке стула. Кажется, американец подбирается к самой сути.

— Ну, насколько я знаю, больше всего он любит Италию. Франция маловероятна. Любит также Грецию. Одно время упоминал о Мальорке. Я думаю, он также вполне мог отправиться в Испанию.

— Понятно, — произнес Мак-Карон со вздохом.

— Вы возвращаетесь в Рим сегодня? Мак-Карон поднял брови:

— Можно бы и сегодня, если удастся немного поспать. Я уже два дня не спал нормально.

Том отметил про себя, что держится Мак-Карон очень хорошо.

— Мистер Гринлиф узнавал расписание. Есть два утренних и, кажется, два дневных поезда. Он намеревался уехать в Рим сегодня.

— Да, мы могли бы уехать вместе сегодня днем.

— Мак-Карон, пошарив рукой, достал счет из-под сахарницы. — Большое спасибо за помощь, мистер Рипли. У меня есть ваш адрес и номер телефона на случай, если возникнет необходимость встретиться с вами снова.

Они поднялись.

— Вы не против, если я зайду попрощаться с Мардж и мистером Гринлифом?

Мак-Карон не возражал. Том едва удержался, чтобы не начать насвистывать итальянскую песенку:

Не разрешает папа твой,

Не разрешает мама,

Но как же нам с тобой…

Входя в комнату, Том пристально взглянул на Мардж, пытаясь усмотреть на ее лице признаки враждебности. Вид у нее был скорбный, словно она только что овдовела.

— Я бы хотел задать несколько вопросов и мисс Шервуд, также наедине. Вы не возражаете? — обратился Мак-Карон к мистеру Гринлифу.

— Конечно нет. Я как раз собирался спуститься в вестибюль за газетами, — ответил тот.

Мак-Карон продолжал расследование. Том распрощался с Мардж и мистером Гринлифом на тот случай, если они уедут в Рим сегодня же и он

больше не увидится с ними. Потом обратился к Мак-Карону:

— Если я вам понадоблюсь, с удовольствием в любое время приеду в Рим. Во всяком случае, пробуду здесь до конца мая.

— До этого времени что-нибудь выяснится, — сказал Мак-Карон, улыбаясь своей загадочной ирландской улыбкой.

Том спустился в вестибюль вместе с мистером Гринлифом.

— Он опять задал мне те же самые вопросы, а кроме того, попросил высказать свое мнение о характере Ричарда, — сказал Том.

— Ну и какое же мнение вы высказали? — спросил мистер Гринлиф упавшим голосом.

Том прекрасно понимал, что и самоубийство, и просто желание удалиться от всех — такое поведение сына мистер Гринлиф в равной степени считал предосудительным.

— Я сказал, что разделяю мнение о том, что Дикки мог скрываться ото всех, так же как и то, что он мог совершить самоубийство.

Мистер Гринлиф ничего не ответил, только молча сжал локоть Тома:

— До свидания. Том.

— До свидания, — ответил Том. — Надеюсь, вы

дадите о себе знать.

Отношения с мистером Гринлифом складывались вполне нормальные. Наверное, они будут хорошими и с Мардж. Она проглотила версию о самоубийстве, и теперь все ее мысли потекли по этому руслу.

Весь тот день Том провел дома в ожидании телефонных звонков. Он полагал, что должен быть хоть один звонок от Мак-Карона, пусть по пустячному поводу. Но звонков не было. Позвонила только графиня Титти, которая пригласила его на дневной коктейль. Он принял приглашение.

А почему, собственно, он должен ожидать неприятностей со стороны Мардж? Ведь она их еще ни разу ему не доставила. Самоубийство Дикки отныне станет для нее навязчивой идеей, и она всеми силами будет направлять свое воображение именно в эту сторону.

Глава 28

Мак-Карон позвонил Тому на следующий день из Рима, попросил перечислить знакомых Дикки в Монджибелло. Вероятно, и в самом деле звонил только ради этого. Потратил массу времени, составляя этот список по телефону и сравнивая его с тем, что дала Мардж. Большинство названных Томом имен уже были в ее списке, но Том снова назвал всех этих людей с их трудными адресами: конечно же Джордже; Пьетро, лодочник; Мария — тетка Фаусто, фамилии которой он не знал, но все же, хоть и с трудом, объяснил, где она живет; Альдо, бакалейщик; семейство Чекки и даже отшельник Стивенсон — старый художник, который жил не в самой деревне, а неподалеку и кого сам Том ни разу не видел.

Чтобы составить этот список, Тому потребовалось несколько минут, а чтобы проверить, Мак-Карону, вероятно, потребуется несколько дней. В список он включил всех, кроме синьора Пуччи, который занимался продажей дома и лодки Дикки. Он наверняка рассказал бы Мак-Карону, если этого еще не сделала Мардж, что Том

Рипли приезжал в Монджибелло, дабы устроить все дела Дикки. Впрочем, Том не считал очень уж для себя серьезным, если тем или иным путем сыщик узнает, что он улаживал дела Ричарда. А с такими личностями, как Альдо и Стивенсон, Мак-Карон пусть себе беседует сколько душе угодно.

— У него были знакомые в Неаполе? — спросил Мак-Карон.

— Лично я никого не знаю.

— А в Риме?

— К сожалению, мне не доводилось его видеть ни с кем из знакомых в Риме.

— И вы никогда не встречали этого художника — как его там? — Ди Массимо?

— Нет. Только видел его однажды, но не был с ним знаком.

— Как он выглядит?

— Это было на углу какой-то улицы. Я отстал от Дикки, когда он направился навстречу этому Ди Массимо. Так что вблизи его не видел. Рост около ста восьмидесяти сантиметров, черные с проседью волосы... Это, пожалуй, все, что я запомнил. Помню еще, на нем был светло-серый костюм.

— М-да... о'кей, — рассеянно обронил Мак-Карон. По-видимому, он все это записывал. — Так. Ну, мне кажется, теперь все. Большое спасибо,

мистер Рипли.

— Всегда к вашим услугам. Желаю удачи. В течение нескольких последующих дней Том почти не выходил из дому, как всякий нормальный человек, когда поиски его пропавшего друга в самом разгаре. Отклонил несколько приглашений на вечеринки. Интерес прессы к исчезновению Дикки вновь пробудился, его подогревало присутствие в Италии американского частного детектива, приглашенного отцом Дикки. Когда к Тому явились корреспонденты «Эуропео» и «Оджи», чтобы сделать фотографии его самого и его дома, он решительно потребовал, чтобы они удалились, а одного слишком настырного молодого человека взял под локоток и, протащив через всю гостиную и холл, вытолкал через входную дверь. Ничего особенного в течение этих пяти дней, собственно говоря, не произошло: никаких телефонных звонков, никаких писем, даже от Роверини. Временами Тому мерещилось самое худшее, особенно в сумерках, когда его охватывала тоска, как ни в какое другое время суток. Он рисовал в воображении, как Роверини и Мак-Карон сидят где-нибудь и разрабатывают версию об исчезновении Дикки в ноябре, как Мак-Карон тщательно анализирует события того

периода, когда Том купил машину. Чувствует, что напал на след, когда обнаруживается, что Дикки не вернулся из поездки в Сан-Ремо, в то время как Том приезжает, чтобы распорядиться его имуществом. Он долго размышлял над усталым бесстрастным «до свидания», сказанным вчера мистером Гринлифом, расценивая его как недружелюбное, представляя, какая ярость его охватит, когда после отчаянных безрезультатных попыток найти Дикки он потребует тщательно изучить поведение этого негодяя Тома Рипли, которого он сам, снабдив деньгами, послал в Италию, чтобы вернуть сына домой.

Но наступало новое утро, и Том снова смотрел на мир с оптимизмом. Хорошо, что Мардж безоговорочно верила, будто Дикки, будучи в мрачном настроении, провел несколько месяцев в Риме. Она наверняка хранит все письма от него и, вероятно, покажет их Мак-Карону. Письма были просто великолепные. Том радовался, что не зря потратил на них столько усилий. Психику легковерной Мардж можно было бы назвать скорее здоровой, нежели болезненной. Как хорошо, что в тот вечер, когда она обнаружила кольца, он не поддался этому искушению с ботинком.

Каждое утро из окна своей спальни он наблю-

дал за восходом солнца: как оно вставало и, с трудом пробиваясь сквозь зимний туман, появлялось над городом, ярко светило всего несколько часов, и это исполненное покоем начало было словно обещание мира и гармонии в будущем. С каждым днем становилось теплее, больше света и меньше дождей. Уже почти наступила весна. Когда-нибудь, в одно прекрасное утро, он взойдет на борт корабля и отправится морем в Грецию.

На шестой день после отъезда мистера Гринлифа вместе с Мак-Кароном Том вечером позвонил в Рим мистеру Гринлифу. Никаких новостей не было, но он и не рассчитывал услышать ничего нового. Мардж уехала домой. Том считал, что, пока мистер Гринлиф находится в Италии, газеты будут каждый день печатать какие-либо материалы по делу Дикки Гринлифа. Но поскольку все сенсационные новости, по-видимому, были исчерпаны, газеты молчали.

— А как себя чувствует ваша жена? — спросил Том.

— Неплохо. Хотя переживания, конечно, сказываются на ее здоровье. Я разговаривал с ней вчера вечером.

— Грустно слышать это, — сказал Том. И подумал, что надо бы написать ей небольшое

любезное дружеское письмо. Пока мистер Гринлиф здесь, в отъезде, она там одна. Как это он раньше не сообразил.

В конце недели мистер Гринлиф намеревался отбыть в Штаты, но в его планы входило заехать сначала в Париж: французская полиция тоже вела расследование. Мак-Карон будет сопровождать мистера Гринлифа, а если в Париже они не узнают ничего нового, то немедля вернутся домой.

— Для меня, как и для всех остальных, совершенно очевидно, что либо Ричарда нет в живых, либо он тщательно скрывается. Хотя, кажется, нет уголка в мире, где бы не было объявления о его розыске. За исключением разве что России. Господи, по-моему, он никогда не проявлял интереса к этой стране.

— К России? Как будто нет.

Совершенно ясно: мистер Гринлиф убежден, что либо Дикки уже нет в живых, либо «черт его знает, где он там ошивается». Причем во время этого последнего разговора с Томом суждение «черт его знает, где он там ошивается» явно преобладало.

В тот же вечер Том отправился в гости к Питеру Смит-Кингсли. Питер показал несколько англо-

язычных газет, присланных друзьями; в одной из них была фотография Тома, выпроваживающего корреспондента «Оджи» из своего дома. Эту фотографию Том уже сподобился видеть в итальянских газетах. Фотографии его самого на улицах Венеции, а также его дома тоже достигли Америки: Боб и Клио прислали вырезки с фото из нью-йоркских бульварных газет. Вся эта история казалась им просто захватывающей.

— Мне лично все это просто осточертело, — заявил Том. — Я все еще остаюсь здесь только из вежливости и в надежде быть полезным полиции в расследовании. И если еще какие-нибудь репортеры попытаются вломиться в мой дом, я начну стрелять, как только они переступят порог.

Его слова звучали очень убедительно, ведь он и в самом деле был раздражен и возмущен.

— Я тебя прекрасно понимаю, — отозвался Питер. — Знаешь, в конце мая возвращаюсь домой. И буду просто счастлив, если ты захочешь поехать вместе и погостить у меня в Ирландии. У нас там тихо, как в могиле, смею тебя уверить.

Том взглянул на Питера. Он уже рассказывал о своем старом замке в Ирландии и затем показал его фотографии. Вдруг, подобно яркой вспышке, в сознании Тома пронеслись некоторые страшные

детали его взаимоотношений с Дикки. Пронеслись и погасли, как неясные злые духи прошлого. Ведь то же самое, что произошло с Дикки, могло бы случиться и с Питером. Ведь этот Питер тоже простодушный, доверчивый, наивный и щедрый. Вот только внешне они с Томом совершенно не похожи. Правда, как-то вечером он, к изумлению Питера, вдруг изобразил его, рассказывая о чем-то: стал произносить слова с явным ирландским акцентом, дергать головой в одну сторону. И Питер нашел это потрясающе смешным. Теперь Том понял, что не следовало этого делать. Ему вдруг стало до боли стыдно за тот вечер и за промелькнувшую мысль о том, что случившееся с Дикки могло бы случиться и с Питером.

— Спасибо, — поблагодарил Том. — Но для меня лучше какое-то время побыть одному. Мне так не хватает моего друга Дикки, я ужасно скучаю по нему.

У Тома на глаза навернулись слезы. Он вспомнил, как улыбался Дикки при их первой встрече и позднее, когда Том признался, что это отец Дикки прислал его в Монджибелло. В его памяти пронеслись воспоминания об их первой сумасшедшей поездке в Рим. Он тепло вспомнил даже те полчаса, проведенные в баре «Карлтон» в

Канне, когда Дикки был угрюм и раздражителен. Ведь, собственно говоря, на это была конкретная причина: это он привез туда Дикки, а того совершенно не интересовал Лазурный берег. Ах, если бы хватило ума не тащить Дикки с собой осматривать достопримечательности, если бы он не был столь алчным и нетерпеливым, не судил так глупо о взаимоотношениях Дикки и Мардж и дождался, пока они не расстанутся естественным путем, то ничего бы не произошло и он смог бы оставшуюся жизнь провести вместе с Дикки, просто жить и наслаждаться путешествиями. И зачем только он в тот день напялил на себя его одежду…

— Я все понимаю, Том, старина. Все понимаю, — сказал Питер, сжимая его плечо.

Том бросил на него затуманенный от слез взгляд. В эту минуту он представил себе, как они с Дикки плывут на океанском лайнере в Америку праздновать Рождество, как радушно их встречают его родители, как будто он, Том, не просто друг, а родной брат Дикки.

— Спасибо, — сказал Том.

У него получилось по-детски: «Сасибо».

— Я подумал бы, что ты не в себе, если бы не знал, что именно тебя подкосило, — сочувственно

произнес Питер.

Глава 29

«Венеция 3 июня 19…

Дорогой мистер Гринлиф!

Сегодня, собирая свой чемодан, я наткнулся на запечатанный конверт, который Ричард передал мне в Риме и о котором по неясной мне самому причине я совершенно забыл. На конверте написано: „Не вскрывать до июня“, а сейчас как раз июнь, и я его вскрыл. В конверте оказалось завещание Ричарда, согласно которому свой доход и все свое имущество он оставляет мне. Я поражен этим так же, как, вероятно, и Вы. В то же время стиль и форма завещания (оно отпечатано на машинке) свидетельствуют о том, что оно составлено в здравом уме.

Мне ужасно жаль, что я не вспомнил о конверте прежде, потому что тогда у нас гораздо раньше было бы доказательство того, что Дикки собирался расстаться с жизнью. Этот конверт я засунул в карман чемодана и напрочь забыл о нем. Ричард

передал мне его в тот самый последний раз, когда мы с ним виделись в Риме и он находился в состоянии глубокой депрессии.

По зрелом размышлении я решил послать фотокопию завещания Вам, чтобы Вы могли сами ознакомиться с ним. Я впервые в своей жизни сталкиваюсь с завещанием и совершенно ничего не смыслю в юридической процедуре. Что мне делать?

Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания миссис Гринлиф и позвольте уверить Вас, что я глубоко сочувствую вам обоим и сожалею о необходимости посылать Вам это письмо. Пожалуйста, ответьте мне как можно скорее. Пишите по адресу: Американское агентство, Афины, Греция.

Всегда искренне Ваш

Том Рипли».

В некотором роде это был вызов судьбе. Могла последовать новая экспертиза — сличение подписей на завещании и на банковских чеках. Одна их тех безжалостных экспертиз, которые затевают

страховые и юридические компании, когда дело касается средств из их собственного кармана. Но он просто ничего не мог с собой поделать. В середине мая купил билет в Грецию, а в Венеции дни становились все чудеснее и чудеснее. Он вывел свою машину из гаража и отправился путешествовать через Бреннер в Зальцбург и Мюнхен, а потом в Триест и Бальцано. Погода все время стояла прекрасная, только когда он был в Мюнхене, вдруг начался удивительно тихий весенний ливень. Он в это время прогуливался по английскому саду и даже не попытался где-нибудь укрыться, а продолжал бродить, как ребенок, завороженный мыслью, что впервые в жизни на него падают капли немецкого дождя.

На его собственном счете оставалось только две тысячи долларов, переведенные с банковского счета Дикки (из общей суммы его дохода), и он не решался снять с его счета еще денег. Ведь с того раза прошло всего три месяца. Поэтому соблазн заполучить все деньги Дикки стал непреодолимым. Риск только усиливал искушение.

Ужасно наскучили эти тоскливые, однообразные недели в Венеции, когда каждый последующий день в очередной раз свидетельствовал, что ему ничто не угрожает, и в то же время под-

черкивал безысходность его существования. Роверини больше не писал. Алвин Мак-Карон вернулся в Америку, а до того только однажды, как-то между делом, позвонил из Рима. Из этого Том заключил: они оба с мистером Гринлифом решили, что либо Дикки уже нет в живых, либо он тщательно скрывается и в любом случае дальнейшие розыски бесполезны. Газеты прекратили какие бы то ни было публикации о Дикки, потому что печатать было нечего. Том буквально сходил с ума от ощущения неопределенности и душевной пустоты, пока не решил проехаться на автомобиле в Мюнхен. Когда вернулся в Венецию, чтобы собрать вещи перед поездкой в Грецию и запереть дом, настроение снова резко испортилось: он собирается посетить Грецию, эти легендарные античные острова, опять-таки в качестве ничтожного Тома Рипли, скромного и застенчивого обладателя жалких двух тысяч долларов, которые стремительно тают, так что всякий раз, когда ему захочется что-либо приобрести, например книгу по греческому искусству, придется хорошенько подумать. Мысль об этом была нестерпимой.

Еще в Венеции он решил, что это путешествие должно стать поистине великим событием в его

жизни. Перед взором предстанут величественные острова, и он будет наслаждаться их видом как сильная, дышащая полной грудью личность, а не какое-то пресмыкающееся ничтожество из Бостона.

И если в Пирее он попадет прямо в объятия полиции, все же тех дней, когда он, стоя на носу судна, проносился над морскими глубинами, подобно возвращающимся к родным пенатам Ясону или Одиссею, отнять у него уже никто не сможет. Тщательно обдумав все это, он написал письмо мистеру Гринлифу и отправил его за три дня до отплытия из Венеции. Мистер Гринлиф наверняка получит письмо не раньше чем через четыре-пять дней. Таким образом, он никак не сможет телеграммой заставить его задержаться в Венеции, пропустив свой рейс в Грецию. Это с любой точки зрения производило наилучшее впечатление: быть в течение нескольких дней неуловимым, пока не сойдет на берег в Греции, демонстрируя тем самым безразличие к тому, получит он, согласно завещанию, деньги или нет. Во всяком случае, он и не подумал из-за этого завещания отложить свое запланированное путешествие.

За два дня до отплытия Том отправился в гости

на чашку чаю к графине Титти делла Латта-Каччагуэрра, с которой познакомился, когда подыскивал дом в Венеции. Горничная провела его в гостиную, и он услышал приветствие, какого не доводилось слышать уже в течение многих недель:

— О, час, Томазо! Вы еще не читали дневных газет? Найдены чемоданы Дикки! И его картины! Здесь, в Венеции, в Американском агентстве! — Ее золотые серьги трепетали от возбуждения.

Том погрузился в чтение. Бечевки, которыми была перевязана коробка с холстами, случайно развязались, и служащий агентства, который стал их снова запаковывать и перевязывать, обнаружил подпись «Р. Гринлиф». У Тома задрожали руки, и, чтобы унять эту дрожь, пришлось крепко вцепиться в края газеты. Сообщалось, что полиция тщательно обследует все вещи в надежде обнаружить отпечатки пальцев.

— Возможно, он жив! — громко восклицала Титти.

— Не думаю, увы, что из всего этого следует, будто он жив. Возможно, убит или покончил с собой уже после того, как отправил эти чемоданы. То, что они отправлены на имя другого человека — Феншоу…

Он почувствовал, что графиня, которая сидит выпрямившись перед ним на диване, пристально смотрит, пораженная его нервозностью. Он собрался с духом и произнес:

— Вы понимаете, что происходит? Они роются в его вещах, чтобы найти отпечатки пальцев; они не стали бы этого делать, если бы были совершенно уверены, что это сам Дикки отослал вещи в агентство. И с какой стати он стал бы посылать их на хранение под именем Феншоу, если бы сам собирался забрать? Найден паспорт, запакованный вместе с другими вещами.

— А что, если он сам скрывается под именем этого Феншоу? О, милый Томазо, вам необходимо выпить чаю! — Титти поднялась с дивана. — Джустина! Чай, пожалуйста. И поскорее!

Сидя на этом мягком диване и по-прежнему сжимая газету, Том почувствовал головокружение. Неужели именно сейчас наступит главный поворот всего дела — начнутся поиски тела Дикки? Неужели ему до того не повезет, что именно теперь-то все и раскрутится?

— Ах, милейший Томазо, вы слишком пессимистичны! — воскликнула Титти, похлопав его по колену. — Это же хорошие новости! Только вообразите: вдруг будет установлено, что все

отпечатки пальцев на вещах принадлежат ему? Ведь это будет просто замечательно! Представьте: завтра, например, вы идете по какой-либо улочке здесь, в Венеции, и неожиданно лицом к лицу сталкиваетесь с Дикки Гринлифом, называющим себя сеньором Феншоу! — И она залилась своим очаровательным звонким смехом, который для нее был так же естественен, как дыхание.

— Здесь сказано, что среди вещей есть буквально все: пальто, обувь, бритвенный прибор, зубная щетка. Полный комплект, — отозвался Том, старательно пряча свой страх за мрачной интонацией. — Будь он жив, он не смог бы обойтись без этих вещей. Вероятно, убийца раздел покойного, а потом упаковал одежду и прислал сюда, потому что это самый простой способ замести следы.

Сказанное Томом заставило умолкнуть даже Титти. Помолчав, она сказала:

— Может быть, вы все-таки не будете так отчаиваться, пока, по крайней мере, не выяснится, чьи же это отпечатки пальцев? Завтра вы отправляетесь в такое приятное путешествие. А вот и ваш чай!

«Не завтра, а послезавтра, — пронеслось в голове у Тома. — Вполне достаточно времени для Роверини, чтобы взять у меня отпечатки пальцев

и сравнить их с теми, что были на чемоданах и картинах Дикки».

Он попытался представить себе все гладкие поверхности чемоданов и холстов, на которых мог сохраниться рисунок кожи его пальцев. Собственно говоря, их было не так уж и много, разве что у бритвенных принадлежностей, хотя, конечно, даже из крохотных пятнышек можно составить десять полноценных отпечатков, если очень постараться.

Надежду внушало только то, что у него до сих пор не взяли отпечатки пальцев, а может быть, и не возьмут, потому что он пока еще вне подозрений. А что, если у них уже есть отпечатки пальцев Дикки? Может быть, мистер Гринлиф немедленно вышлет оттиски из Америки, чтобы сличить с найденными на вещах? Отпечатки пальцев Дикки остались во многих местах: на его вещах в Америке, в доме в Монджибелло…

— Томазо! Пейте чай! — сказала Титти, снова осторожно дотронувшись до его колена.

— Спасибо.

— Посмотрим, что будет дальше. Во всяком случае, это какой-то шаг к выяснению истины. Раз это вас так удручает, давайте поговорим о чем-нибудь другом! Куда отправитесь после Афин?

Он попытался сосредоточиться на путешествии в Грецию. Страна представлялась ему золотистой. Такой ее делали блеск доспехов античных воинов и солнечный свет, которым пронизана эта земля. Перед мысленным взором предстали каменные статуи со спокойными, исполненными мужества лицами, как женские фигуры у входа в Эрехтенон[43]. Мысль о том, что перед поездкой в Грецию ему, возможно, придется давать отпечатки пальцев, была невыносима. Если это произойдет, он будет просто убит. Будет чувствовать себя ничтожней самой последней крысы в афинской канаве, униженней самого последнего нищего, который, возможно, обратится к нему за милостыней на улице в Салониках. Том закрыл лицо руками и зарыдал. Мечта о Греции лопнула, словно золотистый воздушный шарик.

Титти крепко обняла его за плечи своей пухлой рукой.

— Крепитесь, Томазо! Еще рано отчаиваться!

— Неужели вы не видите во всем этом дурного предзнаменования? — сказал Том уныло. — Неужели вы не видите?

---

[43] Примечания: 43

Эрехтенон — храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе в Афинах

Глава 30

Тома очень насторожило, что Роверини, до этого присылавший ему такие подробные дружеские послания, вдруг замолк и совершенно ничего не сообщил в связи с обнаруженными в Венеции чемоданами и картинами. Он провел бессонную ночь, а потом полный хлопот день, суетясь по дому, занимаясь мелкими домашними делами. Он расплатился с Анной и Уго, заплатил по счетам торговцам. Всю ночь и весь день был готов к тому, что в его дверь постучит полиция. Пропасть, разверзшаяся между его прежним размеренным и даже скучным существованием и теперешним, была просто душераздирающей. Он не мог ни спать, ни есть, ни просто спокойно сидеть на месте. Парадоксальность ситуации, когда он был вынужден принимать сочувствие Анны и Уго, а также отвечать на телефонные звонки друзей, которые спрашивали его мнение по поводу истории с найденными вещами Дикки, была невыносимой. Парадоксальность происходящего заключалась еще и в том, что ему не нужно было скрывать, как он удручен и, в каком

отчаянии. Никто не мог его ни в чем заподозрить. Для окружающих такое поведение было как раз совершенно естественным. Ведь многие считали вполне вероятным, что Дикки убит, но то, что в обнаруженных чемоданах находятся все его вещи, включая бритвенный прибор и расческу, выглядело весьма подозрительным.

И к тому же вся эта затея с завещанием… Мистер Гринлиф получит его письмо с фотокопией послезавтра. К этому времени полиция, наверное, уже будет знать: отпечатки пальцев на чемоданах не принадлежат Дикки. Кроме того, возможно, они успеют, задержав отплытие «Эллады», взять отпечатки у него самого. А если к тому же откроется, что завещание поддельное, правосудие станет неумолимым. И оба убийства будут тотчас раскрыты, это как дважды два.

Поднявшись на борт «Эллады», Том ощутил себя каким-то бесплотным призраком. Он был изнурен бессонницей и ничего не ел, только пил кофе-эспрессо и держался все это время исключительно за счет нервного напряжения. Собрался было спросить, есть ли у теплохода связь с берегом, но раздумал: и так ясно, что есть. Ведь он на солидном трехпалубном судне с сорока восьмью пассажирами на борту.

После того как стюард внес вещи в каюту, он буквально свалился, чуть живой от слабости, упав лицом на койку и подмяв под себя нелепо согнутую руку, и впал в забытье. Даже не было сил переменить положение. А когда очнулся, ощутил, что теплоход движется. И не как-нибудь, а стремительно, нежно покачиваясь в том приятном ритме, который таит в себе сдержанную мощь и обещание бесконечного свободного движения вперед, чему ничто не сможет помешать. Постепенно Том стал приходить в себя. Правда, рука, которую он отлежал, безжизненно свисала, болталась как плеть, так что, идя по коридору, пришлось придерживать ее другой рукой. Часы показывали без четверти десять, и на палубе царствовала кромешная тьма.

Вдали, с левого борта, был виден берег. Вероятно, югославский: несколько расплывчатых огней в тумане и больше ничего. Только водная гладь да темное небо, такое темное, будто они плыли на черный, натянутый на пути судна экран, в который оно беспрепятственно входило. Только из глубины неведомого пространства экрана почему-то дул ветер. На палубе никого не было. Другие пассажиры, вероятно, в ресторане поглощали поздний обед. Том наслаждался одиночеством,

рука мало-помалу обретала способность двигаться. Он ухватился за доски обшивки на носу судна, там, где они образуют букву V, и глубоко вздохнул. Утраченное было самообладание вновь возвращалось к нему. А что, если в эту минуту радист принимает радиограмму об аресте Тома Рипли? Пусть даже так, он все равно останется стоять здесь так же бесстрашно, как стоит сейчас. Или, быть может, броситься головой вниз через планшир, что послужит высшим проявлением мужества с его стороны, а также избавлением?

Но что это? Даже сюда из радиорубки на самом верху доносились сигналы: «бип-бип-бип»… Но его ничто не страшило. Будь что будет. Он предчувствовал, что именно таким и продлится его мироощущение во время плавания в Грецию. Бесстрашно вглядываться в глубины темных вод вокруг было столь же прекрасно, как и ловить взглядом очертания приближающихся греческих островов. В этой бархатистой июньской тьме его воображение рисовало небольшие островки, холмы Афин, усеянные домами, и Акрополь.

Среди пассажиров была пожилая англичанка, путешествующая в сопровождении незамужней дочери лет сорока, настолько нервной, что не могла даже минут пятнадцать спокойно позагорать

в своем шезлонге на палубе: то и дело вскакивала и громко заявляла, что идет «прогуляться». Мать, напротив, отличалась невероятным спокойствием и медлительностью. Ее правая нога была частично парализована и несколько короче левой. Она носила на этой ноге специальный ботинок с очень толстым каблуком и опиралась на трость. Когда он встречал подобных людей в Нью-Йорке, они просто бесили своей медлительностью, неизменным благообразием манер. Но здесь Том с удовольствием проводил с ней время, сидя в шезлонге на палубе и беседуя о том о сем, слушая ее рассказы о житье в Англии и Греции, которую она посетила в последний раз в 1926 году. Они вместе чинно прогуливались по палубе, она опиралась на его руку и постоянно извинялась за доставляемое беспокойство. Но ей явно льстило его внимание. Дочь тоже была счастлива, что кто-то взял на себя труд заботиться о матери вместо нее.

Не исключено, что в молодые годы пожилая англичанка была сущей мегерой. Возможно, из-за нее-то и выросла дочь такой неврастеничкой. Может быть, мать настолько привязала ее к себе, что та не имела ни малейшей возможности общаться с другими людьми и потому не смогла найти

спутника жизни. Наверное, эта дама заслуживала, чтобы ее выбросили за борт, а не выгуливали на палубе, часами слушая ее болтовню. Но какое все это имело значение? Разве каждый в этой жизни получает по заслугам? Разве он сам получил по заслугам? Ему незаслуженно повезло — сумел скрыть два совершенных им убийства. Ему везло с того самого момента, когда он начал играть роль Дикки. В первой половине жизни судьба была невероятно сурова к нему, но стоило встретиться с Дикки, как он был с лихвой вознагражден за все. Хотя сейчас в Греции должно произойти что-то очень нехорошее. Его везение чересчур затянулось, и подарки судьбы сыпались слишком долго… Но даже если поймают на отпечатках пальцев и подложном завещании и приговорят к смерти, неужели боль во время казни на электрическом стуле или сам факт смерти в двадцатипятилетнем возрасте настолько ужасны, что те счастливые месяцы, которые он провел начиная с ноября и до сегодняшнего дня, не стоят этого? Конечно же стоят!

Он сожалел единственно о том, что не успел объехать весь мир. Так хотелось побывать в Австралии. И в Индии. Так хотелось увидеть Японию и Южную Америку. Все жизненные невзгоды сто-

или радости соприкосновения с искусством этих стран. Теперь он уже многое знал о живописи, даже пытался копировать весьма посредственные работы Дикки. Посещая картинные галереи в Париже и Риме, открыл в себе интерес к живописи, о котором и не подозревал. Возможно, прежде его и не было. Сам он не собирался становиться художником, но, если бы у него были деньги, какое удовольствие он смог бы получить, собирая понравившиеся полотна и оказывая поддержку нуждающимся молодым талантам!

Вот по каким дебрям сознания блуждали мысли, когда он прогуливался с миссис Картрайт по палубе и выслушивал ее монологи, не всегда очень уж интересные. Миссис Картрайт была от него без ума. Она многократно выражала свою горячую благодарность за то, что он сделал это путешествие столь для нее приятным. Они строили совместные планы относительно встречи в отеле на Крите второго июля — Крит был единственным местом, где их пути пересекались. Миссис Картрайт собиралась продолжить путешествие автобусом по специальному туристическому маршруту. Том соглашался на все ее предложения, хотя был намерен, как только сойдет на берег, навсегда с нею распроститься.

Он представлял себе, как его самого полицейские хватают и ведут на борт другого судна, хотя, кто знает, может, назад, в Италию, его доставят самолетом. Насколько ему было известно, пока никаких радиограмм относительно него не поступало. Но может быть, ему о них просто не сообщали? Судовая газета — стандартный, отпечатанный на мимеографе листок с выдержками из центральных газет — каждый вечер неизменно появлялась на обеденном столе пассажиров. В основном там были политические новости, и ничего, связанного с делом Гринлифа, там быть не могло. Во время этого недолгого путешествия Том жил в атмосфере ожидания гибели, которую готов был встретить с бесстрашием и беззаветным мужеством. Его преследовали странные фантазии: дочь миссис Картрайт падает за борт, а он бросается в море и спасает ее. Или он борется с потоком воды, пробившим переборку, пытаясь закрыть брешь собственным телом. Он ощущал в себе сверхъестественную силу и бесстрашие.

Когда корабль приближался к материковой части Греции, Том стоял на палубе рядом с миссис Картрайт. Она рассуждала о том, насколько Пирей изменился с тех пор, как она была здесь в последний раз. Но Тома эти перемены вовсе

не интересовали. Порт существует, существует на самом деле, и это единственное, что имело значение. Впереди был не мираж, а настоящий склон горы, по которому он сможет гулять, а на нем дома, и он сможет дотронуться до них, если захочет.

Полицейские ждали на пристани. Их было четверо. Они стояли скрестив на груди руки, пристально вглядываясь в приближающееся судно. Том опекал миссис Картрайт до самой последней секунды, даже помог ей сойти со сходней на тротуар и только там с улыбкой распрощался с ней и ее дочерью. И они пошли получать багаж вместе со всеми, чьи фамилии начинались с буквы «К», чтобы потом направиться к своему автобусу, а он оставался с теми, кто был на букву «Р».

Все еще чувствуя на своей щеке теплый и влажный поцелуй миссис Картрайт, Том медленно побрел навстречу полицейским. Никакого шума при его задержании не будет. Он спокойно назовет свое имя. Позади полицейских заметил большой газетный киоск и решил купить газету. Наверное, против этого они не будут возражать. Полицейские со скрещенными на груди руками внимательно смотрели, как он приближается; на них были черные мундиры и фуражки. Том слабо

улыбнулся им. Один из офицеров приложил руку к козырьку и отступил в сторону, другие же не сделали никакой попытки окружить его. Теперь Том, поравнявшись с полицейскими, оказался между двумя из них, непосредственно перед газетным киоском, а они снова вперились взором в корабль, не обращая на него ни малейшего внимания.

У Тома закружилась голова. Он с изумлением увидел множество выставленных газет. Руки сами потянулись к хорошо знакомой римской газете всего трехдневной давности. Вытащил из кармана несколько лир и тотчас вспомнил, что у него нет греческих денег. Но продавец взял лиры так же охотно, как их берут в Италии, и даже сдачу сдал лирами.

— Я возьму еще вот эти, — произнес Том по-итальянски. Выбрал еще три итальянские газеты и парижскую «Геральд трибюн». Бросил быстрый взгляд на офицеров полиции. Они не обращали на него ни малейшего внимания.

Он подошел к навесу на пристани, где пассажиры ожидали багаж. Поравнявшись, услышал радостное приветствие миссис Картрайт, но сделал вид, что не слышит. Остановился под табличкой с буквой «Р» и раскрыл самую старую

из купленных итальянских газет. Она была четырехдневной давности.

«ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ РОБЕРТ ФЕНШОУ, ОСТАВИВШИЙ НА ХРАНЕНИЕ ВЕЩИ МИСТЕРА ГРИНЛИФА, НЕ НАЙДЕН», — прочитал он неуклюжий заголовок, а потом углубился в чтение длинной колонки под ним, но по-настоящему заинтересовался только пятым абзацем:

> «Несколько дней назад было установлено, что отпечатки пальцев на чемоданах и картинах совпадают с отпечатками пальцев в его квартире в Риме. Из этого был сделан вывод, что мистер Гринлиф сам сдал на хранение свои вещи…»

Том перевернул газетную страницу. А вот и продолжение:

> «…принимая во внимание тот факт, что отпечатки пальцев на предметах, находящихся в чемоданах, идентичны тем, что имеются в квартире синьора Гринлифа в Риме, полиция заключила, что синьор Гринлиф упаковал свои чемоданы и отослал их на хранение. В связи с этим возникает предположение, что он мог

совершить самоубийство, бросившись в какой-либо водоем, будучи совершенно обнаженным. Другое предположение в связи со всем этим состоит в том, что он скрывается под именем Роберта Феншоу или под каким-нибудь другим именем. Хотя существует и третья версия развития событий: он был убит после того, как упаковал все свои вещи; момент был выбран с расчетом на то, чтобы полиция не смогла обнаружить чужих отпечатков пальцев.

В любом случае продолжать поиски Ричарда Гринлифа бесполезно, так как, даже если он жив, у него нет паспорта на имя Ричарда Гринлифа…»

Том покачнулся, все поплыло перед глазами. Солнечный отблеск от кромки навеса едва не ослепил. Он машинально последовал за носильщиком, который понес его вещи в сторону таможенного контроля. Один из таможенников принялся торопливо осматривать содержимое чемодана, а он рассеянно наблюдал за этим, пытаясь осмыслить только что прочитанное. Последние новости означали, что он вне опасно-

сти. Обнаруженные в разных местах одинаковые отпечатки пальцев свидетельствовали о его невиновности. Все только что прочитанное означало, что его не только не ожидают ни смерть, ни тюрьма, но что он вообще вне всяких подозрений. Он — свободен. Единственная проблема — завещание.

Том сел на автобус, следовавший в Афины. Один из его бывших соседей по столу занял место рядом, но Том не сделал и намека на приветствие. Даже если бы тот спросил его о чем-нибудь, он не смог бы ему ответить.

Наверняка в Американском агентстве его ждет письмо по поводу завещания. Судя по всему, мистер Гринлиф должен ответить. Скорее всего, он тут же показал копию завещания одному из своих адвокатов, который и направил в Афины ответ в форме вежливого отказа. Не исключено, что его ждет также уведомление от американской полиции, в котором он обвиняется в подлоге. Возможно, оба письма уже ждут его в Американском агентстве. История с завещанием может погубить все.

Том посмотрел в окно: сухая, растрескавшаяся земля, дикий, первозданный пейзаж… Пока, собственно говоря, у полиции никаких улик

против него нет. Хотя, возможно, в Американском агентстве ждет засада. А может быть, и нет. Не исключено, те четверо были вовсе не полицейскими, а какими-нибудь армейскими офицерами.

Автобус остановился. Том вышел, взял чемодан и нанял такси.

— Будьте любезны, остановитесь, пожалуйста, у Американского агентства, — попросил Том шофера по-итальянски. И тот явно понял его, по крайней мере название «Американское агентство». И автомобиль тронулся. Том вдруг вспомнил, как эти же слова он произнес, обращаясь к шоферу такси в Риме в день отъезда в Палермо. Боже, как ликовал он в тот день, когда ему удалось ускользнуть от Мардж в отеле «Англия»!

Увидев вывеску «Американское агентство», он подался вперед, пытаясь отыскать взглядом полицейских. Они могли быть и внутри здания. Снова обратившись к водителю по-итальянски. Том попросил подождать его. Кажется, водитель понял и в этот раз — он вежливо прикоснулся рукой к фуражке. Все было до смешного просто, как и всегда бывает перед каким-нибудь потрясающим событием. Том оглядел вестибюль

Американского агентства. А вдруг стоит только назвать свое имя…

— Есть письма на имя Тома Рипли? — спросил он низким голосом по-английски.

— Риплей? Скажите, пожалуйста, как пишется.

Он сказал.

Дама повернулась и достала из ячейки несколько писем.

Пока ничего особенного не происходило.

— Три письма, — с улыбкой произнесла она по-английски.

Одно было от мистера Гринлифа. Одно — из Венеции, от Титти. Одно от Клио, его сюда переслали. Он распечатал письмо от мистера Гринлифа.

«9 июня 19…

Дорогой Том!

Ваше письмо от третьего июня я получил вчера. Оно не в той мере поразило меня и мою жену, как Вы склонны предполагать. Мы оба не сомневаемся, что наш сын был очень привязан к Вам, хотя он никогда не упоминал об этом в своих письмах. Вы отмечаете в своем письме, что наличие этого завещания, к

несчастью, указывает на то, что Ричард совершил самоубийство. К аналогичному выводу мы оба теперь пришли окончательно. Есть одна надежда, что он решил жить под чужим именем и таким образом порвать со своей семьей.

При данном положении вещей моя жена разделяет мое мнение о том, что независимо от того, как на самом деле поступил Ричард, мы должны действовать в соответствии с его желанием. Я передал фотокопию завещания своим адвокатам, и они будут информировать Вас о том, как продвигается дело по передаче в Ваши руки страхового фонда и другого имущества Дикки.

Еще раз благодарю Вас за Ваше внимание ко мне и помощь во время моего пребывания в Европе.

С наилучшими пожеланиями

Герберт Гринлиф».

Уж не розыгрыш ли это? Нет, он и в самом деле держит в руках письмо мистера Гринлифа, написанное на плотной шероховатой фирменной бумаге, с фирменным тиснением имени владель-

ца. К тому же подобного рода шутки со стороны мистера Гринлифа совершенно исключаются. Свершилось! Он получил все: и деньги Дикки, и свободу. Эта свобода, как и все прочее, состояла из его собственной свободы и свободы Дикки. Теперь он, если захочет, может иметь дом и здесь, в Европе, и в Америке. Деньги за дом в Монджибелло, которые предстоит получить, он решил тут же отослать Гринлифам: ведь дом продан раньше, чем написано завещание. Он с улыбкой подумал о миссис Картрайт. Когда они встретятся на Крите, надо будет преподнести ей корзину орхидей, если только они там продаются. Он представил себе, как сходит на вытянутый берег Крита, испещренный кратерами с застывшими неровными краями. По случаю прибытия теплохода — радостная суета на пристани, мальчишки, жаждущие чаевых, со всех ног бросаются нести его багаж, и он щедро одаривает всех, кто постарается ему услужить.

На какой-то миг привиделись четыре застывшие фигуры на пристани Крита: полицейские, скрестив на груди руки, терпеливо ожидают его. Но видение исчезло, уступив место порыву радости. Да неужели ему так и будут мерещиться полицейские на каждой пристани? В Алексан-

дрии? В Стамбуле? В Бомбее? В Рио? К чему об этом думать? Он расправил плечи. Незачем портить себе настроение, все время думая о вымышленных полицейских. Даже если сегодня на пристани действительно были полицейские, это совсем не означает…

— Где едем? Где едем? — повторял шофер, пытаясь говорить по-итальянски.

— В отель, пожалуйста, — ответил Том. — В самый лучший отель. В самый лучший. В самый лучший.